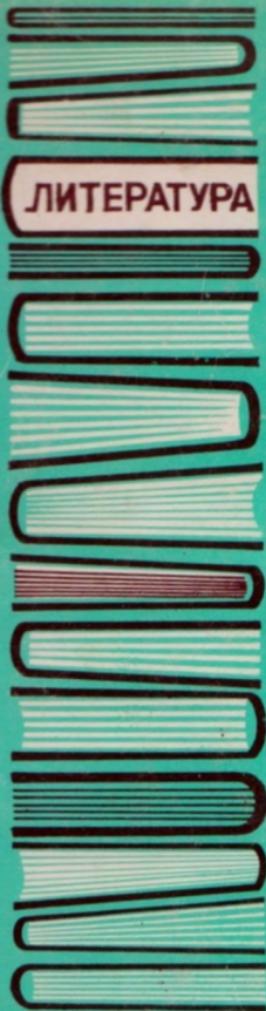


НЕШАМИТ

САРРА

ДЕТИ С УЛИЦЫ МАПУ



САРРА
НЕШАМИТ

ДЕТИ
С УЛИЦЫ
МАПУ

4

БИБЛИОТЕКА "АЛИЯ"

САРРА НЕШАМИТ

ДЕТИ С УЛИЦЫ МАПУ

Б

ИБЛИОТЕКА-АЛИЯ

990

שרה נשמית
הילדים מרחוב מאפו

Sara Neshamit
The Children of Mapu Street

Перевел с иврита Б.Подольский
Редактор Ц.Клепфиш

Репринт с издания 1973г.

ISBN 965-320-083-6

©

All rights reserved

כל הזכויות שמורות
לספרית-עליה
ת.ד. 4140 ירושלים
יצא לאור בסיווע:
האגודה לחקירת תפוצות ישראל, ירושלים
וקן זכרון למען תרבות יהודית, ניו-יורק

מהדורה שנייה בסיווע
הקרן לחינוך היהודי בתפוצות ע"ש ל.א. פינקוס

Printed in Israel

Среди полей ржи и широких лугов вьются пыльные дороги. Колышутся хлеба, клонятся золотые колосья, красный дикий мак заносчиво смотрит вверх, василек скромно опускает свою синюю головку.

Усталая лошадь медленно тащит телегу по немощеной дороге. На козлах дремлет широкоплечий крестьянин. На лугу пасутся рыжеватобурые и пестрые коровы с тяжелым выменем, лениво пережевывают траву. Испуганно смотрят вокруг кудрявые овцы.

Богатые рыбой озера, на берегах — рощи: сосна да ель, ясень, клен, ива. Кроны деревьев смотрятся в зеркало вод. Белым цветом сияют поля гречихи, голубеют равнины льна.

Край деревень и обширных полей. Старый деревянный крест, полусгнивший и поросший мхом, стоит на скрещении дорог, глядя на маленькие, разбросанные там и сям избы. Крохотные оконца изб смотрят на маленькие палисадники, в которых зеленеет рута и слышен запах мяты и резеды. Краснеют на солнце усыпанные ягодой вишневые деревья.

Здесь редко можно встретить заводы и дымившие фабричные трубы. Трактор не пашет поля, и комбайн не радует сердца работников. Медленно шагает за плугом крестьянин, медленно под-

гоняет прутом тонкую клячу. Во время жатвы он машет косой, а жена идет, согнувшись, вслед за ним и вяжет снопы.

Сверкает на солнце позолоченный крест на куполе церкви.

Местечко. От базарной площади расходятся в разные стороны улочки. Площадь окружают лавки, в которых евреи торопливо обслуживают покупателей — крестьян из соседних деревень.

Местечко погрузилось в вечерние сумерки.

Как прекрасен Неман и как красива Вилия! Из окон домов вырывается слабый свет. За закрытой дверью еврей подсчитывает выручку за день и спешит на вечернюю молитву. Склоняясь над тетрадками, дети готовят школьные уроки.

Это Литва.

А в Литве есть город Ковно.

Когда-то он был маленькой рыбачкой деревней. Со временем она выросла и при русских царях стала военной крепостью. Остатки укреплений — форты — до сих пор окружают город.

Около сорока тысяч евреев жило в Ковно: торговцы и ученые, ремесленники и писатели, врачи и учителя, адвокаты и рабочие. Евреи отстроили и украсили его, — и вырос новый город.

Ковно был городом иврита: у евреев были там свои учебные заведения, школы и гимназии, и древний язык привычно звучал в устах их учеников.

Расположен город там, где Вилия вливается в Неман.

Их высокие берега покрыты зелеными лесами. По субботам жители Ковно отправлялись за город — купаться и отдыхать в тени деревьев. Многие евреи даже построили себе дачи в лесу.

Если подняться ночью на гору на берегу Немана и Вилии, то виден весь город, сияющий множеством огней. На одной из этих гор писатель Авраам Мапу и писал свой роман «Любовь к Сиону». Отсюда, с берегов Немана, он духовным взором видел берега Иордана и Кинерета.

В Ковно была улица, названная именем Мапу. Старая была улица, с серыми двух- и трехэтажными домами, были на ней и маленькие одноэтажные домики. Дворы окружены с трех сторон домами, а спереди — ворота, ведущие на улицу. Во дворах, мощенных булыжником, нет ни палисадников, ни травы; только лужи после дождя там, где камни вдавились поглубже в землю.

Об одном таком дворе я хочу рассказать вам.

ПОД БЕРЕЗОЙ

Двор этот был немного больше обычного. Дом был невелик, и за счет этого увеличилась площадь двора. В доме было лишь несколько квартир на втором и третьем этаже. Первый этаж

занимали маленький продовольственный магазин, гараж и склад.

И еще кое-что было в этом дворе, что отличало его от соседних дворов: маленький садик и береза с ярко-зелеными листьями и белой, как снег, корой с черными черточками. Под этой березой дети двора знакомились друг с другом, в ее тени встречались и ее белую кору сдирали узкими полосками.

А вот и дети двора: Ривкеле и Давид — дети владельца магазина Виленского. Они жили в маленькой квартире на втором этаже над магазином. Тринадцатилетняя Шуламит — единственная дочь доктора Вайса, из квартиры в левом подъезде, на втором этаже; Сролик, тринадцати с половиной лет, и четырехлетний Янкеле, дети банковского служащего Левина, тоже жили на втором этаже, только справа.

На третьем этаже жила семья портного Когана с четырьмя детьми: Ханеле пяти лет, Этеле восьми, Шмулик двенадцати и Рувим — студент университета. Внизу, возле склада товаров, жил литовец-привратник, у которого тоже было трое детей: Ионас призывного возраста, Бируте — она в этом году закончила начальную школу и теперь учится шитью у госпожи Коган, и младший — десятилетний Юозас.

Дело было в начале июня. После сильных дождей нельзя было играть в саду, земля размокла, глина липла к ботинкам. Даже на скамейке под березой краска от сырости набухла

и отстала. Только само дерево выглядело свежим, и его листочки зеленели и блестели на солнце. В саду играли Этеле и Шмулик.

— Этеле, давай напишем наши имена на коре березы. Она белая, как бумага, — сказал Шмулик.

— А зачем? — спросила Этеле.

— Когда вырастем, уедем отсюда, — ответил Шмулик.

— Куда уедем?

— Не знаешь куда?.. В Палестину.

— Ну так что, если уедем?

— Тогда нас здесь не будет, а будут другие дети. Они прочитают наши имена и узнают, что мы тут жили.

— Хорошо, давай напишем. Я принесу ручку и чернила.

— Глупая! Здесь нельзя писать чернилами. Дождь все смоет. Возьмем ножик и вырежем на коре.

Шмулик вытащил свой новенький блестящий перочинный ножик, который он только вчера получил на день рождения, и занялся делом.

— Чье имя напишешь раньше? — озабоченно спрашивает Этеле.

— Мое, — отвечает Шмулик.

— Так нечестно, тетя Мирьям говорит, что имена женщин нужно писать раньше.

Шмулик колеблется. Он тоже это слышал, но ему не терпится увидеть свое имя вырезанным на коре дерева.

— Это не важно, — говорит Шмулик, — я напишу свое имя, а потом напишу твое выше, — и подумают, что сначала я написал «Этеле».

— Эй! Что вы там делаете? Зачем портите дерево?!

— Шмулик, — испуганно говорит Этеле, — дворник кричит. Бежим!

В садик вошла Ривкеле Виленская, глянула на детей и не сказала ни слова.

— Почему ты не здороваешься, когда видишь людей? — спрашивает Этеле.

— Моя мама говорит, что не нужно здороваться со всеми во дворе.

В этот момент входит Сролик, а за ним Шуламит. Сролик слышит слова Ривки и замечает:

— Младенцы вы, совсем* без понятия. «Здравствуйте» говорят каждому знакомому человеку. Но вы ж еще не люди, — заключает он с важным видом взрослого.

— Дети тоже «человеки», — обиженно возражает Этеле.

— Моя мама говорит, что порядочные дети всегда здороваются, — высказывает свое мнение Шуламит.

Сролик презрительно надувает щеки.

— Что вы понимаете, мелюзга.

— Если мы мелюзга, так зачем ты пришел сюда, кто тебя звал?!

— Я не к вам пришел, а в сад. Сад общий.

— Сад не общий, он дворника. Он только что

кричал на нас за то, что мы начали писать на дереве наши имена.

— Нельзя писать имена, — опять замечает Шуламит. — Только дураки пишут всюду свое имя.

— Кто тебе сказал? — спрашивает Этеле и вся краснеет.

— Так нам сказал учитель в школе.

— Это не верно. Взрослые тоже пишут свои имена. Вон в городском саду на скамейках я видел много имен, — — говорит Шмулик.

— А ты думаешь, что все взрослые умные?

— Ха-ха-ха, — смеется Ривкеле, — вон Сролик здесь самый старший и совсем не самый умный!

— Не смеяся, ты, умница, — сердито отвечает Сролик. — Ты сама-то трусишка, без матери боишься даже перейти улицу вечером.

Разговор, наверно, еще долго бы продолжался в таком духе, если бы не госпожа Левина, которая вернулась с Янкеле из сада и позвала Сролика:

— Сынок, иди готовить уроки. После обеда пойду с вами в лес.

Сролик радостно вскочил с места и, перепрыгивая через несколько ступенек, помчался домой.

Ради поездки в лес стоит сейчас приготовить уроки. Сролик очень любит лес, и реку тоже любит. Даже плавать научился. Прошлым летом мама сняла комнату на даче

в лесу, и он все летние каникулы провел на берегу Немана. Янкеle тоже был с ними, а отец приезжал только по субботам. В этом году они будут жить на той же даче, и Сролик будет тренироваться в плавании; тогда на будущий год он, возможно, сможет участвовать в соревнованиях школьников по плаванию.

По арифметике и письму Сролик первый в классе, но пловцы есть лучше него, а он не хочет отставать от других.

— Как здорово, что есть на свете лето, лес и Неман!

НАЧАЛАСЬ ВОЙНА

Сролик проснулся рано: уже пора вставать? Сегодня, кажется, экзамен по литературе. Бояться нечего: на всех его последних сочинениях учитель написал большими красными буквами «Отлично». Но вдруг он вспоминает, что уже неделя, как начались летние каникулы. Как хорошо, что не нужно рано вставать, можно немного повалиться в постели! Он прижимается щекой к мягкой подушке и поджимает ноги. Сейчас еще, видно, очень рано, небо еще серое.

Сролик бросает взгляд на противоположную стену. Там, сунув под голову кулачок, спокойно спит Янкеle. «Почему я так рано проснулся?» — удивляется Сролик. И вдруг раздается продол-

жительный грохот, как будто раскаты грома. Но это не гром. Это рев пикирующих самолетов.

Опять эти самолеты!

Сролик любит смотреть, как самолет вертится в небе, переворачивается и выделяет разные фокусы. Но ночью он хочет спать. Последнюю неделю эти самолеты наводят страх на людей.

Через несколько секунд шум стихает, и Сролик опять погружается в сон.

— Вставай, вставай скорей!

Перед ним стоит мать, готовая вот-вот уйти, с хозяйственной сумкой в руке.

— Оденься, Сролик, и последи за Янкеле, чтобы не выходил на улицу. Война. Я хочу заготовить продуктов, — и она торопливо уходит.

Война, война на дворе! Не раз видел Сролик бои в кино. Правда, кино — это не настоящая жизнь, но даже на экране война страшная: дома рушатся на головы жителей, пожары, убитые... Сролик вспоминает господина Фельда, который гостил у них в прошлом году. Это был беженец из Варшавы. Страшные вещи рассказывал он о немцах! Что будет, если немцы придут в Ковно?..

К нам не придут, утешает он себя. Уже год в Литве стоит Красная Армия. Она очень сильная. У русских есть танки величиной с этот дом. Вдруг Сролик вспоминает, что он должен смотреть за младшим братом. Где Янкеле?

Сролик вскакивает с кровати, ищет братишку в спальню родителей, в гостиной, на кухне — Янкеле нет. Он торопливо одевается и выскаки-

вает во двор. Янкеле во дворе нет. Сролик выбегает на улицу.

Что случилось с нашей тихой улицей? Ее не узнать.

Двери склада распахнуты настежь. Машины въезжают и выезжают. Вокруг суетятся люди. И в магазине Виленского полно людей. Длинноочередная очередь.

— Эй, мальчик, что ты вертишься под ногами! — кричит кто-то на него.

Сролик уже хочет вернуться во двор, но не знает, как выбраться из толпы. Очередь перед магазином перепуталась, все столпились на тротуаре, толкаются и кричат... Вдруг из складского двора выезжает нагруженная ящиками машина, но дорога перед ней загорожена. Шофер сигнализит, люди толкают друг друга, но с дороги не уходят.

— Милиция! — кричит шофер. — Милиция!

— Это жиды загородили проезд! — слышит Сролик голос дворничихи с их двора. — Сколько ни есть у них, все им мало.

— Весь бы свет проглотили, — раздается еще чей-то голос. — Эй, водитель, езжай по ним, не жалей, жидов в Ковне хватает, даже слишком много, — смеется прохожий хриплым голосом.

— Правильно сказано, ей-богу, правильно, — бормочет дворничиха.

Сролик поражен. Он чувствует, что на улице Мапу, в их дворе происходит что-то страшное. Никогда он не слышал от дворничихи подобных

речей. Сролик оглядывается и видит рядом с собой Шуламит; та тоже растеряна.

Сролик вспоминает, что нужно ведь найти Янкеле. Как бы его не задавил грузовик! Он просит Шулю помочь ему. Оба мечутся в толпе в поисках Янкеле; на них обрушивается брань, что они ее не замечают.

— Янкеле! — радостно кричит Шуля, заметив, наконец, малыша. Она ловит его за рукав и тащит в сторону.

— Ты почему вышел без разрешения из дому? Я тебе дам! — кричит Сролик, подражая отцу. — Ты знаешь, что началась война??!

— Война, война! — радуется Янкеле.

— Чего ты радуешься? Ты знаешь, что такое война? — серьезно спрашивает его Шуля. — Зачем вышел один?

— Я пошел, потому что на улице весело и много машин.

— Дурак! — взрывается Сролик. — На войне убивают. Нельзя выходить на улицу...

Спустя час улица опустела. Виленский закрыл магазин. Пришел милиционер и приказал разойтись. Дети вернулись домой и стали смотреть на улицу из окон.

Сролика одолело любопытство, и он выскочил из дому. По улице, ведущей к мосту, текли колонны солдат в полном обмундировании. Это была русская армия. Шли молча, с угрюмым видом.

— Они идут на фронт, сражаться. Многие из них не вернутся к своим семьям, — мелькнула

мысль, и волна жалости захлестнула сердце Сролика.

Обед в этот день мать не варила, ели холодные остатки вчерашнего. Отец с матерью долго шептались, и лица их выражали глубокую озабоченность.

В доме доктора Вайса все пошло кувырком. Никто не звонит у дверей, не зовет доктора. Приемная пуста, кабинет закрыт. Домработница Уршула, проработавшая у Вайсов двенадцать лет, сегодня не пришла. Мать очень сердится. Она бродит по комнатам, как потеряянная, подходит к пианино, открывает и закрывает его.

— Если бы я так вела себя,—говорит про себя Шуля, — она бы кричала на меня. А им, взрослым, все можно.

Мать рассказывает отцу, что она слышала, будто немцы уже перешли границу и приближаются к Ковно, а русские отступают. В ее глазах страх. Отец пытается ее успокоить и говорит, что отступление русских — только маневр. Он закуривает папиросу, и Шуля видит, что руки у него дрожат.

«Нехорошо сегодня дома», — думает Шуля и выскользывает во двор.

В саду, под березой, собралась уже вся компания.

Ханеле, дочь портного Когана, пришла со своей куклой Риной. У Рины длинные русые косы, голубые глаза и красное платье.

— У нас много-много тряпок, — объясняет

Ханеле, — потому что моя мама шьет. Когда я вырасту, я тоже буду шить. Тогда сошью для Рины много платьев. И для ваших кукол тоже сошью.

— У нас сегодня очень грустно, — говорит Шуля.

— А у нас очень весело. Много людей приходит, — хвастает Этеле. — Все забирают материал, который принесли для шитья.

— Почему? — спрашивает Ривкеле.

— Почему? Всегда она спрашивает «почему», — сердито кричит Шмулик. — Война ведь, нельзя оставлять материал.

— Мой папа говорит, что нужно бежать отсюда: немцы идут, — вмешивается в разговор Давид.

— Сразу бежать? — презрительно отвечает Шмулик. — Нельзя бежать, нужно дать им как следует!

Он один из самых старших в компании, и потому считает себя знатоком по всем вопросам. Но Шуля полагает, что немцы сильны.

— Неправда, — прерывает ее Давид, — самые сильные русские. У них есть огромные танки. Папа говорит, что нужно уезжать в Россию.

— Ну и уезжайте, жиды, уезжайте в Россию, чтоб и духа вашего здесь не осталось!

Это говорит Ионас, старший сын дворника. Он как из-под земли вырос. Руки в карманах, в глазах злоба и издевка. Дети смотрят на него и удивляются: откуда эта злость? Что плохого

сделали они ему, за что он их так? Непонятный страх охватывает детей.

Шмулик взрывается:

— Поедем куда хотим и будем там, где хотим.

— Смотрите, какой герой! Увидим, что ты запоешь завтра, когда сюда придет Гитлер! «Жид капут!» — кричит Ионас, проводит рукой по горлу, как будто режет, и поворачивается к ним спиной.

Дети остолбенели. Никогда Ионас не говорил так с ними. Всегда считали его своим другом. Его младший брат Юозас играл с ними в саду. Не один раз Ионас делал для них разные игрушки. Маленький столик и темно-зеленая скамейка — тоже дело его рук. Всегда они угождали его конфетами. Что с ним, с Ионасом? Откуда вдруг эта ненависть?

День клонился к вечеру. Солнце еще поблескивало за облаками. Его последние лучи скользнули по крыше дома напротив, листья березы посерели, а ствол стал чуть фиолетовым. За оградой садика стоял Юозас, младший сын дворника, смотрел на детей и молчал.

— Юозас, иди сюда! — позвала его Этеле.

Но Юозас не двинулся с места. Он смотрел на детей и молчал. Только низкий дощатый заборчик отделял их от него, но все почувствовали: Юозас больше не перепрыгнет через заборчик, не придет в сад играть с ними.

ИСПОРЧЕННЫЙ ПРАЗДНИК

— У меня сегодня день рождения. Мне исполнилось одиннадцать, — сообщила Ривкеле детям. — Приглашаю всех к себе.

— Будут вкусные вещи? — спрашивает Этеле.

— Будет вкусный торт — шоколадный, я сама испеку.

— Ты умеешь печь? — удивляется Шуля.

— Сегодня научусь. Мама сказала, когда мне будет одиннадцать лет, она научит меня печь и варить. Девочка должна все уметь. Так говорит мама.

— А моя мама говорит, — возражает ей Шуля, — что это совсем не так важно. Готовить можно научиться потом, когда... ну, когда женятся. А сейчас нужно учиться.

— Неверно, — качает Шмулик головой, — девушка должна уметь готовить прежде, чем она выйдет замуж.

— Совсем не нужно, — стоит на своем Шуля, — моя мама не умеет готовить, а она замужем.

— А кто готовит для тебя и твоего папы? — спрашивает Этеле.

— Уршула.

— А когда не будет у вас Уршулы?

— Почему не будет? Будет...

— Вы говорите, как малые дети, — вмешивается в разговор Сролик, презрительно глядя на

них. — Девушка должна уметь готовить, пекь и шить. Но она не обязана все делать. Она даже может быть врачом, как наша врачиха в школе.

— Парень тоже должен уметь шить, — вставляет задумчиво Шуля.

— Зачем? Для него шьет жена, — возражает Давид.

— А если он некрасивый и у него нет жены?

— Тогда... тогда..., — ищет ответа Давид. — У каждого парня — своя жена. У некрасивого — некрасивая жена.

— Я пошла пекь, — вспоминает Ривкеле и бегом поднимается по лестнице.

— А пирожные будут? — кричит ей вслед Этеле.

— Будут.

— И конфеты?

— И конфеты. А подарки приготовили?

— Некрасиво просить подарки, — поучает ее Шуля.

Ривкеле останавливается, пораженная, в дверях квартиры. Комнаты полны пакетов, мешков и чемоданов. Родители возятся, развязывают, завязывают, вытаскивают из одного пакета и суют в другой.

— Закрой дверь и не вертись тут, — кричит мать.

— Мама, я пришла пекь пирог.

— Какой пирог? Что ты мне морочишь голову?

— Мамочка, сегодня ведь мой день рождения.

— Да. Отстань от меня. Нет у меня сейчас времени.

— Мамочка, ты обещала мне, что сегодня я сама испеку пирог.

— Никакого пирога печь не будешь, слышишь? Ты что, не понимаешь? В одиннадцать лет девочка уже должна понимать положение, — сердится отец.

— Я... я... хочу что-нибудь сделать, — отвечает Ривкеле и плачет.

— Что ты кричишь на девочку, Меир? Она же не виновата, что началась эта проклятая война.

— А что я сказал? Ничего такого, — оправдывается отец.

Мать дает Ривкеле полную пригоршню конфет, медовых пряников и выпровоживает ее.

— Мамочка, я не хочу конфет, — дрожащим голосом шепчет Ривкеле, — я хочу день рождения.

— Иди, дочка, иди... День рождения отпразднуем, когда тихо будет, после войны, если живы будем. Мы очень заняты. Нужно спасти часть товара, чтобы не все забрали.

Ривкеле еще не понимает, что происходит. Она видит, что родители торопливо наполняют мешки, подтаскивают их к открытой дверце погреба, и отец спускает их вниз. Отец утирает пот, мать тяжело дышит.

— Мамочка, зачем вы спускаете мешки в

погреб? Я помогу тебе, — предлагает Ривкеле, всем сердцем жалея уставшую мать.

— Нет, дочка, ты только будешь мешать нам. Возьми сладости и иди во двор.

— Мама, я отпраздную день рождения в саду. День рождения... Так, просто... раздам ребятам угощение, ладно?

— Ладно, ладно. Иди, дочка, иди.

— Вот тебе, — протягивает ей отец синий кулек с орехами, — устрой себе день рождения в саду.

— Чтоб нам довелось отпраздновать твой день рождения, доченька, на будущий год в мире и спокойствии, — вздыхает мать и закрывает за ней дверь.

Подпрыгивая, взбежала Шуля по лестнице и нажала кнопку звонка: два длинных. «Пусть папа подумает, что пришел пациент», — улыбается Шуля и представляет себе, как удивятся родители, увидев в дверях вместо пациента ее.

Но что там случилось? Не открывают. Она звонит опять, на этот раз быстро, нетерпеливо. Шуля слышит шаги отца, он открывает дверь и возвращается в кабинет.

— Почему папа открыл дверь, а не Уршула? — недоумевает Шуламит и идет в столовую. Ни там, ни в спальню, ни на кухне нет ни души. Где мама? Ее сердитый голос доносится из кабинета.

— Так что же нам, по-твоему, делать?

— Я предлагаю поскорее собрать все что

можно в два маленьких чемодана и уходить.

— И стать бродягами? Оставить дом, все и превратиться в беженцев?!

— Да, оставить все. Власти уже удрали.

— Макс, что с нами будет? — слышит Шуля плач матери.

— Русские скоро вернутся... Пока что нужно отсюда убраться. Это ненадолго...

Дверь открывается, выходит мать с опухшими от слез глазами. У отца мрачное лицо.

— Мама! — говорит Шуля, и ее голос срывается.

— Что, доченька?

— Я хочу, чтобы ты купила подарок, — говорит Шуля.

Мать удивленно смотрит на нее.

— Ну, подарок, для Ривкеле, у нее сегодня день рождения.

Шуля слышит невеселый смех отца.

— Иди сюда, дочка, я тебе кое-что объясню.

Отец усаживает ее рядом с собой на диван. Он говорит, и голос у него не тот, что был вчера и позавчера.

— Знаешь ли ты, дочка, что такое война? Это самое страшное, что есть на свете. Люди превращаются в диких зверей и готовы разорвать друг друга. А эта война страшнее всех прежних. В этой войне убивают главным образом евреев. Поняла? А теперь, дочка, помоги маме собрать твои вещи.

Шуля удивленно раскрывает глаза — она

еще никак не поймет, что происходит.

— Зачем, папа?

— Потому что мы уезжаем. Нужно спасаться.

— Сейчас уезжаем? Прямо сразу?

— Немедленно. Нельзя терять ни минуты.

— И я не пойду на день рождения? Не куплю подарок Ривкеле?

— Можешь ей подарить всю эту квартиру, — нетерпеливо отвечает отец и выходит из комнаты, закрыв за собой дверь.

Шуля застывает на месте, уставившись в закрытую дверь.

— Шуля, иди сюда! — слышит она голос матери.

Шуля бежит в спальню. Там полный разгром: гардероб раскрыт, ящики выдвинуты. Чулки, майки, рубашки и прочие вещи разбросаны на полу, на стульях, на кроватях.

Мать берет какую-нибудь вещь, наугад укладывает ее в чемодан и тут же снова вытаскивает ее. Слезы не переставая текут из ее глаз. В комнату входит отец.

— Все это ты хочешь взять с собой! Это невозможно...

— Но без этого нельзя. Я оставляю здесь мое пианино, твои инструменты, мебель, ковры. Возьмем по крайней мере ценности и одежду.

— Нельзя, поездов уже нет.

— Как это? — сердится мать.

— Последний поезд уже ушел.

— Боже мой! Что делать? Что делают соседи? Что делает Левин?

Мать оставляет чемоданы, в растерянности бродит из угла в гол.

— Что делать? Что делать?

— Пойдем пешком, — как бы невзначай бросает отец.

Мать не может удержаться, не владеет собой и разражается слезами.

— Макс, я не пойду, иди сам. Ты мужчина, ты должен уйти. Я останусь. Женщинам ничего не сделают, я уверена.

— Пойдем все или все останемся, — отвечает отец и еще больше мрачнеет.

— Оставить все и бежать в одной сорочке, а потом просить милостыню?! Нет, нет... Будь что будет. Я остаюсь...

— Как хочешь, — говорит отец, поворачивается и уходит в свой кабинет.

Шуля смотрит на плачущую мать и не может понять, почему она отказывается уйти из Ковно. Ведь папа — врач... В любом месте будут больные, нуждающиеся в его помощи. А может, стоит остановиться? Немцам тоже нужны врачи. У них тоже есть больные. Даже если все заберут, они же будут платить папе, когда обратятся к нему за помощью. Тут Шуля вспоминает, что Левиных уже нет в их квартире. Сролик и Янкеле тоже уехали. Но куда? Жалко. Сролик был самый старший в их компании. С кем ей теперь играть?

— Бум, бум. Бу-у... — громыхают пушки.

— Опять стреляют. Без конца...

Шуля подходит к окну и смотрит. На юге поднимается серое облако, клубится, расползается по небу. «Наверно, пожар, — думает Шуля, — пойду посмотрю».

— Шуля, куда?! Не ходи! — кричит мать ей вслед. Но Шуля не слышит. Несколько прыжков по лестнице, и она внизу. Со двора ничего не видно, заслоняют дома. Шуля бежит к воротам. Улица опустела. Только в воротах напротив стоит кучка людей. Мгновение она колеблется, а потом бежит на улицу.

— Эй, девочка, скорее домой! Не слышишь, что ли, как стреляют?! — кричит ей кто-то.

Улица как будто вымерла. Лишь один мужчина мерно шагает взад и вперед. Он окликает каждого, кто пытается высунуть нос за ворота. Шуля его знает. Он работает на почте. Каждое утро, отправляясь в школу, Шуля встречала его спешащим на работу.

Она возвращается во двор. Домой идти не хочется. Но и по двору бродить одной неприятно. Из подъезда выходит жена дворника и с ней их домработница Уршулла.

— Откуда она тут взялась? — удивляется Шуля. — Почему не пришла сегодня на работу?

Шуля направляется к Уршулле, чтобы только спросить ее, почему она не пришла к ним. Но в глазах Уршуллы она читает что-то странное, — что-то злое. Шуля застывает на месте, и слова замырают у нее на устах.

Из садика доносится плач.

— Ривкеле, чего ты плачешь? — обнимает ее Шуля.

— Я хотела устроить день рождения. Принесла конфет, пряников, орехов, и никто не пришел.

Узенькие плечи Ривкеле содрогаются от рыданий.

— Не плачь, Ривкеле. Сейчас устроим тебе день рождения. Позовем ребят и будем играть в саду, — утешает подругу Шуля.

— Нет, нет. Не устроим...

— Почему?

— Не... нету... — всхлипывает Ривкеле. — Нету ребят. Нет Сролика, нет Янкеле...

— Позовем Этеле, Ханеле и Шмулика.

— Нету, никого нету... — рыдает Ривкеле.

— Не плачь, Ривкеле, я сейчас...

Шуля торопливо взбегает по лестнице и останавливается перед дверью квартиры Коганов. Стучит — ответа нет. Минута колебания, и Шуля, толкнув обеими руками дверь, влетает внутрь. Тишина. Ни служу, ни духу. Шуля забегает в спальню, она же детская. Комната пуста. Постели не убраны. Грудка подушек и перин. Белье разбросано по полу, на стульях. Красные носки лежат на тумбочке. «Этины», — узнает Шуля. Из рабочей комнаты портиного доносятся шаги. «Видно, вернулись», — радуется Шуля. Здесь, как и в спальне, тоже разбросаны

куски материи, недошитые платья, тарелки с остатками еды.

— Что ты здесь делаешь?

Раздается голос, и Шуля вздрагивает. Перед ней стоит Бируте, дочь дворника, что училась у Когана шить.

— А ты что здесь делаешь? — сердито отвечает ей Шуля.

— Не твое дело. Жиды удрали. Теперь я тут хозяйка.

Шуля смотрит на нее и с трудом узнает. Дочь дворника одета в синее платье госпожи Когана. Платье ей не по размеру — широко и длинно.

— Ничего, подгоню, — хвастает Бируте, как бы подслушав мысль Шули, — все платья Коганши подгоню себе.

— Но ведь они не твои.

— Теперь все мое, — смеется Бируте. — И у вас все заберем.

— Не дадим. Не дадим! — чуть не плачет Шуля.

— Вы жиды... Всем жидам капут! — и Бируте проводит рукой по горлу. Чтобы доказать Шуле, что она и впрямь тут хозяйка, Бируте распахивает настежь дверцы шкафа, вытаскивает оттуда платья, рубашки и прочую одежду и сваливает все на стол, стулья, на пол. Под конец хватает что-то красное и швыряет Шуле под ноги.

— Не смей, это Ханеле! — вырывается у Шули.

— Ха-ха-ха, нет никакой Ханеле, — хохочет Бируте и швыряет в Шулю детскую одежду. На полу валяется Рина, любимая кукла Ханеле. Голова куклы расколота надвое, пятном крови краснеет ее платье на разбросанном белье.

Шуля с трудом трогается с места.

Ривкеле в саду уже нет. На столе и скамейке остались кулечки с конфетами и медовыми пряниками, которые она принесла на день рождения.

ЗАБРАЛИ ОТЦА

Весь тот день стрельба не прекращалась. Стены дома дрожали. Стекла вылетели из окон, и осколки разлетелись по двору. Шуля с родителями спустились в подвал. Здесь уже были Давид и Ривкеле. Мрак, запах сырости и плесени.

Как долго они уже сидят в подвале? Шуля потеряла счет времени. Палят и палят без конца... Весь дом трясется. С улицы доносится конский топот. Раздается жалобное ржанье, потом стихает.

Глаза Шули уже привыкли к темноте. Она видит прислонившуюся к стене, будто задремавшую маму. Ривкеле тоже уснула, положив голову на колени Виленской. Сам Виленский беседует шепотом с доктором. Давид пытается залезть на

ящик и выглянуть наружу через решетку окна. Но отец сердито прикрикнул на него. Он вернулся и сел на землю возле Шули.

Шуля обращает на него взгляд, полный тревоги.

— Зачем бывают войны? — шепчет она, как бы рассуждая сама с собой.

Вдруг ее отец прервал разговор с Виленским, встал и тронул жену за плечо. Она открыла глаза.

— Пойду разузнаю, что слышно, — —сказал отец и вышел.

— Макс, только ненадолго, — кричит ему вслед со страхом мать.

Прошло полчаса, отец все не возвращался. Шуле кажется, что минули часы. Мать тоже с тревогой посматривает то на дверь, то в окно. Спустя час дверь подвала распахнулась.

— Папа! — радостно вскакивает Шуля и бежит к нему, но тут же замолкает. Отец, бледный, прислонился к стене, поддерживая правой рукой локоть левой. На рукаве белой рубашки — два темных пятна.

— Макс! — дрожащим голосом вскрикивает мать. — Что случилось? Ты ранен?!

— Тихо, не шуми. В меня стреляли, задели немного руку... Ничего... Русских в городе нет, литовцы убивают на улицах евреев.

— Ой, Боже, Боже, пропали мы, пропали! — заплакала Виленская.

— Тише! — прикрикнул на нее доктор. —

Шауляи ходят из дома в дом, ищут спасения.

Все замолчали, даже дети притихли. Поняли, что опасность велика. Всю ночь оставались в подвале. Начал мучить голод. Еду, которую захватили из дома, давно съели. Вода тоже вся выпала. Нужно принести ее сверху, но подниматься в квартиры нельзя. Кто-нибудь может заметить и сообщить шауляям. Шуля чувствует, как будто тяжелый груз давит ей на голову. Но она молчит. Не хочет причинять родителям новые заботы. Вдруг голова ее сама падает маме на грудь.

— Что с тобой, доченька? Ты вся горишь!

Мать щупает ей лоб. Отец тоже трогает лоб девочки, берет ее за руку и проверяет пульс.

— Идем наверх, Эстер, — говорит он, — девочка больна.

Отец ставит Шулю на ноги и, поддерживая, помогает ей подняться из подвала.

У Шули жар. Отец ходит по комнате взад и вперед с перевязанной рукой. Подходит к постели дочери, молча смотрит на нее и возвращается к окну.

В комнату входит мать.

— Макс, я спущусь на минутку к лавочнику, может, достану у него немного муки.

— Не ходи сейчас, никуда не ходи.

Вдруг звонок...

Отец с матерью смотрят друг на друга. Мать подходит к двери, но рука ее застыла в воздухе. Отец сам открывает дверь.

— Уришула?!

Но Уршула не одна, с нею двое вооруженных мужчин в серой форме. Из уст матери вырывается испуганное восклицание. Отец, побледнев, прислоняется к стене, однако спокойно обращается к Уршуле:

— Кто эти люди и чего они хотят?

Уршула не отвечает, она смотрит с издевкой и молчит.

— Кто мы — не твое, жид, дело, — цедит сквозь зубы один из мужчин, — а зачем пришли, сейчас узнаешь. Пошли!

— Макс! — вцепилась в него мать, будто желая защитить его изо всех сил. — Куда вы его ведете? Что плохого он вам сделал? Он ведь врач, оставьте его!

— Не нужны нам врачи жиды! — в глазах у мужчины ненависть.

— Давай! — кричит второй, приземистый, широкоплечий мужик, и прикладом ружья подталкивает отца.

— Уршула, помоги нам! За что ты так?.. Ведь мы тебе ничего плохого не делали, — пытается смягчить сердце домработницы мать.

— Чтоб вы тут больше не хозяйничали. Хватит, поиздевались над нами на литовской земле! Ни один жид здесь не останется! —зывающее бросает матери Уршула и замахивается на нее, чтобы ее ударить.

— Чего ждешь? Давай! — кричит на отца один из бандитов и толкает его к двери.

— Макс, Макс! — бросается за ними мать.

— Папа, папочка! — плачет в кровати Шуля.

— Уршула, за что? Что мы тебе сделали? — повторяет мать.

— Если хочешь, можешь идти за ним. Не думай, что ты останешься в своей квартире.

— Уршула, — умоляет мать, — возьми квартиру и все, что есть в ней, одежду, мебель, только спаси его.

— Поздно уже спасать, — торопливо отвечает Уршула, и выходит, хлопнув дверью.

— Папочка, куда пошел папа? — бежит к двери больная Шуля. Босиком, в ночной рубашке она выглядит такой маленькой и несчастной.

— Тише, доченька, — пытается успокоить ее мать, — иди в постель, папа вернется. Он доктор, ничего плохого людям не сделал.

Но отец Шули больше не вернулся.

СРЕДИ ЛЮДЕЙ

Шуля видит сон. Она карабкается на высокую гору, капли пота текут со лба, катятся по губам. Она тяжело дышит: до вершины еще далеко, а ноги уже изранены в кровь. Наконец она почти у самой вершины. Но вдруг перед ней глубокая черная пропасть. Шуля теряется. Что делать? Дорога исчезла, а впереди — пропасть.

Вдруг кто-то хватает ее и с силой толкает

вперед. У Шули вырывается крик ужаса. Она скатывается с вершины — и просыпается.

Возле кровати стоит мать и держит ее за плечо.

— Вставай, дочка, скорей, нужно уходить отсюда!

Шуля еще не совсем проснулась. Она прижимается щекой к мягкой и гладкой руке матери: как хорошо, что это был только сон. Сейчас войдет папа и поцелует ее в лоб.

— Одевайся, доченька, мы должны оставить квартиру, — торопит ее мать.

Лишь теперь Шуля вспоминает, что произошло за последние дни, и радость пробуждения исчезает. Только вчера немного спал жар. Лицо девочки все еще бледное, под глазами синие круги.

— Мамочка, куда пойдем?

— Сама не знаю, доченька.

Глаза матери красны от слез. Она уже готова: одета в серый костюм, на руке плащ.

— Возьми, Шуля, этот узелок, — протягивает ей мать небольшой узел, сама берет второй и прячет его под плащом.

Они выходят в коридор, спускаются по лестнице. Шуля остается в подъезде, а мать осторожно выскользывает во двор, оглядывается и машет дочери рукой. Предрассветная мгла. Небо темно-серое, только на востоке чуть порозовело. Двор пуст. Улица тоже погружена в сон. Мать тороп-

ливо пересекает мостовую и входит в первый переулок.

— Тише, дочка, осторожней, — голос матери дрожит.

Спустя четверть часа мать останавливается перед серым четырехэтажным домом. На двери табличка: «Д-р Витис, глазные болезни».

Госпожа Вайс тянет за ручку двери.

— Слава Богу, дверь открыта! — с облегчением вздыхает мать.

Они поднимаются на третий этаж и останавливаются перед дверью с маленькой белой табличкой «Доктор Витис». Мать нажимает на кнопку звонка. Не открывают. Звонит еще раз. За дверью слышны шаги.

— Кто там? — спрашивает женский голос.

— Жена доктора Вайса, — сдавленным голосом отвечает мать. — У меня дело к доктору Витису.

— Доктор еще спит, — сердито говорит голос.

— Будьте добры передать ему, что пришла жена доктора Макса Вайса. Дело очень срочное, — просит мать.

— Подождите! — отвечает голос.

Долгое ожидание на темной лестнице. Наконец дверь открывается, девушка в белом переднике вводит их в гостиную и удаляется.

Шуля с любопытством осматривается. Ей знакома эта комната, ее плетеная мебель, стран-

ная картина на стене: мертвое тело и вокруг люди в диковинных шляпах.

Шуля уже была здесь дважды. Первый раз, когда дети в школе бросили ей в лицо песок, и у нее воспалились глаза. Доктор Витис отказался тогда взять у Шулинного отца деньги за визит. Во второй раз она была здесь с мамой на дне рождения Альгирдаса, старшего сына Витисов. Она тогда принесла ему в подарок альбом.

Потом доктор Витис с женой были у них в гостях. Папа говорил, что они с Витисом друзья: доктор Витис — человек культурный и прогрессивный.

Дверь слева скрипнула, и в комнату вошла госпожа Витис. На ней было серое с зеленоватым отливом утреннее платье.

— Доброе утро! — глубоким певучим голосом здоровается госпожа Витис. — Простите, что заставила вас ждать.

Мать Шули встает ей навстречу.

— Извините меня, госпожа Витис, что я разбудила вас так рано. Но... я не могла ждать.

— Да, да... Что привело вас ко мне в столь ранний час? — Госпожа Витис протягивает ей белую руку с длинными, покрытыми розовым лаком ногтями и приглашает сесть. — Ведь сейчас опасно ходить по улицам. Я имею в виду — евреям, — продолжает госпожа Витис и смотрит на госпожу Вайс.

— Да, в этом-то и дело, — отвечает та и рассказывает все, что случилось с ними за последние

дни: как они прятались в подвале, как заболела Шуля, как забрали отца, как предала их Уршула. В конце она раскрывает цель своего прихода: она боится оставаться с девочкой в своей квартире на улице Мапу и просит, чтобы семья Витисов приютила их на время у себя в доме. Через несколько дней, она надеется, в городе опять станет спокойно и они смогут вернуться в свою квартиру.

Госпожа Витис внимательно выслушала ее рассказ.

— Мне очень жаль, — говорит она наконец, — но я не смогу оставить вас у себя. Мужа нет дома, он уехал и вернется не скоро. Вы должны понять, госпожа Вайс, я женщина, и я боюсь. Вам ведь известно, что по новому закону христианам запрещается предоставлять жилье евреям. Я очень сожалею, но я не могу подвергать опасности свою семью.

Мать Шули побледнела. Не ответив ни слова, она повернулась к двери.

— Госпожа Вайс, — задержала ее хозяйка, — это не значит, что вы должны сразу же уйти. Нельзя так рано ходить по улицам. Я предлагаю вам подождать час-два. Приготовлю чай, выпьете, отдохнете, а потом пойдете.

Мать Шули бросила на госпожу Витис презрительный взгляд и ответила подчеркнуто вежливо:

— Благодарю вас. Но мы, я и дочь, выпьем чай у других людей, еще не забывших, что имеет-

ся и иной закон. на свете, велящий дать убежище гонимому без вины, даже если он еврей. Прощайте, госпожа Витис.

Когда они вышли на улицу, уже рассвело. Яркое летнее солнце появилось из-за крыши серого дома, из которого они вышли. По улице торопливо проходили люди, некоторые, позевывая, стояли в воротах. Однако среди прохожих Шуля не видела знакомых лиц, и ей казалось, будто улица, на которой всегда было полно евреев, вдруг изменилась, будто она, Шуля, идет по совсем новой, незнакомой улице.

— Куда теперь, мама?

— Не знаю, дочка. Может, вернемся домой?

— Нет, нет, не хочу домой! — расплакалась Шуля.

— Хорошо, дочка, поедем к инженеру Кубиллюсу. Может, он приютил нас.

В конце улицы стояла пролетка. Мать подошла к извозчику.

— Езжай на проспект Витautаса, дом номер...

Извозчик посмотрел ей в лицо и ухмыльнулся:

— Я евреев не вожу, но если заплатите как следует... Опушу перед, чтобы не заметили, что везу евреев по городским улицам.

— Хорошо, хорошо, только езжай!

— Чего ты так торопишься? — усмехнулся извозчик. — На проспекте Витautаса тоже есть немцы. Найдут.

Извозчик опустил перед пролетки. Шуля с матерью прижались к спинке сиденья, чтобы не было видно их лиц.

Когда они добрались до дома, в котором жил инженер Кубилюс, мать первая вошла в подъезд и позвонила. Дверь тут же отворилась. В дверях стоял высокий мужчина в светлом плаще и фетровой шляпе.

— Доброе утро, господин Кубилюс! — поздоровалась госпожа Вайс.

— Здравствуйте, — кратко ответил Кубилюс, приподняв край шляпы. — Вы ко мне, госпожа Вайс? — спросил, даже не приглашая их войти.

— Да, — вздохнула мать, — пришла просять убежища в вашем доме на несколько дней.

— Да, да... Но то, что вы просите, невозможно. Я на государственной службе. Охотно бы вам помог, но это связано теперь с большими трудностями. Может, вам нужны деньги? Я готов одолжить.

— Большое спасибо, — ответила мать, — деньги мне не нужны.

Она сбежала по ступенькам, чтобы инженер не увидел ее глаз, наполнившихся слезами.

— Мама, мама, где теперь будет наш дом?!

— Вернемся в свою квартиру, доченька.

И тут госпожа Вайс обнаружила, что в спешке она забыла захватить с собой деньги и в ее кошельке осталось лишь несколько литов.

Обратно, на улицу Мапу, возвращались пешком. Медленно поднялись по лестнице. Ноги

Шули болят, голова как чугунная. Мать достает из сумочки ключ, но дверь оказывается открытой. Из гостиной слышится смех и беспорядочные звуки пианино. Кто-то барабанит по клавишам.

— Не ломай пианино, — раздается голос Уршулы, — лучше продадим его.

— Дура, кто у тебя сейчас купит пианино? — слышен грубый голос. — Кому нужно, придет к жибу и заберет.

— Скорей, дочка, скорей, — потащила мать за собой Шулю, застывшую на месте от страха. Добежали до ворот и едва не столкнулись с мужчиной в рабочей одежде, который шел им навстречу и загородил проход.

— Прошу прощения, — обратился мужчина к матери Шули, — не вы будете супруга доктора Вайса?

— Нет, нет, — испуганно ответила госпожа Вайс, стараясь проскользнуть мимо.

— Пропали, — мелькнуло у Шули в голове, — наверно, Уршула поставила его в воротах, чтобы поймать нас. Шуля расплакалась.

— Чего ты плачешь, девочка? — с жалостью говорит мужчина. — Я к доктору Вайсу. Он ведь спас мою дочку, как раз твоего возраста. Если бы не доктор, кто знает, осталась ли бы она в живых. Я думал, сейчас, в такое время... может, смогу чем помочь.

Мать Шули смотрит на него: да ведь это

плотник, который живет на окраине. Верно, Макс долго лечил его дочь.

— Вы Паулаускас? — чуть приободрившись, спрашивает госпожа Вайс.

— Да, — радостно отвечает мужчина, — только теперь признали меня. А я вас сразу узнал. Не забыли мы, что доктор Вайс сделал для нашей дочки.

— Доктора Вайса нет, его забрали, — тихо плача, говорит мать Шули.

— Забрали доктора?! — повторяет вслед за ней столяр и в отчаянии качает головой. — Значит, опоздал я... А вы? Куда вы идете?

— Не знаю. Куда глаза глядят.

— Вот что, идемте ко мне. Я, правда, человек небогатый, но что едим я с семьей, то и вы будете есть.

Паулаускас взял оба узла и зашагал вперед, а мать с Шулей — за ним. Шли долго-долго, пока добрались до узкой улочки на окраине города и вошли в деревянный домик, окруженный садом. Паулаускас стукнул в дверь.

— Маре, привел тебе гостей!

В дверях стояла крупная женщина в пестром цветастом платье и белой косынке. Она внимательно осмотрела их своими серыми глазами.

— Входите, пожалуйста. Вы ж, конечно, устали. Садитесь к столу. Отдохните, покушайте. Вероника, — позвала хозяйка, заглянув в соседнюю комнату, — спустись-ка в погреб да достань молока.

Не прошло и нескольких минут, как в комнату вошла девочка лет двенадцати, высокая и худенькая, со светлыми волосами, заплетенными в две жиденькие косички, перевязанные красной ленточкой.

Девочка поставила на стол кринку и стала в стороне, с любопытством глядя на гостей.

— Это моя дочь Вероника, — показала хозяйка на девочку. — Если бы не ваш муж, осталась бы она на всю жизнь калекой. Присаживайтесь к столу. Мы не богаты, чтобы угостить вас так, как вы привыкли, но поделимся с вами, чем Бог послал. Не плачьте, — добавила она, видя слезы в глазах госпожи Вайс, — Господь всемилостивый вернет вам мужа. Мой мужик бегает целый день по городу, авось принесет добрую весточку. Кушайте и ложитесь отдохнуть.

Никогда еще никакая еда не казалась Шуле такой вкусной, как картошка и стакан молока, которые подала на стол жена Паулаускаса.

Когда, наевшись, Шуля лежала в постели рядом с матерью под пестрым одеялом, она прижалась к ее спине и сказала:

— Мамочка, правда ведь, есть еще на свете и хорошие люди?

Но госпожа Вайс не ответила: она уже спала.

ВНЕ ЗАКОНА

Войдя в комнату, Сролик увидел, что мать

режет на полосы желтую материю. Он узнал желтую скатерку, которая лежала под радио-приемником.

— Ой, мама, зачем ты порезала скатерку?

— Теперь сынок, нет у евреев приемников, и скатерки не нужны. Самая нужная вещь для нас теперь — это желтая звезда, — с горькой усмешкой отвечает госпожа Левина.

Сролик внимательно смотрит на печальное лицо матери и не говорит ни слова. Только вчера они вернулись в свою квартиру на улице Мапу. Пытались перебраться через границу в Советский Союз, но не удалось. Вернулись усталые и разбитые — большую часть дороги шли пешком. Квартиру нашли взломанной и ограбленной. Лучшая одежда и посуда исчезли. Мать всегда была жизнерадостной, но сегодня она грустная, под покрасневшими глазами — синие круги.

— Все кончено, все кончено, — слышит Сролик из коридора безнадежный голос отца. Все утро не было Левина дома. Только теперь он вернулся из «дальнего плаванья», как он обычно называл свои хождения к соседям за новостями.

Хотел было Сролик спросить у отца, «что слышно», но увидел его мрачное лицо и промолчал.

— Ну, Рохл, — обращается отец к матери, — я вижу, ты шьешь нам царские одеяния... Да, царские одеяния...

Отец шагает по комнате взад-вперед, опустив голову.

— Что говорят люди, — спрашивает мать, — что думают с нами сделать?

— Важно не что люди говорят, а что подсказывает логика. Будет очень плохо. Не зря метят всех евреев.

— Мойше, — молит мать, — может, ты сумеешь достать телегу, и уедем отсюда.

— Куда поедешь? Нет дороги. Немцы всюду.

— Мойше, есть евреи, которые бежали в соседние деревни. Поговаривают, будто нас запрут в гетто.

— Если так, — говорит отец сдавленным голосом, — то и из деревень всех евреев привезут.

— Не знаю, что будет, но пока лучше уехать.

— Папа, мама, — врываются в комнату Янке-ле, — знаете, кто пришел? Этеле, и Шмулик, и их папа...

Сролик быстро выскакивает за дверь. Уже несколько недель семьи портного нет в доме. Сролик знает, что они убежали в деревню. Почему же вернулись?

Очень хорошо, что Шмулик вернулся, — радуется Сролик. Его всегда тянуло к Шмулику.

Дверь в квартиру портного Когана открыта, изнутри слышны голоса. Только Сролик вошел и хотел тут же выскочить, но кто-то толкнул его к стене и загородил проход.

Отец Шмулика стоит прижавшись к столу, бледный, как мел, с узлом в руках. Рядом с ним Шмулик держит за руку Этеле. Против них, у входа, стоят дворничиха и ее дочь Бируте.

— Если не уберетесь отсюда сейчас же, позову шауляев! — орет дворничиха, размахивая кулаком перед лицом Когана.

— Верните мне хотя бы швейную машину, — умоляет Коган, — ведь машина — мой хлеб.

— Ничего не вернем, — кричит дворничиха.

— Теперь я портниха, — вторит ей Бируте, — сошью желтые звезды всем жидаам, — глумясь, хохочет она.

— Убирайтесь отсюда, жиды проклятые!

Сролику становится страшно: вдруг она и вправду позовет шауляев. Нужно сказать папе с мамой, пусть придут и заберут Коганов.

— Папа, мама, идите сюда! У Коганов больше нет квартиры, их не пускают.

— Пойди, Рохл, посмотри, что там, — поворачивается Левин к жене.

Левина находит портного сидящим на ступеньках с узелком на коленях. Рядом стоят Шмулик и Этеле, она вся трясется от громкого плача.

— Я не скажу вам «добро пожаловать», господин Коган, — говорит Левина, — не к добру сейчас возвращаются евреи домой. Но и то счастье, что вы живы и здоровы. А где ваша жена и маленькая Ханеле?

— Оставил их пока что в деревне. Хорошо, что они остались. Нет у нас больше крова.

— Не волнуйтесь, господин Коган, идемте к нам. Хватит места для двух семей. Дай бог, чтоб только оставили нас в покое.

И обе семьи стали жить вместе.

ЖЕЛТАЯ ЗАПЛАТА

Бывало, каждое утро по дороге в школу Сролик встречал в конце улицы черного щенка с длинной мордочкой и маленькими заостренными ушами. Щенок был тощий и грязный, хвост его болтался между ног.

«Собачка голодная», — подумал как-то Сролик и отломил ему кусок хлеба от завтрака, который мать сунула ему в сумку. Но щенок испугался поднятой руки и убежал. Назавтра Сролик встретил его у ворот двора и снова бросил ему кусок хлеба. Щенок подозрительно посмотрел на него, но не убежал. Как только Сролик отошел от ворот, щенок торопливо схватил хлеб и проглотил его. В следующие дни он уже не боялся Сролика, а вилял ему хвостом, как старому знакомому.

Спустя неделю щенок уже провожал Сролика в школу и заходил вместе с ним во двор. Каждый день Сролик выносил ему остатки еды: хлеб, кости, немного каши или супа. Щенок уже не был грустным, хвост его полукругом задирался кверху, а при виде Сролика он радостно бросался ему навстречу.

— Слышишь, Янкеле? Песик со мной здоровается.

Пес остался постоянным жильцом в их дворе. Даже дворник не сумел его выгнать.

— Как его зовут? — спросили Сролика ребята во дворе. Они тоже стали подкармливать щенка.

— Назовем его Найденыш, — решил Сролик, — ведь я его нашел на улице.

Сролик ухаживал за Найденышем, мыл его и в конце концов привел в дом. Пес стал своим в семье Левиных. Он вырос, растолстел и превратился в чудесного пса с черной бархатной шерстью. Все жильцы дома любили Найденыша, но он привязался только к Сролику и провожал его всюду, куда бы тот ни шел. Маленький Янкеле говорил, что Найденыш целует Сролика. Он пытался заставить собаку «поцеловать» и его тоже.

Но все это происходило в те дни, когда немцев еще не было в Ковно и еврейские дети не боялись выходить на улицу...

Семьи Левиных неделю не было дома. Вернувшись, они нашли Найденыша тощим, грязным и прихрамывающим на заднюю лапу.

— Что с тобой случилось, миленький мой? — ласково погладил Сролик черную голову собаки. В ответ Найденыш дважды тявкнул и лизнул ему руку.

Когда в квартиру вошла еще и семья Когана, и в доме стало тесно, мать хотела прогнать собаку, но Янкеле и Сролик уговорили ее пожалеть Найденыша. И пока они уговаривали, пес все время лежал на полу, прижимаясь отошавшим телом к ногам Сролика, и время от времени под-

вывал, переводя взгляд с лица матери на мальчиков.

— Найденыш понимает, что хотят его выгнать из дома, и плачет, — сказал Янкеле.

Мать только вздохнула — и пес остался в доме...

— Сролик, сынок, — сказала госпожа Левина, — накинь пиджак и сбегай к Климасу, может, достанешь молока.

Сролик неохотно натянул пиджак, — новый, красивый, сшитый ко дню Бар-мицва. Пиджак был светло-серого цвета, с двумя прямоугольными карманами, с четырьмя блестящими пуговицами. «Настоящий мужчина», — говорили знакомые, когда Сролик надевал его. А теперь этот пиджак вызывал в нем только досаду: спереди и сзади нашиты были на нем две желтых звезды величиной с ладонь.

«Пойду без пиджака», — думает Сролик, но тут же вспоминает, что тогда придется нацепить звезду на рубашку. Он выходит на улицу, Найденыш — вслед за ним. Мальчик идет по краю мостовой, а пес бежит рядом с ним по тротуару.

Из переулка навстречу ему выскочили два парня. У одного в руках ружье.

— Эй, жид! — кричит тот, что с ружьем, увидев Сролика, — сам надел пиджак, а собаку-то оставил голой?! Даже желтую звезду ей не пришил?

Сролик ничего не отвечает, только ускоряет шаги. Его сердце гулко стучит. До дома осталось

каких-то пятьдесят метров. Только бы отстали от него эти двое, дали бы пройти. Но парни идут ему навстречу, сходят с тротуара и загораживают дорогу.

— Что, решил удрать от нас, жиденок?! Пиджак-то у тебя хорош, да он не твой, а пса. Собака важней тебя. А ну, снимай пиджак!

Сролик стоит в растерянности. Убежать нельзя, а сопротивляться — они сильней его.

— Тащи-ка с него пиджак, — говорит один бандит другому и хохочет. — Наденем на собаку.

Второй хватает Сролика и начинает расстегивать пуговицы.

— Отстань от меня! — борется с ним Сролик, стараясь вырваться из рук хулигана.

— Вот тебе, жиденок проклятый! — и тяжелый кулак опускается на плечо Сролика. Найденыш, взъерошив шерсть и оскалив зубы, злобно рычит.

— И ты, глупая собака, против нас? — смеется бандит, — Сразу видно, что еврейский пес. Ты не мешай нам. Ведь для тебя стараемся. Сделаем обмен: ты будешь господином, а твой хозяин — псы.

— Гр-рр, — скалит зубы Найденыш.

Бандит хватает Сролика за руку и начинает силой стаскивать с него пиджак. Сролик бьется в его руках, но не может вырваться.

— Найденыш, Найденыш! — вырывается у Сролика отчаянный крик, и пес бросается на бандита и вонзает зубы в ногу литовца.

— Ой-ой-ой! — взвыл литовец, отпустил Сролика и схватился за ногу.

— Ах, так?! Науськиваешь собак на литовцев?! — кричит бандит с ружьем.

Два выстрела разрывают тишину...

— Что такое, что случилось? — кричит толстая баба, кулаками и локтями прокладывая себе дорогу в набежавшей толпе.

— Ничего особенного — отвечает кто-то со смехом. — Застрелили собаку и еврея.

В ГЕТТО

Вот уже несколько месяцев семья Коганов живет на чердаке старого ветхого двухэтажного дома, недалеко от ограды, окружающей гетто. Деревянные стены отсырели и покрыты мхом.

Комната крохотная, в ней нет места даже для двух кроватей, поэтому Ханеле и Этеле спят с мамой в единственной кровати, а для отца и Шмулика устраивают на ночь постель на лавках.

Отца по целым дням нет дома. Он возвращается ночью, страшно усталый, и тут же ложится спать. Мать говорит, что он должен много работать, чтобы немцы его не убили. Шмулик тоже часто ходит на работу. Он уже считается взрослым. Последнюю неделю начала работать и мать, и дома остаются только Этеле и Ханеле. Весь день сидят они в комнате, и только изредка удается им выйти во двор. Мама говорит, что в

гетто есть плохие люди, которые крадут детей.

Сначала, когда они только перебрались сюда, Ханеле все время плакала. Она не хотела оставаться в этой комнате, тесной и мрачной, куда солнечные лучи заглядывали только перед вечером. Но постепенно Ханеле привыкла и успокоилась. Когда лучи солнца проникали через окно в комнату, на серой стене появлялась широкая золотая полоса, которая тянулась до двери и исчезала задолго до возвращения отца с матерью.

Иногда Ханеле подходила к стене и пыталась поймать солнечный зайчик. Свет падал на ее маленькие ручки, но как только она отрывала их от стены, он, казалось, проскальзывал сквозь пальцы.

Девочкам было тоскливо сидеть в мрачной комнате. В окно был виден только клочок синего или серого, в зависимости от погоды, неба. Иногда они ставили у окна свою единственную табуретку, взбирались на нее и выглядывали наружу. Но и тогда не много удавалось увидеть: стены домов загораживали все.

Время от времени прилетали птицы, садились на крышу напротив их окна, щебетали и чирикали. Ханеле от радости хлопала в ладоши: — Вольная пташка, добрая весть!..

Иногда окна в доме напротив открывались, и из-за занавески выглядывало несколько пар глаз.

— Мама, мамочка, там тоже есть дети, — радостно кричала Ханеле.

— Да, дочка, много детей в гетто, — вздыхает госпожа Коган.

Но девочки не понимали, почему вздыхает мать. Разве плохо, что есть дети?

Ханеле готова спрашивать без конца, но у матери нет времени: нужно приготовить еду отцу, постирать, сбегать получить по карточкам муку или крупу, починить штаны Шмулика, принести воды из колодца, а утром идти на работу.

Ханеле хочет встать взрослой, проснуться утром большой, как... как мама, чтобы помочь ей. Этеле уже много умеет делать: мыть посуду, подметать пол... Но готовить и стирать она не умеет.

Мама такая усталая. Она часто жалуется на головную боль. Иногда Ханеле просыпается ночью, ищет в постели маму, а та еще сидит при свете керосиновой лампы и шьет, шьет...

Швейной машины у них нет. Мама шьет вручную. Ханеле хочет встать с постели, подбежать к матери, обнять ее. Но ее глаза смыкаются, и она засыпает. А утром в комнате пусто, только она и Этеле. Мама стала бледной. Этеле тоже бледная. Сегодня папа посмотрел на нее и озабоченно сказал:

— Боюсь, что Этеле больна. Она так похудела за последнее время.

— Гетто съедает детей, — со слезами на глазах говорит мама.

Ханеле не понимает, как это гетто съедает детей. Что оно — волк? И вообще, что это — гетто? Ханеле пристает к матери с вопросами.

— Мамочка, завтра суббота?

— Да, дочка.

— Мамочка, пойдем гулять на Неман?

— Не пойдем, дочка, мы живем в гетто. Из гетто нельзя выходить.

— Мамочка, ты помнишь Шулю?

— Помню.

— Почему она к нам не приходит?

— Шули нет в гетто.

— Напишем ей письмо, чтобы пришла.

— Нельзя из гетто писать писем, и прийти сюда нельзя.

— Мамочка, когда я пойду в садик?

— Нет в гетто садика, дочка.

— А когда ты опять принесешь цветы на субботу? Как тогда, когда мы жили на улице Мапу.

— Ханеле, в гетто нет цветов.

— Так что же есть в гетто? — расплакалась Ханеле. — Не хочу жить в гетто. Не хочу! Хочу цветы. Хотя бы один цветочек. Маленький. Пойдем отсюда, мама, пойдем!..

Так было в первые дни. Теперь уже Ханеле понимает: ни один еврей не хочет жить в гетто. Только Гитлер этого хочет. Гитлер очень злой. Немцы и литовцы бьют евреев. А выйти нельзя, потому что вокруг гетто ограда. В гетто грязь, болото, по вечерам темно. И есть не дают евреям в гетто.

Ночью Ханеле просит хлеба. Иногда она просыпается и не может заснуть.

Вчера она проснулась с улыбкой на лице, но посмотрела вокруг и расплакалась.

— Что ты плачешь, Ханеле? — спросила Этеле.

— Где мой пирог? Ты взяла мой пирог.

— Какой пирог, Ханеле? Никакого пирога здесь не было. В гетто нет пирогов.

— Был пирог, — плачет Ханеле, — здесь на кровати был.

Ханеле приснился добрый сон.

Ханеле и Этеле еще маленькие. Но он, Шмулик, уже взрослый. После того как Рувим не вернулся с аэродрома домой, Шмулик остался самым старшим в семье. Кто же, как не он, должен помогать родителям.

Шмулик очень скучает по брату Рувиму. Он очень его уважал и старался на него походить. К началу войны Рувим кончил два курса университета. Мать хотела, чтобы Рувим пошел на медицинский факультет: нет ничего лучшего для еврея, чем быть врачом. Даже антисемиты нуждаются во врачах-евреях. Врач не зависит от работодателей, нет над ним хозяина, и заработок хороший....

Рувим был лучшим учеником в классе, но на медицинский факультет его не приняли, потому что он кончил еврейскую школу. Из университета ему сообщили, что нет мест, преимущества дается закончившим литовские гимназии. Рувим

шел на юридический факультет. Он читал много книг и газет.

Когда началась война, Рувим хотел бежать на восток, но не мог расстаться с семьей и вернулся.

В гетто Рувим тоже много читал. Шмулик не мог понять, откуда Рувим добывал книги. Ведь власти приказали сдать все книги, которые были в гетто. И откуда он брал силы читать? Он работал в ночную смену на аэродроме. Каторжный труд — всю ночь работать лопатой, копать, сгребать землю и песок, таскать камни... в снегу, на морозе.

Никто не шел работать на аэродром по доброй воле. Все старались уклониться, искали работу полегче, места, где можно было раздобыть какие-нибудь продукты. За адский труд на аэродроме не получали ничего, даже есть работникам не давали, а обменять что-нибудь на продукты тоже было нельзя. Били смертным боем. Те, у кого были деньги, нанимали вместо себя других, а те, у кого были в руководстве гетто друзья или родственники, изворачивались с их помощью... Рувим работал за всю семью, чтобы отец с матерью смогли пойти на другую работу — достать продуктов.

Однажды утром Рувим не вернулся домой. Мама очень плакала, а отец весь день бегал из полиции в юденрат, оттуда в рабочий комитет и обратно. Только вечером стало известно, что немцы схватили на улице рабочих, возвращавших-

ся с аэродрома, затолкали их в грузовик и увезли в неизвестном направлении. Наверно, и Рувим был среди них.

Теперь отец ходит на аэродром, а он, Шмулик, должен добывать еду для голодного семейства.

К ЛЕСНЫМ ТРОПАМ

Холодный дождь, смешанный со снегом, хлещет в окна. Сквозь щели задувает ветер и чуть не гасит керосиновую лампу, мерцающую на подоконнике. Отдельные капли дождя, которые просачивались сквозь ветхую крышу, превратились уже в тонкую струйку, непрерывно стекающую с потолка на кровать Ханеле и Этеле. Мать отодвинула кровать и подставила ведро. Громко звеня, вода потекла в посудину.

Тишина. Отец уже давно ушел на работу, а мать вздрогнула у стола с чулком в руке. Шмулик лежит на своем ложе, прислушиваясь к зыванию ветра в трубе и глядя на стену гетто за окном.

Вдруг дверь распахивается, на пороге стоит человек в лохмотьях, с него стекает вода. На худом лице краснеет широкий шрам. У Шмулика вырывается крик:

— Рувим.

Сделав несколько шагов по комнате, Рувим без сил опустился на пол. Мать и Шмулик с трудом сняли с него мокрую грязную одежду и уло-

жили в постель. Все его тело было покрыто синяками.

Целыми днями Рувим лежал не говоря ни слова. Спустя некоторое время рассказал, что ему удалось бежать из лагеря, куда немцы перевезли его и его товарищей по работе. Из девятнадцати человек в живых осталось только семь. Каждый вечер после дня каторжной работы на торфоразработках, где им приходилось стоять по пояс в воде, литовцы издевались над ними, заставляли их часами бегать и прыгать через натянутую веревку. Тех, кто не выдерживал, забивали дубинками до смерти.

Через несколько недель Рувим поднялся на ноги. Вскоре у них в доме появился посыльный из юденрата. Требуют Рувима на работу. Он должен опять выходить на аэродром.

— Скажи им, что я больше не собираюсь работать на них, — резко ответил Рувим.

— Ты работаешь не на них, а на немцев и литовцев.

— Один черт! — оборвал его Рувим и повернулся к нему спиной.

Мать умоляюще посмотрела на него:

— Рувеле, отец ведь уже немолод, у него нет сил.

— И отец должен бросить.

— Пришлют полицаев, так поневоле пойдешь.

— Плевал я на их полицию!

Мать вздохнула и замолчала.

Спустя несколько часов Рувим исчез из дома. Вернулся он через неделю и опять исчез.

Шмулик чувствовал, что в брате произошла какая-то перемена. У него блестели глаза. Лицо было худое и бледное, но походка стала быстрой и уверенной. Иногда в комнате появлялись незнакомые парни, спрашивали Рувима, шептались с ним и уходили. Одного из них Шмулик узнал: это был школьный товарищ Рувима. После окончания школы их пути разошлись: Рувим пошел в университет, а его товарищ — в техническое училище. Как-то Шмулик встретил его на улице и спросил про Рувима, который в это время опять исчез. Тот вонзил в мальчика взгляд и сердито ответил:

— Не знаю. И мой тебе совет, молокосос, никогда не упоминай его имени. Понял??!

Шмулик заметил, какой печальной становилась его мать и каким сердитым отец каждый раз, когда появлялся Рувим. Отец слабел из дня в день и все чаще не мог подняться с постели.

Рувим отсутствовал десять дней. Когда вернулся, Шмулик спал. Разбудили мальчика громкие голоса.

На мгновение они стихли, затем разговор возобновился.

Шмулик закрыл глаза и навострил уши.

— Если бы хоть была уверенность, что ты встретишь этих партизан, я бы ничего не сказал, — услышал он голос отца.

— Что ты хочешь, папа? Чтобы тебе препод-

несли безопасность на тарелочке?! — сердито возразил Рувим.

— Смерти своей ищешь.

— Как будто в гетто вам гарантирована жизнь.

— Тише, тише! Не кричите так. Ради Бога! Стены ведь прямо бумажные, каждое слово слышно, — уговаривает мать. — Рувеле, если ты себя не жалеешь, пожалей хоть сестер маленьких. Отец больше не может работать.

— Я не могу, мама. Вы все заблуждаетесь. Я уже раз ошибся, когда послушался ваших уговоров. Умолял ведь вас: немец идет, бежим в Советский Союз. Не послушались меня.

— Кто же мог знать? Кто?

— Так хотя бы теперь не держите меня.

Шмулик изо всех сил старался не упустить ни слова из того, что говорил старший брат. Рувим прав, в гетто оставаться нельзя. Но куда он хочет идти — в партизаны? Усталость одолела мальчика, и он задремал...

Однажды Шмулик почувствовал, что кто-то склонился над ним. Он открыл глаза и увидел рядом с постелью Рувима, одетого в коричневый полуушубок. Кожаная шапка надвинута на лоб и уши.

— Прощай, Шмулик, береги сестренок, — прошептал Рувим и чмокнул его в щеку.

Шмулик не успел вымолвить ни слова, как за братом закрылась дверь.

Рувим больше не вернулся.

ЦВЕТЫ ГОРОХА

Этеле очень любит Шмулика. Он сильный, почти взрослый. Теперь Шмулик каждый день ходит на работу за ворота гетто. Иногда он приносит сестрам что-нибудь вкусное: яичко, картошку, даже кусочек сахара или конфету.

Как-то Шмулик принес мешочек гороха.

— Сегодня у нас будет царский пир, — весело объявила мать.

— Мамочка, дай мне несколько горошин, я хочу поиграть, — попросила Ханеле.

— Жалко, дочка. Горох не игрушка, он сейчас ценность. Я принесу тебе со двора гладких камешков для игры.

Но Ханеле не отстала от матери, пока не получила несколько горошин. Усевшись на подоконнике, девочки принялись играть. Вдруг одна горошина выпала из рук и укатилась в щель между их окном и крышей сарайчика, прислонившегося к их дому снаружи. Вслед за первой укатилось еще несколько горошин. Взяв палку, Этеле стала ковырять, но достать горошины не смогла. Там они и остались, и скоро девочки забыли про них.

Однажды вечером отец вернулся домой бледный от волнения. Он долго шептался с матерью, и всю ночь они не ложились спать. Когда наутро девочки встали, они обнаружили возле стены две длинные старые доски.

— Мамочка, что это за доски?

— Ша, дочки, нельзя об этом говорить!

С этого дня мать запретила девочкам выходить и даже высовываться из окна.

Вернувшись вечером домой, отец с матерью принесли еще досок. Всю ночь они стучали молотками. Шмулик тоже не спал, помогал им. Проснувшись назавтра, девочки обнаружили, что за ночь их комната стала меньше и уже. Вдоль стены напротив окна выросла новая стена из досок, закрывшая первую. Мать вытащила одну доску, и между двумя стенами открылось пространство, будто узкий шкаф.

Вечером, перед тем как ложиться спать, отец подозвал девочек и сказал:

— Слушайте, девочки! В гетто есть злые люди, которые хватают маленьких детей и отдают их немцам. Когда нас с мамой не будет дома и вы услышите во дворе шаги, вы должны немедленно спрятаться в это убежище между стенами и хорошенко закрыть за собой доску. Вы должны сидеть без звука: не разговаривать, не смеяться, даже не кашлять.

Отец показал несколько раз, как можно быстро спрятаться, и велел им залезть в убежище и закрыть за собой доску. Когда девочки выполнили все по всем правилам, отец велел им идти спать.

Теперь жизнь девочек стала еще тяжелей. В последнее время они проводили в тесном убежище дни и ночи. Очень уж утомительно было стоять между стенами; сильно болели ноги, так

как сидеть места не было, а из-за сырости досок и нехватки воздуха трудно было дышать. Не раз из своего убежища они слышали во дворе топот подкованных сапог, крики, брань, женский и детский плач. Иногда и их комната наполнялась шумом тяжелых шагов. Кто-то шарил по углам, бил ногой по стене, по мебели, искал в шкафу, ругался и уходил. Девочки, затаив дыхание, прижимались друг к другу.

Так прошло несколько недель, пока им разрешили выйти из убежища. Но выходить из дома и выглядывать в окно не позволяли. Нельзя, чтобы их увидели соседи.

— Почему нельзя? — спрашивает Этеле. — Ведь соседи тоже евреи и ничего плохого нам не сделают.

* * *

Зима прошла, вновь наступила весна. Девочки и не почувствовали бы ее в своей мрачной комнате, если бы в доме не становилось теплее. Дни стали длиннее, чаще заглядывают в окно лучи солнца.

Однажды девочки долго ждали прихода брата. Золотая полоска на стене протянулась до конца комнаты. Еще немного, и исчезнет. Шмулик всегда приходит, когда лучезарная полоска достигает двери. Сегодня она уже переползла дальше, а Шмулика все нет. Мама давно вернулась и ушла получать хлебный паек.

— Давай подойдем к окну, — предлагает Ханеле.

Ожидание было слишком долгим, и девочки уселись на подоконнике.

— Ой, смотри, смотри! — воскликнула Ханеле.

Из щели за окном тянется тонкий светло-зеленый росток.

— Цветок вырос из стены, цветок! — хлопает в ладоши Этеле. — Нужно его полить. Он, наверно, хочет пить.

— А что цветок ест? — спрашивает Ханеле.

Этеле задумывается.

— Землю.

— Но здесь нет земли.

— Наверно, в щели есть немного, только нам не видно, — с видом знатока отвечает Этеле. Соскочив с подоконника, она бежит к ведру с водой и набирает полную чашку.

— Это росток гороха, — объяснила мать, войдя в комнату. — Горошины, которыми вы игрались на окне, проросли в щели.

С этого дня маленькую темную комнату как будто наполнила новая жизнь.

Каждый вечер, с заходом солнца, девочки спешат к окну посмотреть на росток и полить его. В сумерках росток похож на серую нитку, торчащую из мотка шерсти, но девочки видели его во всем богатстве красок. И слабый росток, благодарный им за их заботу, с каждым днем под-

растал, зеленел, на нем появились побеги и нежные листочки.

Как-то разразился ливень. Молнии раскальявили ночное небо. Утром девочки выглянули за окно — растение бессильно лежит на подоконнике.

— Росток заболел, — испугалась Ханеле. Этеле тоже встревожилась. Но вечером пришла с работы мама и успокоила детей.

— Росток тонкий и слабый, он не может сам держаться. Нужно его подвязать.

Она вбила в стену несколько гвоздиков, натянула веревочки и подвязала росток.

Спустя две недели девочки увидели на верхушке ростка маленькие бутоны, окутанные листочками. Прошло еще несколько дней. бутоны раскрылись, и появились сиреневые цветы.

— Есть у нас в гетто цветы, наши цветы! — радовались девочки.

Цветы гороха заглядывали сквозь окно в темную комнату и покачивались. Радость наполнила дом.

— Мама, смотри, я уже не бледная, — сказала вечером Этеле, — и голова больше не болит. Как хорошо, что есть на свете цветы!

СМЕРТЬ ЭТЕЛЕ

Шли дни. Цветы гороха на подоконнике дрожали от малейшего ветерка. Они были нежные

и розовые. А лицо Этеле становилось все бледней и прозрачней. Лишь изредка она вставала с постели. Большой частью сидит на кровати, при слонившись спиной к стене, впавшие глаза устремлены на ростки за окном, на лбу выступают капли пота.

Время от времени кашель сотрясает ее исхудавшее тело. Ханеле пугается:

— Тише, Этеле, тише, за то услышат и придут сюда.

Однажды отец не вернулся домой. Мать сказала, что его забрали в рабочий лагерь. Первое время девочки спрашивали: «Когда же вернется папа?». Потом перестали.

Один Шмулик знал, что отец больше не вернется. Из того лагеря вернулось лишь три человека. От них стало известно, что все рабочие-евреи, девяносто человек, убиты. Иногда закроет Шмулик глаза и думает об отце, о друзьях с улицы Мапу. Виленские исчезли до того, как они перебрались в гетто. Куда? От соседей Шмулик слышал, что уехали в Вильно. У них был друг поляк, богатый крестьянин, который отвез их туда. Добрались ли? Живы ли еще Ривкеле и Давид? Из семьи Левиных никого не осталось в живых. Отца Сролика забрали в лагерь вместе с отцом Шмулика. Сролика бандиты застрелили на улице. Мать и маленький Янкеле погибли в последнюю акцию.

— Акция, акция, какое страшное слово! До войны никогда его не слышал, а теперь оно у

всех на устах. Шмулик вспоминает подробности акции, которые слышал от свидетелей.

Литовские полицаи рассыпались по улочкам гетто в поисках спрятавшихся евреев. Вошли они и в квартиру Левиных. Мать и сын спрятались под большой печью. Янкеле был болен и очень кашлял. Полицаи услышали кашель и вытащили его. Янкеле горько плакал и кричал: Мама, мама, я боюсь! Мать бросилась за ним, расцепила лицо и руки полицаю, который вытащил Янкеле. Полицай стал бить ее резиновой дубинкой по голове и лицу. В гетто они не вернулись.

Когда Шмулик пришел с работы. Этеле лежала тише обычного. Мать уже была дома, сидела с краю кровати, и слезы катились из ее глаз. Глаза Этеле были закрыты, дыхание тяжелое и отрывистое.

— Обязательно нужно достать сегодня что-нибудь, чтобы спасти ее, хотя бы каплю молока, — в отчаянии прошептала мать.

Шмулик спустил с плеч мешок и вытащил из него несколько картофелин и щепок для растопки. Потом посмотрел на Этеле и повернулся к двери.

— Ты куда? — тревожно спросила мать.

— Пойду. Может, достану чего.

На улице не было ни души. То тут, то там мерцал в окне слабый огонек и тут же гас. Шмулик быстро шагал, прислушиваясь к ударам сердца. Удастся ли проскользнуть? А если поймают

что будет с мамой и Ханеле и больной Этеле? Вчера он видел щель в заборе. Не иначе, как она ведет на «волю». Он дошел до конца проулка, свернул налево — еще полста шагов.

Слава Богу! Никто не остановил его. Перед ним забор. Вот две выломанные доски. Щмулик просунул в щель голову и руки: худенькое тело скользнуло в дыру, и он очутился на той стороне. Гетто на краю города, рядом с ним дома литовцев, за которыми начинаются бескрайние поля и луга.

Щмулик минутку постоял, утер холодный пот со лба и глубоко вздохнул.

Звездное небо куполом изгибалось над его головой. Щмулик поднял глаза: одна звездочка подмигнула ему. Это подмигивание показалось ему слишком хитрым, как будто за ним кроется что-то недобroe.

На улице — ни живой души. Куда теперь? Может, постучать в какой-нибудь из ближних домов? А если поймают и выдадут властям?

Нет! Лучше уйти подальше. Чем дальше от города, тем меньше опасности. Деревенские лучше городских. Щмулик вспоминает дни после большой акции, когда крестьяне из соседних деревень приехали на своих телегах в гетто, бросились в дома, жители которых были вывезены, и наполняли мешки всем, что попадало под руку. Даже окровавленные вещи брали... И все же ясно, что деревенские лучше городских — убийц.

В конце дороги стоит одинокий дом, окруженный забором. Маленькая калитка ведет во двор, где видны несколько вишневых деревьев.

Шмулик тихонько проскользнул в калитку, подошел к заднему крыльцу и, затаив дыхание, постучался.

— Ой, кто это здесь?

Шмулик вздрогнул. Перед ним стоит широкоплечая баба в вышитой блузке и широкой домотканной юбке. В руках у нее ведро с парным молоком — видно, только вернулась с вечерней дойки.

— Чего тебе, жиденок? Нельзя тебе здесь стоять, мы рядом с дорогой.

Шмулик не двигается с места, молчит, не может произнести ни звука.

— Голодный, верно? — в голосе слышна жалость.

— Сестренка у меня умирает. Мне бы немногого молока для нее, — прошептал он, набравшись духу.

— Подожди-ка. Не здесь. Войди в сени и стань в углу, чтоб не увидели.

Женщина скрылась и вернулась с бутылкой молока и полбуханкой хлеба.

— Бери, бери и уходи скорей.

Женщина сунула ему в руки бутылку и хлеб, вытолкнула из сеней и торопливо захлопнула дверь.

Прижимая сокровище к груди, Шмулик бросился бежать. Вот он уже опять перед щелью в

заборе. Горло пересохло, он весь дрожит от волнения и усталости. На мгновение его охватило сильное желание хлебнуть из бутылки. Ведь вся его еда за день состояла из сухого куска хлеба и тарелки мутной жидкости, именуемой перловым супом.

— Эй, стой! — рявкнул кто-то по-литовски.

Не колеблясь ни секунды, даже не бросив взгляда в сторону голоса, Шмулик скользнул в щель и рванул прочь.

— Стой, стрелять буду!

Мальчик бежит изо всех сил.

Сзади громыхнул выстрел.

Он вдруг почувствовал, будто левое бедро что-то обожгло. Дотронулся рукой и ощутил теплую липкую жидкость.

— Ранен, — сказал сам себе, не переставая бежать.

Отбежав подальше, Шмулик остановился и перевел дух. Только теперь почувствовал он со всей остротой жгучую боль в бедре. Дрожащей рукой отер пот с лица и прижал руку к сердцу. Дышать тяжело. Слабость охватила его, вот-вот упадет...

Но он вспомнил об Этеле, жизнь которой зависит от бутылки молока, что у него в руке. Прислонился на минутку к стене дома, набрал полной грудью воздух... До дома осталось каких-то триста метров, но идти было трудно. Он тащится из последних сил, цепляясь за стены домов, и добирается, наконец, до своего двора.

Мать дремлет, сидя на краю кровати, рядом с Этеле.

— Мама, принес молоко!

Мать открывает глаза, и у нее вырывается испуганный крик: Шмулик!

— Мама, я немного ранен... в ногу... Но это не страшно.

Мать не сказала ни слова, только обняла и прижала его к груди. Потом разорвала рубаху, приготовила бинт, промыла и перевязала рану. Шмулик лег, а мать принялась поить Этеле. Девочка уснула со слабой улыбкой на посиявших губах. Спустя несколько минут заснул и Шмулик.

Проснулся он от плача. Плакала Ханеле. Девочка сидела на краю кровати, и сквозь порванную рубашонку видно было ее трясущееся тело.

— Что ты плачешь, Ханеле? — спросил Шмулик.

Его сердце сжалось. Он повернул голову к больной. Мать сидит на полу рядом с кроватью, опустив голову на руки. Лицо Этеле белое, удивительно спокойное и тихое, глаза закрыты.

— Мама, — прошептал Шмулик, — мама.

Он попытался слезть с постели, но не смог пошевелить раненой ногой.

Мать повернула к нему голову и сказала:

— Тише, Шмулик, Этеле в нас уже не нуждается...

ХАНЕЛЕ ВЫХОДИТ ИЗ ГЕТТО

Прошло три недели, и рана Шмулика начала заживать. Пока он был вынужден оставаться дома вместе с Ханеле. Иногда они проводили целые дни, зажатые между двух стен. Ханеле часто плакала от голода и жажды. Тогда Шмулик выполз из убежища, волоча больную ногу, и приносил ей воды или корку хлеба, которую мать отделяла от своей порции.

Однажды вечером мать вернулась очень усталой, с покрасневшими глазами.

— Опять что-то будет, — сказала она сдавленным голосом.

Вечером Шмулик встал, обмотал ногу и оделся.

— Ты куда?

— Выйду посмотрю.

— Нечего смотреть! Ночью к забору придет Стася Гирене. Помнишь, когда-то она у нас работала. Когда родилась Ханеле. Они купили участок на берегу Вилии. Постараюсь уговорить ее, чтобы взяла отсюда Ханеле.

— Я пойду с тобой.

Было около полуночи. Шмулик заснул не то сидя, не то прислонившись к стене. Скрип двери разбудил его. Вскочив, он побежал за матерью. Догнал ее уже в конце улочки. Шли молча, прижимаясь к стенам домов.

Ходить так поздно по улицам гетто запрещалось. К счастью, небо было покрыто тучами, и

все гетто погружено в темноту. Никто их не заметил, и они добрались до назначенного места у забора.

По ту сторону забора виднелась фигура человека.

— Коган? — послышался шепот.

— Да, Стася.

— Кто это рядом с вами?

— Разве не узнаешь? Сын мой, Шмулик.

— В такие времена нужно быть очень осторожным.

По обе стороны забора замолчали. Затем листовка протянула руку.

— Принесла вам хлеба.

— Большое спасибо, Стася.

Опять молчание. Наконец мать собралась с духом:

— Стася, хочешь спасти человеческую душу? Ты ведь католичка. Ваш Бог, Иисус, велел жалеть даже врагов.

— А что я могу сделать? Немец хозяин в стране.

— Ты можешь, можешь спасти, если захочешь. Возьми к себе мою Ханеле.

Стася отпрянула, будто ужаленная змеей.

— Езус Мария! Что ты говоришь? Еврейский ребенок! Я еще хочу жить.

— Стася, все мы хотим жить. У вас теперь свое хозяйство, разбогатели за время войны. Бог вам помог. Помоги и ты мне. Вы уезжаете далеко. Никто там не знает ни тебя, ни твою семью.

Скажешь, что Ханеле твоя дочь, племянница, сирота, как хочешь...

— Нет, нет. Езус Мария! Боюсь, станет известно. Немец все знает, от него не скроешь.

— Стася, слушай, не даром возьмешь мою дочку. У меня еще остались золотые часы с цепочкой. И шубу меховую отдам тебе. И если останемся в живых, хорошо отблагодарим. Не вечно ведь будет война.

Видно было, что Стася размышляет, взвешивает.

— Нужно с мужем посоветоваться. Завтра дам ответ. Не так это просто. Кто-нибудь может донести.

— Скажешь, что она твоя дочь...

— Завтра, завтра.

Стася исчезла в темноте.

Через две недели Стася появилась возле засобора: она согласна взять Ханеле.

* * *

На гетто обрушилась неделя ужаса. На стенах наклеены желтые, режущие глаз объявления: жители нижеперечисленных улиц обязаны собраться в таком-то часу на площади возле ворот; они будут переведены в другое место. За нарушение приказа — смерть для самого нарушителя и всей его семьи.

...В другое место... Смысл этих слов абсолют-

но ясен. Всю неделю сидела госпожа Коган с детьми в своем тайнике.

Однажды ночью уже думали, что пришел конец. Через стенку слышали топот кованных сапог по полу, удары палок и кулаков в стены, грохот передвигаемой мебели, литовскую ругань.

Сквозь дырочку в наружной стене тайника, которую проткнул гвоздем Шмулик, когда сидел там раненый, дети видели, как местные полицаи вместе с двумя немцами вытаскивают из соседних домов людей.

Каждый раз, когда мать пыталась объяснить Ханеле, что она должна уйти к Стасе, девочка начинала плакать. Но этой страшной ночью, когда они, наконец, смогли выйти из убежища, она не стала отказываться. Мать надела на нее последнюю оставшуюся шерстянную одежду, закутала в теплый платок, завязала в узелок немного селья, и все втроем отправились в назначенное место. Шмулик должен был стоять на страже и в случае опасности подать знак. За забором их ждал Ионас Гирис, муж Стаси. Одетый в полушубок из овчины, с теплой шапкой, надвинутой на глаза, он был похож на разбойника.

В последний момент Ханеле вцепилась своими маленькими пальчиками в одежду матери и не хотела отпустить. У литовца лопнуло терпение. Он с силой оторвал дрожащие ручонки Ханеле от платка матери и исчез вместе с ней во мгле.

ЗА ЗАБОР, В ГЕТТО

Свыше месяца прожили Шуля с матерью в доме Паулаускасов. Каждый день отправлялся плотник в город — разузнать новости, и каждый день возвращался он помрачневшим: евреев вытаскивают из домов, ловят на улицах и увозят неизвестно куда.

Однажды он принес новость: всем евреям Ковно приказано оставить город и перебраться в пригород Слободку, где создается гетто. Госпожа Вайс подумала: может, это к лучшему? Сберут всех в гетто и оставят в покое.

— Может быть, — вздохнула Маре Паулаускене, — один Бог знает.

Госпожа Вайс решила пойти в гетто.

Хозяйка дала ей с собой продуктов: хлеб, творог, масло, яйца, две полотняные рубашки и проводила до ворот.

— Храни вас Господь, — сказала Маре, утирая слезы.

Госпожа Вайс обняла и расцеловала ее. В ее глазах тоже блестели слезы.

— Дай Бог, чтобы я смогла когда-нибудь отшаттить вам за все добро, которое вы нам сделали!

Паулаускас пожал ей руку и добавил:

— Если будет плохо, мой дом для вас всегда открыт. Кусок хлеба для всех найдется.

Шуля с матерью вошли в гетто.

Наступили тяжелые дни. Они оказались в

страшной нужде. Из квартиры на улице Мапу ничего не смогли взять. Паулаускас, который отправился туда по их просьбе, чтобы выручить хоть что-нибудь из их имущества, нашел квартиру занятой немецким служащим и побоялся войти в нее. На зиму они остались совсем без одежды. Впервые в жизни госпожа Вайс нуждалась в чужой милости. Пришлось носить поношенную одежду, полученную в отделе социальной помощи. Жизнь в гетто сделала свое. Пришлось госпоже Вайс примириться и с этим.

Земля покрылась белым снегом. С низких крыш домов в гетто хрипло кричали вороны: карр, карр...

Госпожа Вайс торопливо идет по улицам гетто, и крик ворон преследует ее. Каждое утро она спешит на работу. Как жену врача ее поставили работать медсестрой. На этой работе она едва может прокормить себя и Шулю. Пребывание в гетто изменило ее внешность. В кудрявых волосах появилось много серебряных нитей. Глаза впали, лоб избородили морщины. Даже ростом стала ниже: сутулится. Первое время она еще надеялась: авось вернется муж? Однако проходил месяц за месяцем, а от доктора Вайс никаких вестей не было.

После тяжелого дня работы измученнаяозвращалась она в свою комнатку на краю гетто, чтобы приготовить дочери что-нибудь поесть, постирать и залатать одежду. Часто ее будили посреди ночи: то к больному ребенку, то к ране-

ному, которого привели в гетто, то к женщине, корчившейся в родовых муках. Забыв усталость и боль, госпожа Вайс спешила на помощь.

Шуля тоже повзрослела за год, стала серьезней. Она научилась прибирать в комнате, стирать и даже готовить. Ей зачастую приходилось выполнять вместо матери всю домашнюю работу. Начала она работать и вне дома. Иногда помогала матери в больнице: мыла полы, инструменты, стирала бинты.

Вечером, если удавалось вернуться домой раньше матери, Шуля разжигала печку. Но часто в доме не было ни щепки. Тогда она подметала комнату, забиралась в кровать, в которой они спали вдвоем с матерью, поджимала под себя ноги и погружалась в раздумья.

Шуля любит грезить, уноситься на крыльях фантазии.

Вот идет она вместе с матерью к одному больному, они помогают ему, перевязывают раны, кормят его, прибирают в квартире... Большой — старик. В гетто больше нет стариков, он единственный — чудом уцелел. Вдруг стариk встает с постели и на глазах пораженной Шули начинает расти. Вот его голова уже достигла потолка. Вот и потолок тресчит, и в отверстие видно синее небо, усеянное звездами. Волшебный стариk протягивает ей руку, в ней кольцо. Голос старика слышен и не слышен, как будто он говорит в Шулиной душе:

— Колечко черное, ни блеска в нем, ни

красоты, но ты не печалься, дочь моя. Это волшебное кольцо, с его помощью ты победишь всех врагов.

Так говорит старик и исчезает.

Очарованная чудесным видением, Шуля надевает колечко на палец. Она смотрит на мать, но госпожа Вайс ничего не видела. Она собирает инструменты и спешит уйти. Шуля идет за матерью и улыбается:

— Дорогая мамочка, ты даже не представляешь себе, что произойдет через несколько минут.

Они входят в свою квартиру, Шуля поворачивает на пальце колечко... Посреди комнаты богато убранный стол. Мама останавливается пораженная: она не решается подойти, не верит своим глазам. Шуля плачет и смеется от счастья, она уговаривает мать всем, что есть на столе: свежие булочки, молоко, масло, яйца.

— Теперь я пойду на улицу и накормлю всех голодных.

Шуля быстро выходит на улицу. Она бежит из дома в дом. Евреи едят, пьют, радуются. Свет и веселье в их домах.

Нет, нет, этого мало, ведь они в гетто, какое же в гетто веселье? — Подождите немножко, сейчас упадут стены гетто!...

Раннее утро, еще нет шести. Евреи собираются у ворот бригадами, по двое, по трое. Вокруг суетятся геттовские полицаи-евреи и надзиратели-литовцы. Собравшиеся разговаривают, показы-

вают на какого-то еврея и смеются.

— Вот он, богач Финкельштейн. Самая большая фабрика в Ковно принадлежала ему, я там работал сторожем. А теперь он должен каждое утро приходить ко мне подметать двор. Я нарочно разбрасываю мусор, и он вынужден начинать все сначала. Ха-ха-ха! А это инженер Левинштейн, он теперь чистит уборные.

— А вон та высокая женщина в сером — художница. Раз в неделю после работы в бригаде она стирает у моей жены и рада получить от нее булку хлеба за работу.

Шуля прижимает к груди руку с колечком на пальце.

— Погодите, погодите! Посмотрим, как будете смеяться через минуту!

У ворот возникает свалка. Бригады уже тронулись с места, как вдруг полицай-литовец заметил среди выходящих мальчика.

Мальчику лет десять. Полицай пинает его сапогом. Отец говорит, что сыну уже тринадцать, что он числится в бригаде и ежедневно выходит на работу. Но литовец упрямится, хватает резиновую дубинку и хлещет по головам отца и мальчика.

Шуля вскакивает и подбегает к нему:

— Что ты делаешь, негодяй! Хочешь убить мальчика?!

Все в изумлении смотрят на нее.

— Кто эта девочка? Какая смелая?

Лицо полицая краснеет от гнева. Он хочет

поймать Шулю. Но она лишь поворачивает кольцо на пальце. Слышен страшный грохот, ограда гетто рушится, ворот как не бывало, полицай падает мертвым к ее ногам и дубинка его рядом с ним. Евреи стоят пораженные, боясь двинуться с места.

Тогда Шулля кричит:

— Евреи, пришел наш час! Сначала отомстим за наши мучения, а потом уйдем из этой проклятой страны!

— Куда пойдем? — слышит голоса Шулля.

— В страну Израиля! Все уйдем, ни один еврей здесь не останется!

И она шагает вперед. Все литовские полицаи, все немцы падают перед ней замертво. Она идет из дома в дом, из улицы в улицу, входит в каждую квартиру, в которой жили прежде евреи. И горе тому, чьи руки пролили невинную кровь! Все евреи садятся в поезд и едут в портовый город. Шулля знает этот город. Не раз гостила она здесь у родных. И здесь тоже она вершил суд над врагами Израиля. В городе не остается ни одного немца.

Изгнанные евреи возвращаются и поджигают свои дома.

Не оставим их нашим врагам!

Потом все садятся на пароходы и с песнями отплывают в Эрец-Исраэль...

Скрип двери возвращает Шулю к действительности. Мама пришла домой.

Госпожа Вайс ложится рядом с Шулей, они обнимаются и засыпают.

ОБРАТНО К ДРУЗЬЯМ

Лето прошло, и холодные осенние дожди наполнили улочки гетто грязью. Вторая осень за колючей проволокой...

Население гетто очень сократилось, многие не вынесли мучений: одни умерли от болезней, другие ушли на работу и не вернулись, третьи просто исчезли из гетто. Но больше всего жизней унесли акции.

В последнее время массовые убийства прекратились, и узники гетто поверили было обещанию властей: расстреливать евреев больше не будут. Нужно только прилежно работать.

Шуля не видела больше в гетто своих товарищес с улицы Мапу. Иногда она встречала Шмулика. Они улыбались друг другу, махали рукой и шли своей дорогой. Иногда Шмулик приходил к ней домой. Он рассказал ей о смерти Этеле и о том, что Ханеле отдали Гирюсам и что он ничего о ней не знает.

Несколько раз приходил к ограде Паулаускас, и всякий раз руки его были полны всякого добра: мука, хлеб, крупа, картошка, иногда даже масло и мясо. Из этих деликатесов Шуля откладывала что-нибудь для своего друга Шмулика. В такой счастливый день она вставала пораньше,

бежала к воротам, откуда Шмулик шел на работу, и приглашала его к себе в гости.

Шмулик редко приходил по приглашению: он стеснялся есть у подруги. Но госпожа Вайс помнила про него, собирала пакетик с продуктами и посыпала с Шулей ему домой.

Иногда заходила госпожа Коган. Она жила неподалеку. Госпожа Вайс, которая прежде была далека от всех соседей, теперь охотно принимала у себя добрую и скромную мать Шмулика. Общая участь связывала их: обе потеряли мужей. Поговорят, и вроде легче стало.

Когда после многочисленных акций территории гетто была урезана, обе семьи поселились вместе.

Шмулику удавалось приносить с работы дров. Они топили печь. Госпожа Вайс и Шуля ходили на работу, а мать Шмулика вела маленькое домашнее хозяйство, готовила, убирала и стирала.

Здоровье Шули вызывало тревогу. Девочка вытянулась и похудела. Ее часто мучили головные боли и приступы кашля. Перед глазами Шмулика вставала Этеле. Однажды, после сильного приступа кашля, Шмулик сказал себе: Шуля должна выбраться из гетто.

Госпожа Вайс вспомнила Паулаускаса, его жену Маре и решила: Шуле нужно перебраться к ним. Однако Шуля заупрямилась: без мамы не пойдет. Не оставит маму одну. Тяготы жизни все больше и больше истощали силы госпожи Вайс.

Девочка чувствовала себя ответственной за мать. Нет, она маму не оставит! Уйдут только вместе.

Госпожа Вайс не хотела бежать. Она слишком устала от жизни. На это усилие у нее уже не хватало духу. Чтобы добраться до Паулаускасов, нужно выскользнуть из гетто, пройти четыре километра по шумным улицам города, дрожать перед каждым мальчишкой-литовцем — нет, это выше ее сил. Только Шулю она хочет спасти. Но что делать, если девочка стоит на свом: без мамы не пойду!

Госпожа Вайс сдалась. Она уже привыкла уступать дочери. Только как связаться с Паулаускасом? А если его уже нет в городе? Три месяца не приходил он к забору и не давал знать о себе.

Тогда Шуля придумала новый план: она одна отправится к Паулаускасам и пошле его за мамой. А если она откажется прийти, Шуля вернется в гетто.

Теперь перед Шулей всталая главная проблема: ей нужна форма литовской гимназистки. Только так сможет она пройти по городу. Но как достать в гетто коричневое шерстяное платье и черный фартук?

Той ночью Шуля и Шмулик долго не ложились спать. Огонь в печке давно погас, лишь несколько угольев еще тлело. Дети грели над ними руки. Яркий лунный свет падал сквозь окно на стену напротив, на которой двигались тени. Дети прислушивались к тяжелому дыханию гос-

пожи Вайс и вздохам госпожи Коган.

В ту ночь был продуман план: за продукты в гетто можно достать все что угодно. Шуля и мама будут экономить еду, которую они получают, Шмулик постараётся раздобыть вне гетто булку хлеба. На эти продукты можно выменять платье.

Шли недели, а план все не удавалось осуществить. Спасение пришло неожиданно, совсем не оттуда, откуда ждали.

Наступило христианское рождество. Окна примыкающих к гетто литовских домов засияли яркими разноцветными огнями. Шмулик и Шуля вышли на улицу и, подойдя к ограде, смотрели на освещенные окна, за которыми виднелись елки, украшенные цветными бумажными цепями, румяными яблоками, блестящими иконами. На ветках горят разноцветные свечки. Из ближайшего двухэтажного дома доносится пение, веселый смех плящущих детей, праздничный гомон.

Шуля вспоминает, как ее пригласили на елку в дом друга отца, врача-литовца. Она, Шуля, тоже плясала тогда вместе со всей детворой, радовалась подаркам и в праздничной суматохе забыла, что она здесь чужая, дочь еврейского народа. А теперь ей запрещено даже жить рядом с хозяевами земли — литовцами. Ей кажется, что с того рождества прошло много-много лет.

Вдруг пение оборвалось. Из дома слышны испуганные возгласы, грохот падающих стульев,

женский визг. Мужчина с непокрытой головой выскакивает из подъезда. Взгляд его падает на мальчика и девочку, прижавшихся к ограде гетто.

Мужчина, поколебавшись секунду, поворачивается к ним.

Шмулик тянет Шулю за рукав:

— Уйдем отсюда.

Но мужчина делает им знак подождать.

— Не убегайте, я вам ничего не сделаю. Я ищу врача. Есть у вас врач или фельдшер? Человек ранен в голову. Позовите скорей, а то умрет.

Сначала Шуля хотела убежать, оставив литовца у ограды: «Какое ей дело до того раненого?! Пусть умирает... Одним убийцей меньше будет. Мало они европейской крови пролили?!» Но у нее вырвалось само:

— Моя мама фельдшер.

Литовец умоляюще протянул к ней руки.

— Проведи меня к ней. Отец тяжело ранен.

Одним махом он перескочил через ограду и вошел вслед за Шулей в дом.

— Вы фельдшер? — обратился он к госпоже Вайс.

— Да, я.

— Пожалуйста, идемте со мной. Мой отец тяжело ранен.

Госпожа Вайс взглянула на него. На мгновенье и у нее мелькнула мысль о мести, но тут же овладела собой: человек умирает, она должна

оказать помощь! Тихо собрала инструменты и пошла к ограде. Тут она остановилась. Она не имеет права перейти через преграду, которую они, хозяева земли, воздвигли между евреями и собой, «высшей расой». Горечь и боль захлестнули ее сердце.

— Вы отгородили нас, как хищных зверей, отделили нас от людей, а теперь просите, чтобы я помогла вашему отцу?!

Спустя час госпожа Вайс вернулась, держа в руках булку хлеба, праздничный пирог и большой кусок колбасы — плату за труд. Она рассказала, что литовца ранил его пьяный сосед, который, повздорив с ним, ударил его по голове бутылкой.

Назавтра Шмулик взял колбасу, ушел и вернулся, неся желанную форму. Шуля надела платье с черным фартуком и взяла в руки коричневый кожаный портфель — единственное, что осталось у них из всего имущества. Чтобы не вызывать в гетто подозрения, она закуталась в большой шерстяной платок, закрывшись им от головы до пояса. Поднявшись рано, она вышла вместе с Шмуликом и смешалась с людьми, отправлявшимися на работу в город.

Люди приблизились к воротам. Вокруг — зимняя предрассветная мгла. Падает снег, покрывает стоящих с ног до головы, делая их похожими друг на друга. Полицай у ворот, не глядя, быстро пересчитал людей и махнул ру-

кой. Через минуту — все за воротами. Шуля облегченно вздыхает.

Теперь перед ней вторая трудная задача: как ей выскользнуть из рядов рабочих, чтобы ее не заметили литовские охранники. Шуля осматривается вокруг. Ее бригада отделилась от остальных бригад и свернула в боковую улицу. Дома здесь маленькие, преимущественно одноэтажные, тротуары узкие. Сопровождают их только два литовских полицая. Один спереди, один сзади. Значит, ей нужно перейти в последние ряды и ждать удобного момента.

Шуля начинает прихрамывать, тянуть ногу, отстает и отодвигается к краю. Люди оглядываются на нее — одни с жалостью, другие недовольно. Со страхом следит она за охранником: он ее пока не заметил.

Вот она уже в последнем ряду, около охранника.

Что теперь? Как убежать? Ведь он будет стрелять и попадет в людей из бригады. Да и прохожие помогут поймать ее.

И тут ей повезло. Из ворот двора вышел мужчина. Как только охранник увидел его, широкая улыбка расплзлась по его лицу, он поспешил навстречу приятелю.

Увлекшись разговором, охранник шагает по тротуару и не смотрит на колонну. На улице почти никого нет. Шуля останавливается; бригада движется дальше. Шуля быстро проскальзывает через открытые ворота в соседний двор. Там она

снимает платок с двумя желтыми звездами, зашививает его в портфель и надевает на голову шапочку ученицы литовской гимназии.

Она все еще во дворе. Ей кажется, что кто-то видел, как она забежала во двор, и следит за ней.

В конце концов она решается и выходит со двора. Еще рано, движения на улице почти нет. Шуля сворачивает к автобусной остановке. Вскакивает в автобус и садится в угол, на заднее сиденье.

Автобус полон. Никто не обращает на нее внимания. Но Шуле кажется, что все знают, кто она, и только поджидают подходящего момента. Еще минута, и раздастся крик: «Держи еврейку!», и десятки рук схватят ее. Напротив нее сидит парень лет пятнадцати-шестнадцати, светлый чуб спадает ему на глаза. Рядом с ней сидит пожилой мужчина в серой фетровой шляпе. Он усмехается:

— Прилежная ученица, так рано и уже в школу.

Шуля улыбается, стараясь выглядеть спокойной.

— Мне нужно до уроков сделать кое-что...
Маме нездоровится.

— Да, да, — покачивает головой мужчина, — тяжелое дело война, даже для молодежи.

Парень напротив глядит на нее. У Шули сжалось горло, кровь бросилась в лицо. Изо всех сил старается она выглядеть спокойной, безразличной. Расстегивает верхнюю пуговицу кофточ-

ки — на шее виден маленький крестик. Достает из кармана зеркальце и, глядя в него, кокетливо поправляет выбившиеся из-под шапочки на лоб волосы. Парень отводит взгляд, и ей становится легче. Все входят и выходят. Шуля отворачивается к окну.

Ехать еще пять минут, всего пять минут. Автобус ползет... Ей кажется, что прошел уже целый час. Большинство пассажиров сошло раньше. В автобусе остались лишь трое. Опять ей кажется, будто все смотрят на нее и ждут, пока она встанет. Особенно беспокоит ее мужчина в кожаной шапке и коричневом пальто. Он сел на следующей остановке после нее и все не сходит.

Он только делает вид, что читает газету, — мелькает в мозгу у Шули, — а на самом деле он следит за мной. Вот он вытирает нос, а сам смотрит на меня. Уставился своими наглыми глазами...

Автобус останавливается. Шуля чувствует, что у нее подкашиваются ноги, она не в силах встать с места. Мужчина в кожаной шапке встает и выходит, не обращая на нее никакого внимания.

Едва автобус тронулся, Шуля вскочила и спешно спрыгнула на ходу. Перебежав улицу, свернула в немощеный переулок, в котором живут ее друзья. Как Паулаускасы примут ее? А вдруг она их вообще не найдет?

Скрипнула калитка за домом, около сарая. Навстречу Шуле вышла женщина, закутанная в

черный шерстяной платок. Шуля узнает Маре Паулаускене. Литовка на минутку остановилась, рассматривая гостью, оглянулась по сторонам и молча сделала ей знак следовать за ней. Маре возвращается в сарай, а Шуля идет за ней.

— Езус Мария! — всплеснула руками Маре, глядя на Шулю. — А где мама? Как ее здоровье?

— Жива, — отвечает Шуля, стоя в дверях сарая и вдыхая запах навоза и тепло от коров. У нее кружится голова.

— Бедная девочка! — причитает хозяйка.

— Маре, — говорит Шуля, чувствуя, что еще немного, и она не в силах будет говорить, — я пришла просить у вас убежища.

— Для себя?

— И для мамы.

Маре замолкла. Замолчала и Шуля. На мгновенье она почувствовала, что земля ускользает у нее из-под ног и она падает в глубокую пропасть...

— Не знаю. Мужа нет дома. Тяжелые дни настали, часто ходят с обыском, — мягко начала Маре.

Глаза Шули наполнились слезами. Увидев горе девочки, литовка погладила ее по плечу:

— Ну, ну, не плачь. Посмотрим, что-нибудь придумаем. Придет муж-то, завтра придет. Пока что оставайся здесь. Забирайся на сеновал, там тебе тепло будет. В доме нельзя, ищут.

Шуля хотела было ответить, что не может

ждать, что мать ожидает ее в гетто, но не могла раскрыть рта. Очень усталой была и голодной. Взобралась на гору сена, заполнившую всю вторую половину сарая до самой крыши. Зарылась вглубь, накрыла ноги и тело сеном и закрыла глаза. Как хорошо было бы, если б можно было так лежать до конца, чтобы никто не мешал, чтобы не нужно было есть и пить. Лежать так до конца войны, или уснуть и не проснуться.

Кто-то потянул ее за руку. Открыла глаза. Перед ней стоит Маре, в руках у нее большая чашка молока, хлеб, сыр.

— Заснула, бедняжка. Измоталась.

Маре с жалостью смотрит на девочку.

— Поешь, а потом спи. Отдохнуть тебе надо, отдохнуть...

Из глаз Маре выкатилась слеза.

Горячей волной обдало Шулю, будто эта слеза свалила тяжелый камень с ее души.

Тот день Шуля провела в сарае на сене. Вечером Маре принесла ей одеяло и горячую пищу: тушеную капусту с мясом. Поев, Шуля закуталась в одеяло и погрузилась в сон.

Так прошел для нее и второй день. В промежутках между едой она отсыпалась, будто желая вернуть слипающимся векам все часы бессонницы в долгие страшные ночи гетто, когда приходилось, затаив дыхание, сидеть в тайнике.

Паулаускас вернулся лишь на третий день. Вечером он вошел в сарай, поздоровался, посмотрел на девочку и сказал:

— Ты отдыхай здесь, а я схожу за матерью.

Если бы Шуля не стеснялась, она бы обняла этого доброго человека... Она только прошептала:

— Там, возле ограды.

— Знаю. Не бойся, найду. А ты ешь хорошенъко да отдыхай.

Пожелав спокойной ночи, он медленно сполз с сена.

Утром, еще не раскрыв глаза, Шуля ощущала под боком теплое тело.

— Мама, — запело у нее в душе, — уже пришла, мамочка...

Госпожа Вайс спала, обняв одной рукой Шулю, а другую положив под голову.

* * *

Холод снаружи становился все крепче. Он проникал сквозь сено, которое они наваливали на себя, колол, будто иглами, тело. Шуля с матерью грели друг друга, прижавшись одна к другой. Ночами они слезали с сена вниз и ходили по сараю, чтобы размяться. Шуля подходит к корове, гладит ее мягкую шкуру... Корова смотрит на нее добрыми глазами и лижет ладонь девочки. Шуля прижимается лицом к голове коровы, обнимает ее за шею, и на душе у нее становится легче.

Еды им хватало. Они страдали оттого, что были оторваны от мира, что были вынуждены сидеть, как мыши, в сене и не могли мыться. Даже в тяжелых условиях гетто, в своей холодной

комнате они каждый день грели воду и мылись. Здесь они не могли причинять своим хозяевам лишние заботы. Правда, в субботу вечером, после того как вся семья искупалась, пришла Маре и предложила: если они хотят, она и для них приготовит воду.

Ночью они через двор проскользнули в дом. Окна были занавешены плотной темной тканью; только светились язычки огня из печки. Посреди комнаты стояло большое деревянное корыто, в котором Маре обычно полоскала белье. Корыто до половины было наполнено теплой водой. Хозяйка протянула им большой кусок хозяйственного мыла, длинное льняное полотенце и две белых рубахи.

— Раздевайтесь, потру вам спины, у вас-то, верно, сил нет. Все мы только люди, и никто не знает своей судьбы. Сегодня вы нуждаетесь во мне. Завтра, может быть, я буду просить у вас помощи.

— Будем надеяться, что вам не понадобится моя помощь, но я молю Бога, чтобы смогла отблагодарить вас за вашу доброту, — ответила госпожа Вайс.

В ПОГРЕБЕ

Их разбудил треск выстрелов. Вокруг предрассветная темень. Несколько залпов один за другим раскололи тишину раннего утра. Первой

проснулась госпожа Вайс. Сердце ее сжалось от предчувствия беды. Она стала будить Шулю, шепча:

— Вставай, дочка, вставай, стреляют!

Дрожащими руками они свернули постель и засунули ее глубоко в солому. Потом зарылись в сено в самом темном углу и лежат молча, прижавшись друг к другу и настороженно вглядываясь в темноту.

Градом сыплются ружейные выстрелы и пулеметные очереди. Ясно, стреляют в гетто.

Шуля сразу вспоминает своего лучшего друга Шмулика и начинает плакать. Ее мучит совесть за то, что сама она спаслась, а его оставила в беде. Лежа в сене, девочка часами строила планы, как выручить его.

— Тише, Шуля, тише, — уговаривает ее госпожа Вайс. Но Шуля не в силах сдержаться.

— Шмулик, Шмулик, — тихо всхлипывает она.

Стрельба все усиливается... Временами кажется, что стреляют над самой головой... Прошло несколько часов. Потом стрельба стала стихать, раздавались лишь отдельные выстрелы, наконец, смолкли и они.

Никто к ним не пришел, даже Маре не пришла подоить корову. Не принесли поесть. Они даже не знают, который час, не знают, сколько времени длилась пальба.

Мать и дочь лежат, зарывшись в сено, напря-

женно прислушиваясь к звукам снаружи и боясь глянуть в щель в стене.

Во дворе послышался громкий лай собаки и тяжелые шаги сапог, приближающиеся к сараю.

— Молчать, Вилкас, молчать! — незнакомый мужской голос пытается утихомирить собаку.

— В сарае у меня только корова, — отчетливо доносится голос Паулаускаса, — одна корова.

Им кажется, что хозяин намеренно говорит так громко.

— Открой, посмотрим, — опять слышен чужой голос.

«С собаками ищут, — мелькает у обеих мысль, — пропали!».

Дверь сарай со скрипом отворяется. Шуля с матерью, зарывшись поглубже в сено, затянули дыхание. Но дверь сейчас же закрылась, шаги быстро удаляются...

Ночью появился Паулаускас и принес ужин. Молча посмотрел на них, предложил поесть и опять замолчал.

Госпожа Вайс едва притронулась к еде.

— Скажите, что случилось?

— И говорить не стоят... Убивают, кровососы... — плонул в сердцах хозяин. — Придется построить вам тайник. В сене больше нельзя оставаться. Ищут.

Весь день они слышали стук молотка. Как-то ночью хозяин разбудил их и повел за собой. Они пересекли двор и через заднюю дверь

вошли в дом. В комнате было тепло, пахло свежеиспеченными оладьями. Паулаускас пригласил их к столу. Уже много недель они не сидели, как люди. Вошла Маре, тихо поздоровалась, накрыла на стол и снова вышла.

— Сторожит, чтобы нежданный гость какой не явился, — объяснил Паулаускас. — На прошлой неделе по соседству убили всю семью: нашли у них еврея.

Лишь теперь они почувствовали с невыносимой ясностью, какому риску они подвергают своих спасителей. В каждом движении хозяина при малейшем скрипе двери, при ударе вилки о тарелку сквозил страх.

Госпожа Вайс поднялась с места:

— Лучше нам уйти.

— Куда?

Паулаускас подошел к шкафу, дернул дверцу, наклонился и вытащил доску. В полу под шкафом открылась дыра. Взял лучину, зажег ее и посветил перед женщинами. Дыра вела в яму. Хозяин спустился первым, Шуля с матерью последовали за ним. В яме стоял запах сырости и гнилой картошки. При свете горящей лучины Шуля рассмотрела, что они находятся в пустом погребе. Как видно, его только недавно освободили. В одном углу сбитая из досок кровать, на ней соломенный матрац.

— Квартира, конечно, не роскошная, — сказал Паулаускас, — зато будете рядом с комнатой и сможете, когда все спокойно, подняться

наверх погреться. Может, тем временем придут вести получше.

Той ночью они спали сном праведников. В погребе они чувствовали себя в большей безопасности. Но спустя некоторое время Шуля стала все сильней кашлять. Девочка часто жаловалась на головную боль. Опытный глаз матери отмечал необычную бледность девочки, болезненный блеск ее глаз, и страх за Шулю охватил мать.

С тех пор, как Шуля заметила на себе тревожный взгляд матери, она старалась подавить уныние и выглядеть веселой. Вынужденное бедствие мучило обеих, особенно девочку. Госпожа Вайс часто погружалась в сон, а Шуля не спала и по ночам. Она лежала рядом с матерью, глядя в темноту и прислушиваясь к каждому шороху снаружи. Иногда она вспоминала книги, которые читала когда-то, про злых королей и баронов, издевавшихся над своими подданными и хоронивших их заживо.

— Мы тоже похоронены заживо. По доброй воле спустились в эту мрачную могилу. Странно: человек сам живым спускается в могилу, чтобы спасти свою жизнь.

Здоровье Шули резко ухудшилось. Пропал аппетит. На лбу часто выступает холодный пот. Усилились приступы кашля; она старается подавить его каждый раз, как слышит наверху шаги.

У госпожи Вайс возник дерзкий план: может быть, им удастся выдать себя за неевреек там,

где их не знают? Внешность у них, у нее и дочери, не типично еврейская. А Шуля и говорит, как прирожденная литовка. Она попросит Паулаускаса, чтобы он нашел ей работу в каком-нибудь городе подальше. Может, в Жемайтии?..

Выбрав минутку, она рассказала ему о своем плане. Если нет возможности найти работу по специальности, она готова работать по хозяйству. Она ничего не просит, только пищу и кров.

Паулаускас посмотрел на нее своими добрыми глазами:

— Какая вы наивная, госпожа Вайс. Кто вас возьмет без документов?

Она знает, что документы можно подделать. Слышала об этом в гетто. Там подделывали всякие документы: рабочие карточки, продуктовые, удостоверения. Пусть Паулаускас достанет ей паспорт нееврейки.

Но такой паспорт стоит больших денег. Чем она заплатит? Она вспоминает, что у нее припрятаны две пары золотых часов, ее и мужа. Она готова отдать часы за паспорт.

Паулаускас колеблется. Он ничего не может обещать. Можно вlipнуть. Он посмотрит, попробует.

А дни идут. Шуля смотрит на серебряные нити в волосах матери, на ее лицо, которое еще год назад было таким молодым и свежим, и ее сердце наполняется жалостью и страхом: что, если она и вправду заболеет? Кто позаботится о маме? У Шули колет в груди, но она старается

скрыть боль и страх, притворяется бодрой и веселой. Она болтает, вспоминает доброе старое время и мечтает о будущем:

— Увидишь, мама. Война скоро кончится. Немцы больше не побеждают. Тогда уедем отсюда, никогда не вернемся в эту страну. А пока поедем в город, где нас не знают. Я буду работать, а ты отдохнешь. Ведь я уже взрослая и все умею делать.

Госпожа Вайс, не перебивая, слушает дочь: пусть потешится. Но в сердце у матери тревога: девочка моя, бедная моя дочка, кто знает, что еще готовит тебе судьба... Я хочу оставить дом наших друзей, надежное убежище. Кто поручится, что мы не будем умирать с голоду, что нам не придется ночевать под открытым небом? Но каждый взгляд на Шулю убеждает ее, что нужно выбраться из погреба, и будь что будет. Здесь девочка угаснет, как свеча.

Прошли еще три недели, и Паулаускас сообщил, что ему удалось раздобыть документы. Недавно умерла тут одна русская. Можно получить ее паспорт. Проблема только с дочерью. Но он надеется уладить и это. Опять потянулись долгие дни ожидания...

Наконец наступил долгожданный день. Нужно собираться в дорогу. Они едут в поместье близ Паланги, на берегу Балтийского моря. Владельцу поместья, пожилому вдовцу, другу Паулаускаса, нужна домохозяйка. Но Боже упаси открыться ему, что они еврейки!

— Слушай, дочка, — говорит Шуле госпожа Вайс, — запомни хорошенъко: с сегодняшнего дня тебя зовут Оните Дудайте, ты дочь покойного Ионаса Дуды, а я твоя мачеха, Софья Михайловна Дудиене.

Госпожа Вайс плохо говорит по-литовски. Паспорт русской, перед самой войной вышедшей замуж за литовца, позволяет объяснить, почему она хорошо владеет русским языком и плохо литовским.

— Но почему мачеха? — никак не может согласиться Шуля. — Мама, неужели нам придется все время врать, что мы неевреики?

Госпожа Вайс посмотрела дочери прямо в глаза.

— Дорогая моя девочка, ты говоришь — врать? В нашей жизни всегда будет больше правды и чистоты, чем у наших врагов. Сама жизнь их — ложь, их действия — обман, каждый шаг, который они делают, — зло. Еще настанет день, когда мы сможем расправиться во весь рост.

Рано утром, когда еще мерцали в небе последние звезды, Шуля с матерью добрались до маленькой станции в двадцати километрах от Ковно. Там они сели на поезд, идущий на север, к морю. Одеты они были по-деревенски, в руках плетеные корзинки со скучным имуществом и едой на дорогу. До станции подвез их на своей телеге Паулаускас.

СРЕДИ ЧУЖИХ ЛЮДЕЙ

Зима позади. Уже много месяцев живет Ханеле на новом месте, в деревянном, чисто побеленном домике с соломенной крышей. Перед домом палисадник, в котором зеленеют ростки руты, а позади стоят в весеннем цветении несколько вишен, покачивающихся ветками при малейшем дуновении ветра.

Недалеко от дома разлилась Вилия. Ее воды, еще мутные от растаявшего снега, от смытой земли, прошлогодних листьев и травы, мчатся быстро и сильно.

За рекой зеленеют поля ржи и овса, чернеет вспаханная земля, а дальше, за полями — сосновые и еловые леса с вкрапленными кое-где березами.

Ханеле уже выглядит спокойной. Постепенно привыкла к своему новому положению, к чужой семье.

«Слушайся Стасю во всем, что бы она тебе ни сказала, и зови ее мамой», — врезались в сердце девочки прощальные слова матери.

Кроме Стаси и ее мужа Ионаса в доме живет сестра Ионаса, вдова, с дочерью Альдоной и двумя сыновьями постарше, Юргисом и Пятратасом.

Альдона на два года старше Ханеле — худенькая, высокая для своих лет девочка с гладкими льняными волосами и голубовато-серыми глазами. Носит она обычно длинное до пят платье из грубого домотканого полотна; голова повя-

зака большим желтым платком. Она быстро сменит босыми ногами по полевым тропинкам, размахивая длинным ивовым прутом.

Каждое утро Альдона отправляется на берег Вилии пасти гусей, и Ханеле велено идти вместе с ней.

В этом крестьянском доме ее имя уже не Ханеле, а Марите Гирите. Соседям, живущим на разбросанных поблизости хуторах, известно, что Марите родственница Гирисов, сиротка, которую они приютили, когда в городе умерли ее родители.

Но Ханеле никак не может говорить Гиризам «папа» и «мама». Когда в доме посторонние, она старается исчезнуть с глаз, а когда чужих нет, зовет Стасю тетей.

Ханеле подросла, лицо и ноги ее загорели на свежем воздухе. Она тоже носит широкую крестьянскую рубаху с длинными рукавами и грубую домотканную юбку, которая на бегу до боли натирает ноги, и толстый шерстяной платок. Ботинки у нее забрали.

— Ботинки нужны только зимой, когда едут в город, в костел. Жаль трепать. Босиком можешь бегать.

— Полаешь, как черепаха. Скорей! — кричит ей издалека Альдона, махая своим ярким платком.

Трудно Марите бежать босиком по высохшим на весеннем ветру комьям вспаханной земли; они до крови колют ей ноги. Но за полем, на берегу

Вилян зеленеют пышные луга, возвышаются ивы и березы.

Хорошо, сидя на берегу, смотреть в воду на плывущие светло-серые облака и голубые просветы между ними, или закрыть глаза и помечтать: — Где теперь мама? И что сейчас делает Шмулик?

Она их не видела с тех пор, как ее забрали в деревню. Ей велели забыть, что она пришла из гетто, что была когда-то еврейкой.

— Ты знаешь, — рассказала ей как-то Альдона, — вчера в город К. привезли на работу евреев. Я их видела. Страшные они, эти евреи. Глаза у них вот такие... Юргис говорит, что у каждого еврея есть друг — черт. По ночам они встречаются с ведьмами и чертями, пляшут с ними вокруг костра, а чертовки поют их христианской кровью.

Марите молчит, она ничего не понимает. Она только знает, что в рассказе Альдона о евреях есть что-то страшное. В этот момент она боится Альдона.

— Неправда это! — хочет она закричать. — Неправда, неправда... Но она сидит, как окаменелая, глядя на подругу затуманными глазами, и не может произнести ни звука.

— Юргис знает, — продолжает Альдона, — он три года в школе учился, и у ксендза тоже. Юргис говорит, что все евреи обманщики и мошенники, но немцы всех их уничтожат, и не будет больше на свете евреев.

— А ты уже была у ксендза? У него так красиво! С потолка свисает люстра, вся хрустальная. Настоящий хрусталь! И в ней много лампочек. Гостям там подают ложки и вилки из чистого серебра! Ты когда-нибудь видела серебряные ложки и вилки? Конечно, нет. Ведь ты сирота, дочь нищей дворничихи. Мать твоя наверно видела в домах у жидов; у этих жидов все было!

Марите хочется плакать, слезы душат ее. Она хочет крикнуть: Ложь! Ложь! Все твои слова ложь! Я не сирота, а евреи хорошие. У нас дома тоже была хрустальная люстра и серебряная посуда! Но она молчит, и слезы катятся у нее по щекам.

Альдона видит горе подружки и уже жалеет о том, что сказала:

— Ну, перестань, не плачь, я ведь не хотела тебя задеть. Что поделаешь? Так уж захотел Господь, что забрал к себе твоих родителей, но теперь у тебя есть новая мама. Дядя Ионас ведь удочерил тебя, чего же плачешь?

КРЕЩЕНИЕ

Сирень раскрылась буйным цветением на встречу маю. Ветки покрылись зелеными листочками, розовые и фиолетовые цветы наполнили воздух ароматом. В доме Гирюсов готовились к весенным молитвам.

— Слушай, Марите, — позвала девочку Стася, — завтра ты поедешь с нами в костел. Ты ведь знаешь, что ты католичка. Мы подойдем к ксендзу, поздравим его и поцелуем ему руку. Смотри и делай все, как я.

Стася разбудила девочку ночью, как водится у литовских католиков. Велела быстро одеться и умыться, надела на нее праздничную одежду: цветную юбку с широкими складками, расшитую цветами блузку, а поверх — зеленый жакет и пестрый поясок. Шею девочки она украсила янтарными бусами и яркими лентами. В телеге, запряженной парой лошадей, вся семья отправилась в путь.

Двор костела был полон людей, двери распахнуты настежь. Яркие огни, освещавшие двор, на миг ослепили Марите. С трудом пробрались сквозь толпу женщин с белыми шелковыми платками на головах и молитвенниками под мышкой. В конце концов пролезли между двух скамеек.

Марите подняла глаза. Перед ней возвышение, устланное красивыми коврами и украшенное венками живых цветов. На стене, перед возвышением, сверкает огромный серебряный крест. Иконы на стенах и деревянная резьба под потолком издалека показались ей похожими на какие-то странные, фантастические фигуры и напугали ее.

Но тут ее взгляд встретился со взглядом больших, глубоко впавших глаз, смотрящих на нее со стены. Мягкий и теплый он рассеивает

страх Марите. Глаза отбрасывают легкую тень на бледное, окруженное длинными локонами лицо.

Кто этот человек с длинными волосами и добрыми печальными глазами? Она смотрит, не отводя глаз, пока не догадывается, что это только изображение человека в натуральный рост.

Легкий ветерок качнул люстру. По лицу изображения побежали тени. Марите вдруг покалчалось, что само лицо шевельнулось, что человек повернул к ней голову и с жалостью смотрит на нее.

От низких звуков органа задрожал воздух. Толпа замерла на месте, и в костеле воцарилась торжественная тишина. Марите почувствовала, как теплая волна захлестнула ее сердце.

У алтаря раздался густой голос священника. Марите взглянула на его круглое розовое лицо. Впервые видит она ксендза во время службы и так близко. Белое одеяние его украшено кружевами и вышивкой. Она вспомнила свое белое субботнее платье, которое ей сшила мать, и ее глаза наполнились слезами.

— Мама, мамочка! — тихо заплакала девочка.

Снова раздался бас священника, и толпа поклонилась на колени.

— На колени! — услышала Марите голос Стаси, потянувшей ее за руку.

Плача, Марите опустилась рядом с ней: «Мамочка, зачем ты меня оставила?».

Стася посмотрела на залитое слезами лицо Марите, на ее обращенные в сторону ксендза глаза, дернула мужа за рукав и взглядом указала на девочку.

— Смотри, Ионас, как она расчувствовалась в храме Божьем. Доброй католичкой будет.

Наклонившись к девочке, Стася утерла ей концом платка лицо и растроганно прошептала:

— Не плачь, Марите, Господь наш Иисус увидел твои слезы и простит тебе все грехи. Старайся только любить его всем сердцем. Молись каждый день Святой Деве, и она примет тебя под свои крылья. Скоро ты начнешь ходить к ксендзу, учить основы нашей святой веры, и Господь наш Иисус сжалится над тобой.

Молитва закончилась. Храм опустел. Стася повела Марите через двор к задней двери, и они вошли в полутемную, почти пустую комнату. По бокам стояли две длинные скамьи, на стене висел небольшой деревянный крест, а под ним, на краю лавки, ведро воды и чашка.

Стася остановилась перед распятием, перекрестилась и перекрестила Марите. Затем подошла к двери, скрытой за тяжелой коричневой портьерой, и громко произнесла:

— Благословенно имя Иисуса Христа!

— Во веки веков! — отозвался голос из-за занавеса. В дверях появилась высокая худая женщина во всем черном. Стася подошла к ней,

почтительно поздоровалась и поцеловала ей руку. Потом отвела ее в сторонку и что-то зашептала на ухо. Женщина уставилась на Марите злыми глазами, которые будто пронзили девочку насеквоздь, и ей захотелось сжаться, исчезнуть перед этим взглядом. Не говоря ни слова, женщина в черном жестом пригласила их идти за ней. Марите увидела, что они очутились в том же большом помещении. Огни погасли, только в одном углу светится лампада.

Шаги гулко отдаются в пустом костеле. Марите идет на цыпочках, чтобы было не так слышно. Тени скользят по стенам и наводят на нее страх. Она старается идти рядом со Стасей, держась за складки ее платья. Они подходят к тому месту, где горит лампада. Женщина делает им знак стать в сторонке и ждать.

Перед ними квадратная кабинка. В окошке видна голова ксендза. У окошка снаружи стоит на коленях женщина. Ее лицо покрыто вуалью, но видно, как шевелятся ее губы. Наконец, женщина поднялась, поцеловала ксендзу руку и ушла. Провожатая подходит к двери кабинки, шепчет что-то на ухо ксендзу и делает Стасе знак войти.

Марите остается снаружи. Когда же все кончится? Кажется, уже целый день стоит она тут, прижавшись к стене кабинки, одна, всеми покинутая, в пустом костеле. Вдруг охватывает ее желание бежать отсюда, бежать, пока хватит сил.

Наконец, дверь кабинки отворилась, из нее

вышел ксендз, а за ним Стася, вся сияющая от радости.

— Иди сюда, Марите, поцелуй руку господину ксендзу за великую милость, он спасет не только твою жизнь, но и душу, — говорит Стася и подталкивает девочку к священнику. Мягкая и округлая рука ксендза приблизилась к губам девочки.

* * *

Теперь каждый вечер Стася учит Марите молиться. Сначала показала, как нужно креститься, потом научила говорить «Отче наш» и несколько молитв в честь богородицы. У Марите хорошая память, она легко все запоминает, и Стася ею очень довольна.

Прошло несколько недель, и снова девочку подняли затемно. Стася торопливо нарядила ее в белое платье, накинула на голову тонкую вуаль и сверху приколола венок из руты. Затем закутала ее в большой платок, чтобы не было видно праздничной одежды. Ионас взял в руки вожжи, и телега тронулась.

Задремавшая было в дороге девочка проснулась оттого, что ее резко дернули за руку. Восток уже начал алеть.

Подъехав к костелу, Ионас привязал лошадь к ограде, и все трое вошли внутрь. Стася трижды стукнула в заднюю дверь. Спустя несколько минут дверь отворилась, на пороге стояла та же высокая женщина в черном. Поздоровавшись шепотом, она пригласила их войти.

Как и тогда горела в пустом костеле лампада, священник уже ждал их. С Марите сняли теплый платок, и она, сонная и испуганная, осталась в тонком белом платье.

Зачем ее привезли сюда? Зачем нарядили, как невесту на свадьбу?

Ксендз посмотрел на нее и сказал своим низким голосом:

— Прочитай-ка молитву «Богородице дево радуйся».

Дрожащим голосом, но без ошибок и не запинаясь, прочла Марите эту и остальные молитвы, которым научила ее Стася. На круглом лице ксендза расплылась довольная улыбка, и он потрепал девочку по бледной щеке.

— Хорошо выучила, дочь моя. Заслуживаешь, чтобы я ввел тебя в лоно веры.

Стася прямо-таки растаяла от удовольствия. Даже на сердитом лице женщины в черном обозначилась улыбка.

Ксендз подошел к тазу с водой, подвешенному на стене, обмакнул в него пучок перьев и побрызгал на голову, лицо и плечи Марите.

— Стань на колени, дочь моя, перед Господом нашим спасителем!

Стася и Ионас тоже опустились на колени.

— Отныне имя твое будет Мария Магдалена Гирите. Сегодня ты родилась заново, и это твои родители, — указал он на Гирисов. — Во имя отца и сына и святого духа я ввожу тебя в лоно христианской римско-католической церкви, —

торжественно произнес ксендз, остановился и затем продолжил:

— Забудь свое прошлое как можно скорей. Это тебе же на благо. Будь верной дочерью церкви, распостершой над тобой спасительные крылья, и твоим новым родителям. И всемилостивый Иисус сжалится над тобой. Может быть, ты даже станешь одной из его благочестивых невест.

Церемония закончилась. Ксендз вышел. Спустя некоторое время он вернулся и вручил Стасе сложенный лист. Поклонившись, Стася поцеловала ему руку.

— Да и ты поцелуй руку благодателю, твоему, — подтолкнула она Марите. — Вот тебе христианское свидетельство о рождении. Отныне можешь не бояться немцев.

Гирис ласково погладил девочку по плечу.

— Не отметили мы как следует этот великий день в твоей жизни. Пришлось все сделать потихоньку, чтобы никто не узнал. Но пройдет несколько лет, ты подрастешь, и устроим тебе второе крещение — конфирмацию. Тогда отпразднуем пышно, и не будь мое имя Ионас Гирис, если не уйдут в тот день из моего дома все окрестные крестьяне пьяными!

ПРИЕМНАЯ ДОЧЬ

Прошло много дней. Марите подросла, лицо и ноги ее загорели на ветру и солнце. Огрубевшие

подошвы ног уже не чувствуют боли, ступая по камням и комьям. Она стала настоящей деревенской девочкой. Когда бежит, подпрыгивают у нее на плечах две русые косички, в которые вплетена красная или зеленая ленточка. На голове у нее пестрый платочек, а одета она в длинное пла-тье из льняного полотна.

Окрестные крестьяне знали, что у младшей дочки Гирисов голос звонкий, как колокольчик. На Рождество, когда она пела в детском хоре священные псалмы, ее нежный голосок поражал прихожан.

Постепенно она смирилась с новой жизнью. Научилась все делать по хозяйству. Когда старшие рано утром уходили на работу, она брала чашку с водой и брызгала во все углы комнаты, которая служила семье одновременно кухней, столовой и спальней. Затем доставала из-за печки веник и подметала некрашеный дощатый пол, потемневший от времени, воды и грязи.

Дом имел два крыла и посередине квадратные сени с дверями с обеих сторон. Второе крыло большей частью заперто. Это комната с тщательно побеленными стенами, увешанными иконами. В ней стоит стол, покрытый белой скатертью с вышитыми на ней цветами. У одной стены — кровать, на ней белое покрывало и в головах одна на другой три подушки в белоснежных на-воловках: большая, поменьше и совсем маленькая. У другой стены стоит деревянный некрашеный шкаф. В углу — комод, украшенный

узорно вырезанной цветной бумагой. Открывали эту комнату только по праздникам или ради важных гостей.

Летом Марите любит встать пораньше. Она быстро одевается и выскакивает из дома, ноги сразу становятся мокрыми от росы, мелким жемчугом рассыпанной по траве.

Она окунает руки в холодную воду в корыте, умывается, вытирает лицо краем платка и бежит выгонять гусей. Потом кормит цыплят и споласкивает ведра для утренней дойки.

Теперь она идет в дом завтракать, с аппетитом ест гречаные блины, запивая простоквашей. После этого моет посуду и идет с Альдоной на пастбище.

В морозные и снежные зимние дни Марите любит сидеть возле теплой печки, штопать мужские рубашки или вязать чулки. Особенно она любит прядь. Руки у нее ловкие. Быстро вращается веретено под ее маленькой ножкой, а из-под шустрых пальцев скользит тоненькая шерстяная или льняная нитка.

Но бывали для Марите и тяжелые дни. Особенно боится она посиделок — так называемых «талка». Долгими зимними вечерами собираются крестьянки в доме одной из соседок, каждый раз у другой, чтобы помочь ей чесать шерсть.

Пришел и черед Гирисов. Впервые увидела Марите посиделки. Женщины наполнили дом Гирисов, сидят на лавках и кроватях. На полу расстелили рогожи, поставили на них мешки с

овечьей шерстью. Женщины горсть за горстью тянут из мешков шерсть, выбирают из нее сор и рассказывают деревенские сплетни. По одному входят в дом мужики. Постарше собираются в углу, курят цыгарки и обсуждают будничные дела. Молодые устраиваются среди женщин, болтают, шутят и поглядывают на хозяйкино угощение.

Детвора вертится у взрослых под ногами, то собирают с рогожи в пустые мешки очищенную шерсть, то получают затрецины.

Над столом поднимается парок от толстых масляных блинов, дразнят куски колбасы и мяса, есть и водка, и «мидус» — сладкий пахучий медовый напиток. Время от времени молодежь заводит песню.

Веселая атмосфера вначале привлекала Марите, и ее голосок звенел в общем хоре. Стоило соседкам услышать ее пение, и они от нее уже не отставали. Марите пела народные песни, пела с чувством и выражением, как настоящая дочь литовской деревни.

Бабы не могли наслушаться, а растроганная Стася прижимала Марите к груди.

Но вот опять песни сменились разговором. И тут заговорили о евреях. Одна соседка начала рассказывать:

— Знаете, у портного Шмульки из местечка Л. был сын. Всего девять лет было мальчионке, а на скрипке играл — чудо! Летом перед началом войны был он с матерью в селе Руда. Сестра моя

выдавала тогда дочь замуж. Попросили мальчишку, чтоб сыграл на свадьбе. Сначала отказался: не знает, мол, литовских свадебных песен. Спели ему разок — и заиграл. Тут же, сразу! И как играл!.. Даже я, старуха, не смогла устоять на месте. Всех бабок плясать заставил!..

— Талантливые они, евреи, известное дело,— вступил в разговор сосед, старый крестьянин.

— Недаром все жиды богатые, — вставил молодой парень.

— Богатые были, — оборвала его дочь старика Агния, — потому что обманщики, торговцы они все.

— Эй, ты-то хоть помолчи! Надоела мне эта болтовня, — прикрикнул на нее отец. — И портные были среди евреев, и столяры, и сапожники, и кузнецы. И все работали. В поте лица ели хлеб свой. Золотые руки у них. Был у нас в селе портной, сын Пядраса из Руды. Три года учился в городе портняжному делу. И что же? Приходит ко мне и говорит: сошью тебе сермягу. Ладно, шей, говорю. Вот тебе матерьял, высшего сорта, чистая шерсть. Жена — покойница Она, мир ее праху, своими руками соткала, перед самой смертью. И что вы думаете? Взял ножницы, скроил, а как начал шить — один рукав длинный, другой короткий, карманы сзади, вся сермяга скособочилась. Хотел я ему все кости переломать, шутка ли, такой матерьял испортить?! Позвал Шмульку-портного. Взял он ножницы в руки, иголку с ниткой. Раз-раз, тут подшил, там

распорол, за один день исправил ту сермягу. Сидит она на мне, будто я в ней родился! Нет лучше еврея мастера, скажу я вам!

— Ты, тятя, опять за свое: нет лучше еврея! А сколько из них мастеров? Двое-трое, а остальные все обманщики. Паразиты на нашем теле. Их не счешь, в каждом местечке жиды кишмя кишат. Войдешь в еврейскую лавку купить три метра полотна, уж так следишь за его руками, а он все равно тебя обманет! Домой придешь — десяти сантиметров не хватает.

— Хватит уж, хватит! Не будете больше покупать в еврейских лавках!

— Так им и надо! Давно нужно было их вырезать. Теперь можно будет вздохнуть свободно в городе. Весь рынок провонял евреями.

— Ты знаешь, — повернулась к Стасе другая крестьянка, — что вчера случилось с Миколасом Дагисом с хутора Лаздинай? Только сегодня узнали. Кума мне рассказала. Пришли к нему в дом немцы, потребовали свежего масла. Миколаса дома не было. Пристали к его жене: давай масла, не то застрелим. Видно, пьяные были. Побожилась баба, что все масло отвезла в город. Начали шарить во всех углах, наконец полезли в погреб. И что, вы думаете, они там нашли?

В комнате тишина, все устремили взгляды на рассказчицу.

— Нашли там еврейского мальчишку. Лет семи всего. Говорят, доктора Ландсберга сыниншка.

— Ох, ох, — завздыхали женщины.

— Наверно, хорошо заплатили Миколасу. Богатый он был этот доктор Ландсберг.

— Что тут долго рассказывать, — продолжала соседка, — за волосы выволокли мальчишку на двор и тут же на месте, под окном застрелили.

— Ох, ох! А с женой Миколаса что же?

— Избу подожгли, а ее с собой увезли.

— Не вернется уж, бедная,.. не воротится, — всплеснули руками бабы.

— Чтоб не прятала жиденка в доме! Дан приказ их уничтожать — нужно выполнять! — вмешался в разговор молодой парень.

— Заткни глотку! — крикнул на него старик, — Они что, не живые твари? И евреи люди.

— Нет, не люди! А может, ты тоже прячешь евреев? — уставился на него парень.

Старик замолчал. В комнате повисла напряженная тишина.

— Приказ есть приказ, — нарушил молчание хозяин дома. — Крестьяне мы, Боже, упаси, чтобы мы вмешивались в государственные дела. Они там наверху лучше нас знают.

— Сказано не прятать евреев, значит, нельзя! — добавила Стася. — Кушайте, гости дорогие, угощайтесь!

И она поспешила подать на стол миску, полную блинов — горячих, вкусно пахнущих маслом.

Все это время Марите сидела, подогнув ноги,

позади Стаси, и сердечко ее трепетало. Она слышала последние слова Гирисов и теперь не смела поднять на них глаза.

— Почему, почему они тоже так?.. — билась в ее мозгу мысль. Она хотела убежать, спрятаться в темном углу, чтобы ее не было видно, но не могла двинуться с места, будто прикованная к полу.

ИСПЫТАНИЕ

Лето в самом разгаре. В синем небе плывут легкие облачка, но крестьяне поглядывают на них с тревогой. Дождя сейчас не нужно. Еще не убрано сено. Душистое лежит оно на лугу и дразнит пасущиеся вблизи стада. В поле зреют хлеба. Колосья не выдерживают и гнутся под тяжестью собственной ноши. Дунет ветерок, и бегут вдаль одна за другой золотые волны, а дальше за ними — зеленовато-серые воды Вилии.

Жаркие дни. Приятно погрузить ноги в прохладную воду реки. Марите скачет по прибрежному песку, по мелкой гальке.

Этот камешек похож на гуся, а вон тот — на улитку. Плывут по течению мелкие рыбешки. Целыми стайками подплывают они к берегу, щекочут девочке ноги. Вот-вот дадут себя поймать. Но они уже несутся вперед, а Марите за ними. Она отходит все дальше и дальше; занятая стиркой Стася не замечает этого. Изо всех сил

бьет Стася по льняному полотну, разостланному перед ней на крохотных мостках из трех досок. Брызги летят вокруг, эхо ударов доносится с того берега реки.

— Марите, Марите! Где ты?

— Здесь, тетя.

Следить нужно за девочкой, чтобы не ушла далеко от дома. Последние недели неспокойно стало. В округе вовсю шныряют доносчики, ищут, шпионят.

Проходя по деревне, она чувствует на себе подозрительные взгляды. Вчера появилась у нее в доме Агния, отвела в уголок и зашептала на ухо:

— Стася, люди говорят, будто Марите твоя...

Стася почувствовала, что кровь бросилась ей в лицо. С трудом подавив бурю в груди, она рассмеялась.

— Что же? Жидовка она? Языки у этих баб, черт бы их побрал! Может, спросишь ксендза? Погоди-ка.

Стася торопливо достала «свидетельство о рождении» Марите и развернула его перед лицом Агнии.

— Что теперь скажешь? Жидовка моя дочь? Ну, жидовка?.. — торжествующе кричала она.

Стася видела, что ее взяла: Агния растерялась.

— Ты же знаешь, — начала та оправдываться, — не любопытная я и не сплетница. Но в

такое время... Дело опасное. Пришла предупредить тебя.

Как они, сволочи, пронюхали? Кто мог узнатъ? И кто из соседей замышляет недобroe?

— Марите, Марите! — громко кричит Стася. — Иди сюда!

Случайно она поднимает глаза в сторону дороги, ведущей в село, и у нее подгибаются колени. Марите стоит возле служащего сельской управы, вместе с ним два полицаи и какой-то неизвестный, одетый по-городскому. Незнакомец наклонился к девочке и гладит ее по волосам. Наверно, спрашивают, как зовут, кто родители. От страха у Стаси замирает сердце. Она прислушивается, но ничего не слышно. Видит, как девочка поворачивается и указывает на нее пальцем. Что им рассказала девчонка?

Верно, скоро придут сюда... Целый полк... Окружат дом... Скорей бежать, пока не поздно. Она побежит вдоль реки, спрячется в высокой ржи. Потом в лес. Он недалеко, всего несколько километров.

Стася хочет двинуться с места и не может. Что станет с Ионасом? С его сестрой, детьми?

Но полицаи и незнакомец поворачиваются и уходят.

Стася стоит, не в силах пошевелиться, и не верит своим глазам. Неужели?.. Вот уже Марите рядом с ней, смотрит на нее своими большими глазами.

— Марите, о чём тебя спрашивали? Что ты сказала?

— Спросили, кто я. Я ответила: Мария Магдалена Гирите.

— Больше ничего?

— Еще спросили, где папа. Я сказала: в поле, сгребает сено. А мама вон на берегу, стирает.

Переведя дух, Стася обхватила девочку обеими руками и прижала ее к груди.

— Умница моя, бедная моя доченька, — от всего сердца прошептала она и смахнула со щеки слезу.

НА БЕРЕГУ МОРЯ

Думбляй, которое соседи с уважением называли «поместьем», было по сути дела обычной усадьбой зажиточного крестьянина. До 1-ой мировой войны оно принадлежало графу Тышкевичу. Графский дворец был окружен роскошным садом. И теперь еще стоит этот дворец у въезда в Палангу, курортный городок на берегу Балтийского моря.

Дорога, заканчивавшаяся мощенной бульжником площадью, вела к старому двухэтажному дому с верандой впереди. Под окнами второго этажа торчат обломки железа, не иначе, как остатки балкона. С обеих сторон дома одичалые кусты шиповника и сирени, за домом огород.

Слева от двора видна конюшня с провалив-

шейся крышей и в ней пара лошадей. В центре двора — длинный ток, рядом с ним два плуга и веялка; в глубине двора сарай, в нем дойные коровы и несколько телок.

Когда-то здесь поражали глаз цветочные клумбы, лужайки и фруктовые деревья, а теперь во всем запустение: изгородь покосилась, деревья не подстрижены, сразу видно, что уже много лет их не касалась рука садовника. Ветер сбрасывает с крон деревьев снежную пыль, и карканье ворон подчеркивает окружающую тишину. Маленький ручей, протекающий через сад, сейчас скован льдом и снегом.

Усадьба расположена в нескольких километрах от моря. И когда ветер усиливается, до слуха ее обитателей доносятся удары бушующих волн.

В усадьбе живут сейчас ее хозяева — Владислав Янковский и его сестра Елена. Янковский этот вырос в бедной семье в поместье Тышкевичей. Отец его служил у графа кучером, но сын считал, что положение отца не соответствовало чести их рода — рода обнищавших дворян. Он никогда не забывал подчеркнуть свое дворянское происхождение и требовал к себе уважения. В молодости он уехал в Америку. Там работал в шахте, зато сумел собрать денег. Вернувшись через пятнадцать лет на родину, купил себе эту усадьбу и зажил крестьянином и помещиком одновременно.

Рядом с огородом стоит длинный и уродливый кирпичный дом, именуемый «казармами».

В нем несколько однокомнатных квартирок, в которых прежде жили батраки со своими семьями. Эти «казармы» пустуют, только в дальнем конце их живет еще одна семья.

Владислав Янковский обращался со своими работниками властно и требовал, чтобы ему оказывали почтение, обращались к нему «понас (господин) Янковский». Однако Паулаускаса он уважал и от него этого не требовал. Знакомы они были с юности. Несмотря на разницу в возрасте оба служили добровольцами в армии во время войны за независимость Литвы. Паулаускас провожал его, когда он отправлялся странствовать в Америку, помог, когда у него умерла жена, оставив маленького сына, Янковский не раз говорил о своем друге: «Толковая голова и золотое сердце у этого Паулаускаса».

Когда друг обратился к нему с просьбой устроить женщину с дочкой, он долго не раздумывал. В доме нужна хозяйка. Сестре Елене, старой деве, трудно справляться с хозяйством. Правда, она не расстается со связкой ключей, но отсутствие хозяйской руки чувствуется везде: на кухне, в комнатах, в хлеву, во дворе, при приготовлении колбас на рождество.

Голова понаса Владислава давно поседела, но он еще видный мужчина: статный, энергичный. У сестры же его — спина согнулась; во время беседы она частенько засыпает.

В молодости поня (госпожа) Елена служила в графском доме. Она постоянно ругает нынешние

времена, утратившие былое великолепие и блеск. Особенно сердита она на бесстыжее молодое поколение, не почитающее ни Бога, ни людей. Когда в усадьбу приехали госпожа Вайс с Шулей, поня Елена встретила их недоброжелательно. Русская... Все русские ведь отвергают Бога, не молятся, обрядов не исполняют. Притом она еще горожанка — франтиха, работать не сумеет. Однако госпожа Вайс сумела за короткое время завоевать ее сердце. Поня Елена очень мучилась от ревматизма. Госпожа Вайс ухаживает за ней, натирает ее тело разными мазями и маслами, поит ее лекарствами. Поня Елена говорит, что Софья Михайловна прямо поднимает ее из гроба,

— Чудесная лечебная сила у этой женщины, — рассказывает она теперь каждому приходящему к ней в дом, — она излечивает любую болезнь и рану одним прикосновением руки. Все доктора мира ногтя ее не стоят.

Шуля ей тоже полюбилась. Старухе нравится, как она бойко говорит по-литовски, бегло читает, быстро вышивает и вяжет. По документам Шуля теперь Оните, подчерица Софья Михайловны, русской, которая вышла замуж за вдового литовца и удочерила его девочку-сиротку. В глазах Елены много значили хорошие отношения между «мачехой» и «гадчерицей». Если Оните зовет эту русскую «мамой» и так ее любит, то это хороший признак.

Один недостаток нашла в ней старая госпожа: ее православную веру. Несколько раз пы-

талась старуха убедить Софью Михайловну в преимуществе католицизма, но вскоре отстала от нее, убедившись, что русская плохо знает также православные обычаи и пренебрегает ими.

— Россия, Россия!.. Безбожная страна и народ, — вздыхает поня Елена.

Но Оните — на нее распространяются все строгости религии. Она дочь католика-литовца и должна придерживаться всех правил: не есть в пятницу мясного, ходить в костел по воскресеньям и по праздникам. Поня Елена взяла на себя духовное воспитание девочки. Она считала своим долгом воспитать Оните в духе преданности католической церкви и ослабить насколько можно вредное влияние мачехи.

Вначале религиозные обязанности были Оните противны.

— Мама, — жаловалась она, когда вечерами они оставались одни — ведь мы все время врем.

— Мы не врем, доченька, — мы только защищаемся.

Шуля поняла смысл этих слов. Она вынуждена вести двойную жизнь, притворяться. Она научилась опускаться перед распятием на колени и повторять вслед за госпожой Еленой молитвы.

Однако иногда ее мучили угрызения совести. Она понимала, что обманывает окружающих, и ей становилось стыдно. Со временем она все же привыкла выполнять все чисто механически.

В доме было заведено перед едой читать кроткую молитву. Понас Владислав ставший за го-

ды, проведенные в Америке, до некоторой степени вольнодумцем, читал молитву торопливо, глотая слова, и подшучивал над своей набожной сестрой. Старуха сердилась, и тогда он умолкал и лишь подмигивал Софье Михайловне, в которой видел свою единомышленницу.

По воскресеньям поня Елена встает раньше обычного. Надевает черное шелковое платье, покрывает седые волосы черным шарфом и берет под мышку молитвенник с золотым образом. Перед верандой уже стоит коляска, запряженная парой начищенных, украшенных бубенцами и красными лентами коней. Понас Владислав подсаживает сестру, рядом с ней усаживается Оните, одетая в праздничное платье, которое ей купила поня Елена. Место кучера занимает понас Янковский собственной персоной.

Софья Михайловна обычно остается дома присматривать за хозяйством. Понас Владислав дергает за вожжи, поня Елена крестится, Софья Михайловна машет им рукой, и коляска трогается.

После службы понас Владислав уезжает в город по делам, а поня Елена и Оните отправляются на прогулку. Летом они идут в парк Тышкевичей, на берег моря, зимой — в город, полюбоваться витринами.

Оните очень любит эти прогулки. Они хоть как-то разнообразят скучную жизнь. Особенно ей нравятся летние прогулки по берегу моря. По городским улицам она боится ходить: кто-нибудь

может узнать ее. Ведь не раз в каникулы приезжала она в Палангу на пляж. Останавливалась вместе с матерью в одном из пансионов этого курортного городка.

Шуля любит гулять в старом графском парке. Когда Литва стала независимой, он перешел в собственность города и был открыт для дачников, заполнивших в летний сезон весь городок. Теперь на воротах парка висит объявление: «Евреям и собакам вход воспрещен».

Последние годы во дворце еще жило несколько женщин из графской семьи. В народе поговаривали, будто дочь Тышкевич не в своем уме. Потому, мол, она и уединилась во дворце, в то время, как мужчины наслаждаются жизнью за границей.

В парке всегда приятная полутьма. Деревья отбрасывают вокруг себя густую тень. Оните любит сидеть на скамейке под раскидистым кленом и мечтать.

Июнь в самом разгаре. Легкие белесые облака, похожие на стадо белых овечек, проплывают по голубому небу. Воздух насыщен ароматом лилового цвета и жасмина.

Уставшая от прогулки Елена опустилась на скамью в тени усыпанной мелкими желтыми цветами липы. Рядом слышится мирное, усыпляющее жужжение пчелы.

Оните сидит на краю скамейки и следит за пчелой, как та складывает свои бархатные крыльшки, влезает внутрь цветка, вылетает и жужжит

вокруг другой чашечки, затем возвращается и тонет в золотых лепестках. Вот она поднимается и исчезает в направлении, известном только ей, пчеле.

Оните завидует крылатому созданию: напилась себе пчелка цветочного нектара, наелась досыта и теперь летит счастливая домой. Не должна она маскироваться под осу. Делает свое дело, и никто ей не мешает. А ей, Шуле, нельзя даже называться своим именем... Если пчелу задеть, она ужалит. Но тогда пчела умирает,— вспоминает Шуля то, что учила в школе. Ничего — стоит даже умереть! Если бы она, Оните, могла превратиться в пчелу, она бы уж знала, что делать. Даже жизни бы своей не пожалела.

Так размышляет Шуля и вдруг слышит храп старухи, заснувшей тем временем на скамейке.

В парке появляются гуляющие.

Кто-то то и дело с любопытством поглядывает на дремлющую старуху и на сидящую рядом с ней девочку. Шулю охватывает чувство страха и неуверенности. Набравшись смелости, она тянет старуху за рукав:

— Поня Елена, идемте, люди на нас смотрят.

Старуха открывает глаза.

— Что с тобой, девочка? Так приятно сидеть здесь и смотреть на гуляющих.

— Но вы заснули. Вы долго спали.

— Чепуха... Совсем я не спала. Только глаза на секунду закрыла.

Поня Елена не любит, когда замечают ее не-

достатки или промахи. Она быстро встает, и обе идут на берег моря.

— Пойдемте к пещере Бируте, — просит Оните.

Она очень любит ходить в эту пещеру в невысокой горе, сплошь поросшей зелеными соснами, которые глядят в синюю морскую воду. Пещера с каменным сводом невелика, в нее могут войти пять—шесть человек. В пещере пахнет сыростью. Внутри стоит статуя богоматери из цветного фарфора.

У входа в пещеру поня Елена и Оните опускаются на колени.

— Я, дочка, помолилась святой Деве, чтобы она послала тебе хорошего жениха и долгую жизнь, — говорит Елена, целуя подол платья у статуи.

По легенде, в этом месте князь Кестутис, правивший Литвой в 14 веке, встретил жрицу Бируте и взял ее себе в жены. Местные жители верили, что просьбы юношей и девушек в этой пещере обязательно сбываются.

— Посидим здесь немножко, — снова просит Оните. Приятно сидеть во мраке пещеры, спрятавшись от людских глаз.

— Вы знаете, поня Елена, — пытается задержать старуху Шуля, — почему это место называют пещерой Бируте?

— Не знаю, дочка, меня этому в школе не учили.

У старой госпожи нет особых претензий на ученость.

— Рассказать вам?

— Расскажи, ты ведь ученей меня.

Поня Елена, как все деревенские старухи, любит рассказывать и слушать сказки. Шуля знает, что своим рассказом она завоюет сердце барыни, и та согласится прогуляться с ней к морю. Старуха не любит море: влажный воздух вреден ее ногам.

Они усаживаются в пещере на камне, и Шуля рассказывает о могучем князе Кестутисе, защитившем страну от вторжений жестоких крестоносцев. Однажды он заблудился в лесу на берегу моря и пришел к пещере, в которой жрицы хранили священный огонь, горевший в честь главного бога Перкунаса. Самая красивая среди жриц была Бируте. Кестутис был поражен ее красотой. Жрицам нельзя было выходить замуж, но он увез ее в свой замок. Так жрица Бируте стала великой княжной Литовского государства и родила мужу героя Витаутаса, который нанес крестоносцам решающий удар, так что они больше не осмеливались переходить нашу границу,— кончает Шуля свой рассказ.

Поня Елена качает головой, поправляет шарф на волосах и отвечает:

— Ох, ох, дочка. Рассказываешь ты — удовольствие послушать, прямо как священник в костеле. Большой ученой ты бы стала, если бы продолжала учиться...

Немного помолчав, старуха добавляет:

— Нет теперь ни Кестутиса, ни Витаутаса...
Всегда они к нам лезут, гости незванные: то русские, то немцы, чтоб они сгинули.

— Русские людей не убивали, — не сдержалась Оните.

— Верно, не убивали. Зато хотели заставить людей идти в колхозы. Кто их сюда звал? Сидел бы каждый в своей стране, которую ему господь дал, и ладно. Так нет! Все норовят вырвать сок хлеба изо рта соседа. Ой, чтоб они все пропали!

ДОЖИНКИ

Август месяц. Жаркое солнце висит в небе и палит головы и шеи жнецов, одетых в льняные рубахи с длинными рукавами и белые холщовые штаны. Длинной цепочкой растянулись косцы по полю. У-ху — со свистом рассекает коса воздух, прежде чем свалить наземь спелую рожь. Потные рубахи липнут к спине, но перед косцами еще длинный путь. Колышется хлебное море. Налитые, тяжелые колосья опускают к земле голову, как будто кланяются.

— У-ху, у-ху — посвистывает коса. Далеко еще конец участка. Высоко еще солнце.

За косцами, согнувшись, идут вязальщицы снопов.

— Пошевеливайся, Альбина, а то не выйдешь

замуж в этом году, — шутит курносый косец, повернувшись к своей вязальщице.

— А, вот тебе, черт косматый! — смеется Альбина, хватает горсть соломы и швыряет ее в напарника. — Ты уже три года бегаешь за всеми девушкиами в селе, и ни одна пока за тебя не пошла.

Женщины вокруг смеются, смущившийся парень утирает лицо. Все реже слышатся шутки, все сильнее усталость. Еще немного, часа два — уже виден край поля.

Согнутая спина готова переломиться, руки словно чугунные.

Еще час, еще полчаса...

Вязальщицы помоложе уже сидят на краю поля и плетут венки из колосьев и васильков — подарок хозяйке.

Еще взмах руки, еще один.

Еще сноп, еще скирда.

Болит спина, ноют от усталости ноги, но стоит потерпеть. Через полчаса хозяева усадьбы будут потчевать жнецов и вязальщиц вином, сыром и всевозможными кушаньями.

Солнце уже склонилось за рощу. Последние колосья связаны в снопы и убраны в скирду в конце участка. Скирда выпала больше остальных. Пошли в нее все остатки. Стоит она и смотрит на остальных как пузатый помешник.

Жнецы вешают на плечи косы, выстраиваются и шагают к усадьбе. Молодежь перешептывается, отделяется от группы и спешит вперед.

Целых три дня трудились жнецы на полях понаса Янковского. Хозяин несколько запоздал с уборкой. Трудно было в этом году достать работников: многих забрали в армию, многих увезли на работу в Германию, часть ушла в город. Работы сейчас хватает, и заработки неплохие. Разграблены еврейские квартиры и магазины. Самые шустрые завели свое дело, открыли лавки в городах и даже не думают возвращаться в село.

Янковский прошел по окрестным деревням из дома в дом, уговаривая работников прийти спасать его урожай. Воздух эти дни был невыносимо душный. После обеда показались на горизонте темные тучи. Ласточки носятся над самой землей, едва не задевая ее крылом.

— Дождь будет, — говорят крестьяне, — может, уже этой ночью.

— Что дашь, если еще сегодня закончим жатву и уберем на ток?

Янковский обещает царский пир.

Женщины в доме готовятся угощать работников. У Софьи Михайловны полно работы. Она печет, варит, разливает водку, солит сыр. Старуха Елена приглядывает за работой, Оните помогает матери. Много работы перед праздником: нужно подоить коров, процедить молоко, снять сливки. Накормить птицу и свиней, загнать цыплят в курятник.

До сегодняшнего дня работала Софья Михайловна во дворе. Теперь она занята в доме. Нужно

так устроить праздник урожая, чтобы Янковский руки потирал от удовольствия.

— Не жалейте добра, — предупредил он женщины, — угощайте работников щедро, чтобы помнили, какие им понас Янковский устроил дожинки.

Столы, сияющие белоснежными скатертями, заставлены золотистыми плетеными булками, мисками, полными колбасы, свинины, сыра, и самым главным — бутылками водки... В глубине веранды стоит бочка с пивом. Пенистый золотой напиток так и манит к себе гостей.

Софья Михайловна несколько нервничает: все ли так как надо? Ведь она впервые в жизни устраивает в селе праздник дожинок. Не заметят ли по ней, что она еврейка?..

Янковский говорил как-то, что еду, приготовленную еврейкой, он узнает еще издали — по запаху. Не узнает ли на сей раз? Она старалась приготовить все строго по деревенской традиции, как ее учила старуха.

— Я ведь фельдшерица, готовить не учились, — оправдывалась она.

— Хе-хе-хе, дочка, — смеется старуха, — хоть ты и фельдшерица, но и с кухней хорошо знакома. Меня не обманешь. Эту науку так быстро не освоишь.

Сердце Софьи Михайловны трепещет от страха. Издалека уже слышна песня жнецов.

Первыми, взявшись под руки, идут девушки. В центре — самая ловкая из вязальщиц кругло-

щекая Альбина, в руках у нее венок. У нее приятный, сильный и гибкий голос.

Тем временем трое молодых парней успели первыми прийти во двор. Набрав полные ведра воды, они спрятались за дверью.

В воротах гостей встречают Янковский с сестрой. Раскрасневшаяся Альбина поздравляет хозяев усадьбы и протягивает поне Елене венок. Хозяева приглашают всех в дом. Мужчины подталкивают женщин. Альбина открывает дверь и ух!.. Ей на голову опрокидывается ведро студеной воды. Леньушка со смехом отскакивает. С боков выскакивают еще два парня и выплескивают воду на остальных девушек.

Начинается водяной бой. Женщины не остаются в долгу, они бегут к колодцу, черпают холодную воду и обливают мужчин. Сухим никто не уходит. Даже хозяевам достается, а Оните мокрая с головы до ног. Комната полна мужского смеха и женского визга. Поня Елена вешает венок на стену в столовой, между окнами, под иконой девы Марии, и потчует «войк». Снова начинается пение, прерываемое звоном стаканов, шутками и смехом. Солнце зажгло верхушки соснов в роще, через комнату протянулись длинные тени. Понас Янковский встал из-за стола:

— Большое вам спасибо за усердную работу.

— Да благословит Господь плоды земли вашей. Спасибо за хорошее угождение, — отвечают ему нестройным хором.

Мужчины по одному подходят и целуют руку поне Елене.

— Спасибо и вам, Софья Михайловна, хорошо угостили нас, — достается и госпоже Вайс.

— Ой, ой! Отличную хозяйку вы себе нашли, понас Янковский! — подшучивают женщины. — Жениться не собираетесь?

— Хотел бы, да все бегут от меня, — отшучивается тот.

— Э-э, еще найдете себе. Вы ведь мужчина в самом соку.

— Может, сосватаете мне такую: молодую, красивую и хозяйку хорошую?

— Ну, выбирайте! Мало разве девушек в округе?

— Взял бы Альбину, так она меня не хочет. Стар, говорит.

— Хе-хе, понас Янковский, хитрый вы! Уже позабочились, издалека привезли себе... Не я вам нужна, — отвечает девушка.

— А кто же? Я и не знаю.

— Вот она, рядом с вами стоит... Разве нужна вам хозяйка лучше, чем Софья Михайловна?

Госпожа Вайс вдруг оказывается в центре круга, рядом Янковский, и все уже готовы выпить за их счастье. Ей становится тесно. Не иначе как подходит к концу их спокойная жизнь в усадьбе. Опять гетто встает перед ее глазами, смертоносный меч навис над нею и дочерью. У нее кружится голова. Извинившись, она торопливо выходит во двор.

Над землей простирается равнодушное небо.
Где-то вспорхнула птица, и от шума крыльев
вдруг пробежал по телу озноб.

Из дома доносится праздничный галдеж. Вы-
сокие девичьи голоса перемешиваются с мужски-
ми, — смех, пение, звуки гармошки.

Насколько ей здесь все чуждо. В этот самый
час убивают мой народ. Братья того же Янков-
ского проливают еврейскую кровь, и нет на них
суда.

Слезы выступили на глазах, все тело дрожит.
Вдруг она вспоминает, что даже плакать ей нель-
зя. Подбегает к колодцу, наклонив ведро, пьет из
него, умывает лицо и старается успокоиться.
Нужно держать себя в руках. Она возвращается в
дом.

Молодежь начинает танцевать. Пара за парой
проносятся перед ней в народном танце «сукти-
нис». Среди танцующих и ее дочка Оните.

«Пляши, бедная девочка, пляши», думает
госпожа Вайс.

Надо знать,
Надо знать,
Как девчатам угоджать.
Яблочком ли угостить,
Иль конфеткой подсластить...

Один шутник приподнял свою партнершу и
закружил ее в воздухе.

— У-ха, у-ха!

— Эй, хозяин, пляши с нами!

Толстенькая Альбина, подбежав к Янковско-

му, хватает его за руку. Понас Владислав пытается протестовать:

— Что ты, девушка! Со мной хочешь плясать? Выбери себе партнера помоложе!

Но вот он уже легко вертит ее в центре круга, покачивая головой в такт музыке.

— У-ха! — топают парни ногами о крашеный деревянный пол.

— У-ха! Музыканты, не спите!.. Живее, эй, ну!

На ступеньках у входа стоит деревенский скрипач и изо всех сил водит смычком. С него градом льется пот, а ноги сами приплясывают. Раздув щеки, подыгрывает ему парень на губной гармошке.

У-ха! У-ха!

Надо знать, надо знать,
Как девчатам угождать.

После суктиниса идет полька, затем хоровод. Музыка замолкла, потные плясуны уселись, тяжело дыша, на ступени веранды.

— К морю! Идемте к морю! — кричит Альбина, первая и в работе, и в веселье.

— Давайте и вы с нами, понас Янковский, Софья Михайловна...

— Вы идите, молодежь. А мы старики, нам пора на печку, спать.

— Старик! Гляньте-ка на него! Еще десять молодых поучите, как жить, понас Янковский. Идемте, идемте!

Шуля подняла на мать умоляющие глаза:

— Идем на море, мама, мне так хочется!..

«Развеселилась бедняжка, — думает госпожа Вайс, глядя на дочь, на щеках которой расцвел румянец, глаза блестят. — Пусть забудет немножко о бедах».

Девушки, обнявшись, образовали длинную шеренгу, перегородившую дорогу. Позади идут мужчины, среди них понас Янковский и Софья Михайловна. Идут медленно, глаза всех устремлены на красный шар солнца, садящийся за рощей. Сверкнули за горизонте последние лучи. Пока дошли до моря, погасли и они, и только узенькая розовая полоска отделяет небо от воды. Море на удивление тихое. Лишь мелкие волны катятся одна за другой и лизнут прибрежный песок.

— Давайте искать янтарь! — кричит Альбина.

— Той, которая найдет первой, я устраиваю в этом году свадьбу, — шутит Янковский.

Девушки со смехом бросились рыться в мокром песке. Парни за ними.

— Моя мама уже нашла! — кричит Оните.

— Ура, Софья Михайловна первой выйдет замуж!

— Понас Янковский, тут же, сейчас приглашайте нас на свадьбу!

«Зачем я послушала девочку, зачем пришла сюда?» — со страхом думает госпожа Вайс и сердито смотрит на дочь. Девочка в растерянности. Она слышит крики «ура» в честь мате-

ри и понаса Янковского и чувствует, что происходит что-то нехорошее. Понимает, что сделала ошибку, но не знает, как поправить.

— Давайте вернемся, — предлагает Софья Михайловна, — все же война, не дело ночью удаляться от дома.

— Что нам война? — презрительно отзывается Альбина. — Война для жидов.

У госпожи Вайс и Шули замирает дыхание. По телу бегут мурашки.

— Я бы их сам не стал убивать, но если это делают другие, мне наплевать, — говорит один парень, услышав, что речь зашла о евреях.

— Что вам жиды сделали? Добрый человек даже собаку зря не ударит.

— Жиды — враги Литвы, продали Литву большевикам.

— Глупости вы говорите, «жиды продали», — вмешивается еще один, — их, что ли, Литва была, что смогли продать?

— Жалко их, — говорит одна из девушек, — даже женщин и малых детей убивают. Я была в городе, когда их пригнали. Не могла смотреть.

— Немец знает, что делает. Если бы не немец, правили бы сейчас здесь большевики.

— А так правят немцы, — негромко сказал кто-то, хотел что-то добавить, но замолчал.

— Эй, ребята, девчата, что вам до этих дел? Лучше споем что-нибудь, — говорит Янковский. Видно, что он хочет оборвать неприятный разговор.

— Спойте что-нибудь, понас Янковский, мы ведь знаем, что вы мастер петь.

Янковский довольно усмехается, принимает вид заправского певца, расправляет длинные усы и начинает:

Где избушка ветхая,

Где родимый дом.

Яблонька заветная

Под моим окном.

Все молчат, даже когда песня закончена.

— Теперь вы спойте, — нарушает молчание Янковский, — что-нибудь повеселее.

Альбина встает, поводит в его сторону своими зеленоватыми глазами и запевает:

Выйду в палисадник,

Три сорву цветочка.

Один брату, один свату

И парню — дорогому.

Будет рута брату,

Будет мята свату,

А чертополох колючий

Шельме молодому.*

— Погоди, погоди, еще обрадуешься, когда придет парень помять немного твои кости! — смеется курносый жнец, толкая Альбину.

— Чего ты ко мне пристал, черт? — толкает его в ответ девушка. — Не про тебя речь. Ты, что ли, мой парень?

— Смотри, какая гордая! Ты что, думаешь

* Перевод автора.

барыней стать?! Не женится на тебе понас Янковский, уже привел себе в дом хозяйку, — насмехается курносый, косясь на Софью Михайловну.

Янковский сидит неподалеку от госпожи Вайс. Ей заметно, что эти слова доставляют ему особое удовольствие. Она чувствует, как рука Янковского ложится ей на плечо. Вздрогнув, она быстро высвобождается и подходит к Шуле.

— Идем, дочка, домой, уже поздно.

— Подождите, ведь жатва кончилась. Куда спешить? — не отстает от нее Янковский. — Кто знает сказку про морскую богиню Юрата? Расскажи, Оните, ты наверно помнишь. Ты ж у нас ученая...

— Расскажи дочка, — шепчет госпожа Вайс.

Она страшно боится, как бы не свернул разговор на нее или на евреев. Встать и уйти одна она не смеет: вдруг Янковский пойдет ее провожать? Единственное ее желание сейчас, чтобы праздник скорее кончился и все возвратились в усадьбу.

Шуля начинает рассказывать дрожащим голосом. Столько слушателей! До сих пор ей приходилось рассказывать одной поне Елене. Но постепенно она успокаивается, увлеченная чудесной сказкой и напряженным вниманием.

Когда-то, много лет назад, волны Балтийского моря не выбрасывали на берег куски янтаря. В глубине моря стоял по всем великолепии янтарный дворец морской богини Юрата. Прекрасен

был дворец, но в десять раз прекраснее была сама Юрате и ее чудесный голос.

По вечерам она поднималась из глубины, плавала по морю, качалась на волнах и пела. Птицы замолкали, звезды замирали на месте и слушали. С высоты смотрел на нее бог грома Перкунас, повелитель богов. Всем сердцем полюбил он красавицу-богиню, но она не обращала на него внимания.

Каждое утро красавец-рыбак Кестутис отправлялся в море на своей лодке. Однажды он задержался в лазурных просторах, и его застала ночь. Только погасли последние лучи солнца, как он услышал разносящееся над водой пение. Кестутис стал грести быстрее и вдруг увидел: качается на волнах девушка удивительной красоты и поет.

Поразился рыбак и выпустил весла.

Увидела Юрате Кестутиса, и запал он ей в сердце.

Каждый вечер задерживался теперь Кестутис со своей лодкой в море, каждую ночь пела ему Юрате свои песни, звала его нырнуть вслед за ней в глубь моря и зажить вместе с ней в янтарном дворце. Много дней не поддавался рыбак на уговоры богини, однако в конце концов ее чудесный голос околдовал его, и он нырнул вслед за ней в глубину.

Увидел это Перкунас, и закипели в его душе злоба и зависть.

— За то, что ты опозорила свою честь, честь

дочери богов, подавив свою любовь простому смертному, ты будешь страшно наказана, ибо велик твой грех.

Взял Перкунас один из самых оольших и тяжелых своих громов и швырнул его в янтарный дворец.

Кестутис упал замертво, и труп его понесся по бурным волнам, а янтарный дворец разлетелся на мелкие кусочки. С тех пор морские волны выбрасывают кусочки янтаря, а бедная Юрате по ночам выходит на берег собирать их и оплакивать своего любимого.

Шуля закончила рассказ, но веселая компания продолжает сидеть молча. Только негромкий плеск волн нарушает тишину.

— Пошли домой, а то еще встретим тут Юрате, — пытается расшевелить людей госпожа Вайс.

Она встает и тянет за собой Оните. Медленно поднимаются остальные, пленившие старой литовской сказкой, которую им рассказала еврейская девочка.

Компания рассыпалась, каждый идет к себе домой. Остаются только Оните, ее мать и Янковский.

Оните чувствует, что мать чем-то встревожена: она убыстряет шаг, крепко держит девочку за руку и не отпускает от себя.

На пороге дома Софья Михайловна торопливо желает Янковскому спокойной ночи и направ-

ляется в свою комнату. Он останавливает ее и берет за руку:

— Я хочу поговорить с вами.

У нее замирает дыхание. Уже несколько мгновений она замечает повышенное внимание к себе со стороны господина Янковского; он постоянно ищет ее общества.

Несмотря на все беды, выпавшие на ее долю, она все еще была красивой женщиной. Хорошее воспитание, отличные манеры и вкус особенно выделяли ее среди местных крестьян. Янковский, повидавший в молодости мир, мог сравнивать и оценить.

Держась за руку Шули, она отвечает дрожащим голосом:

— Пожалуйста, я к вашим услугам.

— Я хотел бы поговорить с вами наедине.

У Софии Михайловны подгибаются колени.

— Может, отложим разговор? Час поздний, и я очень устала.

— Ладно, — неохотно соглашается он, — спокойной ночи.

Долго не может она заснуть. Сердце подсказывает ей, что над ее головой вот-вот разразится гроза. Шуля тоже не может заснуть. Глядя в темноту широко раскрытыми глазами, она прислушивается к вздохам матери. «Бедная мамочка», — думает девочка, и волна жалости оказывает ее сердце.

ДОКТОР КЛИМАС

Несколько недель прошло спокойно.

В воздухе носится аромат созревающих фруктов. Не успели собрать вишню, как поспели яблочки и сливы. Оните не устает любоваться красотой сада и ест фрукты, сколько душе угодно. Все свободное время проводит она в саду. Заброшенный в этом году, сад все же дал богатый урожай. Ветви прямо ломятся от обилия плодов.

Оните любит сидеть одна в саду и слушать пение птиц. Она поджидает их, спрятавшись в кустах, и разыскивает их гнезда. Особенно ей нравится следить за дятлом. Он сидит, упираясь хвостом в ствол дерева, долбит клювом кору, и стук разносится по всему саду. Иногда в сад залетает кукушка.

Вдруг Оните слышит за деревьями людские голоса. По привычке быть всегда настороже, девочка останавливается и прислушивается. К своему изумлению, она видит среди деревьев свою мать в сопровождении Янковского. Оба так заняты разговором, что не замечают ее. Не задумываясь, девочка прячется в сторонке. Что-то против ее воли заставляет ее подслушивать разговор.

— Да, Софья Михайловна, — слышит она голос Янковского, — вы избегаете меня, ускользаете каждый раз, когда я хочу поговорить с вами.

— Это не совсем так, господин Янковский.

просто я занята и очень устала. Работы много.

Шуле кажется, что голос матери дрожит.

— Нет, вы меня избегаете. Вот и сейчас я вас позвал, а вы не остановились.

— Искала дочку, — отвечает Софья Михайловна.

— Чепуха, не пропадет ваша дочка. Мы с вами не дети, Софья Михайловна, понимаем, в чем дело.

Шуля видит, как Янковский берет мать за локоть.

— Софья Михайловна, зачем притворяться? Вам ведь тоже давно перевалило за восемнадцать, и седина блестит в волосах.

— Господин Янковский, я вас очень уважаю. В вашем доме я нашел кров и покой, но...

— Но?..

Софья Михайловна беспомощно оглядывается; взгляд у нее отчаянный, будто у пойманной птицы. Шуля выходит из своего укрытия. Лицо матери озаряет улыбка.

— Вот и моя дочка! — радостно восклицает она, — Где ты была все время?

Бросив на нее сердитый взгляд и что-то пробормотав, Янковский ушел.

Софья Михайловна работает по-прежнему. Собирает в огороде помидоры, срезает капусту, кормит кур, доит коров, выполняет все работы по дому и во дворе. Часами сбивает она масло: зажав деревянную посудину коленями, бьет сливки. Сливки сгущаются, жир отделяется от

жидкости и сбивается в один кусок. Тогда Софья Михайловна вынимает его большой деревянной ложкой и сносит в погреб.

Похоже, что Янковский отстал от нее, он не пытается больше приблизиться к ней. Снова он хозяин, а она — простая работница, которую он кормит. Они друг другу не пара.

Иногда Софье Михайловне кажется, что тучи, омрачавшие ее жизнь, рассеиваются.

Шуля здорова и весела. Физический труд и жизнь на лоне природы пошли ей на пользу. Ка-шель пропал, как будто его и не было, щеки цветут свежим румянцем. «Хорошо здесь моей девочке, — думает госпожа Вайс, — хоть бы подольше так все оставалось».

Лето прошло, наступили осенние дни. В окна стучит дождь, ветер завывает под ветхой крышей, ревет море. Софья Михайловна и Оните возвращаются со двора в дом промокшие и дрожащие от холода. Обувь их порвана, одежда износилась. Оните простудилась и слегла.

Заглянув в комнату Софьи Михайловны, поня Елена нашла ее у постели дочери.

— Эх вы, городские... Дождик чуть промочил, и уже свалились в постель. Такая молодая, и болеет!

Потом посмотрела на встревоженное лицо матери, усмехнулась и добавила:

— Ничего, не волнуйся, Софья, заварю чаю с липовым цветом — сразу ей полегчает. А ты стань на колени да помолись святой деве. Молит-

за лучше всякого лекарства. Правда, у вас, русских, нет Бога в сердце.

Старуха напоила больную настойкой липового цвета, положила к ее ногам бутылку горячей воды, укрыла несколькими одеялами, которые принесла из своей комнаты, перекрестила и вышла. Однако легче Оните не стало. Ночью девочка бредила, тело ее пылало. Софью Михайловну охватил страх.

— Господи, — шептала она, — неужели Ты пошлешь мне это испытание и заберешь у меня мою девочку, последнюю мою надежду?

Шуля ворочается в постели и бормочет. С колотящимся сердцем мать прислушалась к ее словам, и ее пробрала дрожь.

— Не надо, — бормочет больная, — я не Шуля, я Оните. Не убивайте меня! Не стреляй в меня, Юозас! — вырывается крик у нее изо рта, и она пытается спрыгнуть с постели.

Госпожа Вайс, весь вечер и всю ночь не отходившая от кровати больной, падала от усталости и отчаяния. Что с ними будет, если бред девочки услышит кто-нибудь посторонний? Их тайна откроется, и тогда они погибли.

Что делать? — Господи, Боже мой! — ломает она в отчаянии руки. Мелькает мысль: молиться, просить милости Всевышнего. Но она смеется над собой: ведь она же неверующая... Никогда не была религиозной, тем более сейчас... Как это Бог, видя гибель целых народов, убийство женщин и детей, не разрушит небо и

землю?! Нет, нет никакого Бога... Нет на свете жалости и справедливости. Нет Бога, нет, — бьется она в отчаянии, — ничего нет, ничего!..

Так, в телесных и душевных муках проходит ночь.

Перед утром Оните успокоилась и как будто погрузилась в сон. Софья Михайловна тоже вздрогнула, сидя на стуле у изголовья больной. Ее разбудил скрип двери. В комнату вошел Янковский, подошел к кровати, взглянул на больную девочку и сказал:

— Нужен срочно врач, Софья.

Женщина поднимает на него красные от бессонницы глаза:

— Господин Янковский, у меня нет ни гроша.

— Я заплачу. Сделаем все, чтобы поставить девочку на ноги.

— Чем я смогу отблагодарить вас за вашу доброту?

— Ничего, мы христиане, наш долг — помогать ближнему в беде. Я готов помочь любому, кроме еврея.

— Почему? — тихо спросила госпожа Вайс.

— Не люблю евреев. Все евреи большевики. Продали Литву. Не нужны нам колхозы. Я бы сам их не выдал, но чтобы спасти — пальцем не пошевельну, — добавил он.

Госпожа Вайс почувствовала холодок в сердце.

— Кто позовет врача? — спросила она с трепещущим сердцем.

— Поеду в город и привезу.

Когда он ушел, Софья Михайловна тщетно пыталась успокоиться. Внутри у нее все кипело.

Что мы им сделали? Почему они нас так ненавидят? Какая у нас сила? Почему нас обвиняют в том, что мы будто бы направляем пути народов и стран? И этот Янковский — ведь он не невежда, а повторяет все эти глупости, как последний деревенский мужик.

Больная опять начала стонать и бредить. Софья Михайловна не спускает с нее глаз. Вдруг в душе закрадывается страх: что если девочка в бреду откроет их тайну врачу-литовцу? Это ведь будет не спасение, а гибель...

Лучше побежать сказать Янковскому, что дочке стало легче и не нужно врача. А если девочка, не дай Бог, умрет без врачебной помощи?..

Торопливо закутавшись в шаль, госпожа Вайс выбежала на двор искать хозяина. В дверях она столкнулась со старухой Еленой.

— Где господин Янковский, поня Елена?

Старуха бросила на нее подозрительный взгляд и недовольно проворчала:

— Какая вы нетерпеливая? Будто мир рушится. Что за переполох? Как будто кто-то умирает.

— Поня Елена, господин Янковский еще дома?

— Уехал, уехал. Полчаса назад уехал. Святая Мария, какие эти городские изнеженные!

Софья Михайловна вернулась в свою комнату. Постаралась прибрать в ней, умылась, причесалась. Врач не должен догадаться, кто она. Но пальцы выдают ее, она с трудом застегивает пуговицы блузки.

У входа остановилась коляска. Госпожа Вайс выглянула в окно, и у нее подогнулись колени: позади Янковского шагает пожилой врач доктор Клиmas. Она знала его еще в добрые старые времена, когда проводила в Паланге жаркий август. Не раз бывала она у него в доме вместе со своим мужем, и он гостил у них, когда они жили на улице Мапу. Что делать? Ведь доктор Клиmas сразу узнает ее! Уйти, убежать, чтобы он не застал ее в комнате. Пусть посмотрит больную без нее. Она выскользнет через кухню в заднюю дверь.

— Софья Михайловна, вот я привез врача, — слышит она позади себя голос Янковского.

Госпожа Вайс стоит в полной растерянности. От страха она не может сказать ни слова.

— Это мать больной, господин доктор, — продолжает Янковский. — Ничего, выздоровеет ваша дочка, Софья Михайловна, не бойтесь. Уж если доктор Клиmas милостиво согласился лечить девочку, то все будет в порядке.

И он покровительственно потрепал ее по плечу.

Старый доктор бросил на нее взгляд и сказал:

— Мне кажется, что мы знакомы. Но я не могу вспомнить, где мы встречались.

На лице госпожи Вайс появилась вымученная улыбка:

— Это, конечно, ошибка, господин доктор. Я здесь прежде не бывала. Меня зовут Софья Михайловна Дудиене.

Старый доктор пожал ей руку и ответил с улыбкой:

— Не иначе как я ошибся. Старые глаза всегда могут подвести. Давайте посмотрим больную.

Доктор Климас внимательно осмотрел девочку и нашел у нее воспаление легких. Он прописал лекарства, дал матери указания, как ухаживать за больной.

— Не бойтесь, девочка выздоровеет. Через несколько дней я хотел бы посмотреть ее еще раз. До свиданья, госпожа Дудиене.

Доктор повернулся к выходу. Госпожа Вайс вздохнула с облегчением.

Она проводила его в коридор, подала ему пальто, Янковский вышел за коляской, которую пока что поставил под навес.

Она и доктор остались одни. Вдруг старый врач повернулся к ней, взял ее за руку и сказал:

— Госпожа Вайс, если вам нужна будет помочь, я к вашим услугам.

Глаза ее наполнились слезами.

— Спасибо вам, доктор Клиmas, я не смела надеяться.

— Мужайтесь, дочь моя, мужайтесь!

Послышился скрип коляски.

— До свиданья, госпожа Дудиене, — громко произнес доктор Клиmas.

Госпожа Вайс проводила взглядом коляску, выезжавшую за ворота усадьбы, удалявшуюся фигуру благородного старого врача, и по ее лицу покатились слезы.

Как легко и хорошо было теперь плакать!

ДНИ РАСТЕРЯННОСТИ

Прошло несколько недель. Шуля выздоравливала медленно, была слабой и бледной. Тем временем госпоже Вайс стало ясно, что она не может больше оставаться в усадьбе. Янковский вел себя теперь, как человек, которому Софья Михайловна обязана жизнью дочери и должна быть ему за это благодарна по гроб.

Отношение его к ней становилось все более дерзким. Он стал подкарауливать ее по вечерам, когда она возвращалась в свою комнату, ждал ее в хлеву во время дойки. Софья Михайловна понимала, что решающего разговора не избежать и что после него они с Шулей останутся без крова, в окружении врагов. Поэтому она старалась как можно дольше отсрочить этот разговор.

Старая Елена чувствовала, что между ее бра-

том и работницей что-то происходит. Больше всего она боялась, что брат женится: как бы новая жена не лишила ее власти в доме.

От Софьи Михайловны не скрылся враждебный взгляд старухи. Та начала частенько делать ей колкие замечания. Однажды поня Елена искала связку ключей, которую она время от времени забывала то там, то тут. Софья Михайловна нашла ключи и отдала ей. Старуха, разозлившись, пробормотала — как будто про себя:

— Вот так это бывает, когда даешь приют всяким проходимцам. Только отвлечешься и уже готовы наследовать тебе еще при жизни.

Однажды, когда Софья Михайловна возвращалась из хлева, неся ведро молока, до ее слуха донеслись крики из комнаты Янковского: баритон хозяина и вслед за ним — тонкий писклявый голос его сестры.

— Это вообще не твое дело! — кричал Янковский. — Я хозяин в своем доме или нет? Имею право привести в свой дом кого захочу!

— Ты же дворянин, — попыталась старуха задеть слабое место брата. — Разве ты знаешь, кто она и что она? Она русская, антихристка, никогда не молится.

Вдруг в голове Софьи Михайловны мелькнула мысль: старуха ее невольная союзница в этом доме и сможет защитить ее от ухаживаний брата.

Она решила переговорить со старухой.

Когда Янковский как-то уехал в город по

своим делам, Софья Михайловна вошла в комнату Елены. Старуха сидела в кресле и вязала.

— В чем дело? — сердито спросила она.

— Очень важное дело. Вопрос жизни для меня и моей дочери.

Лицо старухи стало багровым от злости.

— Молчи, бесстыжая!.. Не уговаривай меня, все равно не послушаю. Пока я жива, не бывать тебе здесь хозяйкой. Слышишь?

Старуху душил гнев. Сильный приступ кашля прервал ее яростную речь.

Госпожа Вайс молча дождалась, пока старуха успокоится, затем сказала:

— Вы ошибаетесь, поня Елена, я совсем не собираюсь замуж за господина Янковского. Он и не говорил со мной об этом.

— Еще не говорил? — удивилась та. — Это потому, что я против. А ты пришла теперь уговаривать меня? Нет, нет, дорогуша, не бывать этому, пока я жива!

— Поня Елена, я сама все время препятствовала тому, чтобы господин Янковский завел такой разговор. Я вообще не собираюсь выходить замуж, даже за господина Янковского.

— Почему же? Не пара он тебе? Недостаточно благороден?

— Я хочу после войны вернуться на родину, к семье.

— Что там будешь делать?

— Буду работать в больнице.

— Работать в больнице... — Чепуха! Пред-

почтешь выйти замуж и стать хозяйкой в усадьбе.

— Поня Елена, я хочу жить в городе. Деревенская жизнь меня не привлекает. Мой муж был врачом. Я люблю эту работу. После его смерти я дала обет, что ни за кого не пойду замуж.

— Поклянись мне, что не пойдешь за Владислава.

— Клянусь.

— Жизнью дочери?

— Жизнью дочери.

Это, очевидно, успокоило старуху.

— Ты говорила об этом моему брату?

— Он не просил меня выйти за него.

— Так он, наверно, сделает это сегодня, — неуверенно сказала старуха.

Прошла еще неделя. Янковского дома не было, он уехал в Ковно.

Софье Михайловне стало легче дышать. На дворе стояла зима во всей своей красе. На полях сверкал снежный покров. Работы во дворе уменьшилось. Тем временем Шуля окрепла. Начала гулять. И теперь ей нравится сад, его голые, окутанные снегом деревья.

Старуха Елена успокоилась, к работнице стала относиться лучше.

Госпожа Вайс оторвана от всего мира. Давно не была она в городе. Гости в усадьбе не бывали. Радио там не было, газеты не приходили. Некоторое время назад прошел слух, что на юге России идут тяжелые бои. Но немцы хвастались

своими победами, числом сбитых советских самолетов и захваченных пленных.

Сведения о судьбе гетто доходили невнятные. Поня Елена вернулась как-то из костела с известием, что евреев гетто Шяуляя увезли в неизвестном направлении.

У госпожи Вайс не было никаких иллюзий. Она знала, куда увезли евреев. Крестьяне много говорили о глубоких траншеях и ямах, вырытых в нескольких километрах от города... О солдатах, оцепивших это место...

Янковский вернулся из Ковно удрученным. За весь вечер не проронил ни слова. Лишь назавтра, заглянув в хлев, где в это время госпожа Вайс доила коров, сказал:

— Новость есть для вас, Софья Михайловна. У нее заколотилось сердце.

— Не сейчас, после ужина.

Вечером он сказал, глядя на Софью Михайловну:

— Паулаускас пропал, забрали его.

Госпожа Вайс побледнела.

— Кто-то донес. Обыскали дом и нашли в погребе еврея. Жаль, хороший был парень. Из-за какого-то паршивого жида...

Софья Михайловна боялась, как бы не заметили ее чрезмерного волнения. Собрав все свое мужество, она спросила:

— А вообще что слышно в мире? В городе?

— Говорят, что большевики опять крепко поколотили немцев. Весь Ковно — сплошная

казарма. Войска уходят и приходят. Многие удаляются из города. Тяжело там жить.

Софья Михайловна хочет спросить о гетто, но боится даже заикнуться об этом.

— Ты помнишь, — обращается он к сестре, — дворника Антанаса? Тот, у которого жена стирала на евреев! Говорят, что он работал в девятом форту. Большое богатство собрали, все из одежды евреев. Жена его носит каракулевую шубу — прямо барыня, не узнать.

Софье Михайловне стало дурно, вот-вот упадет. Собрав остаток сил, она встала из-за стола.

— Пойду лягу, голова болит.

Янковский тоже поднялся.

— Погодите, Софья, у меня к вам дело.

Она поднимает голову, и ее взгляд встречается с взглядом старухи.

— Разве дело такое срочное, господин Янковский? Может, отложим разговор?

— Нельзя больше откладывать, — нетерпеливо ответил он. — Я вас недолго задержу. Может быть, вы пройдете в мою комнату?

С бьющимся сердцем входит она в его комнату. Янковский закрывает за ней дверь.

— Софья Михайловна, — обращается он к ней, не тратя времени попусту, — я полагаю, что мои слова не являются для вас неожиданностью. Мы с вами уже не молоды. Я был женат, вы тоже были замужем. Да что тут долго трепать языком. Мне нужна хозяйка. Я мужчина в самом соку, и вы мне вполне подходите.

У госпожи Вайс перехватило горло.

— Господин Янковский, вы ведь католик, а я православная.

Удивленный Янковский на мгновение замолкает.

— Чепуха! Вы уже раз были замужем за католиком. Пойдем к ксендзу, и он все уладит.

Вдруг он взглянул на нее и замолк. Видно, какая-то мысль мелькнула у него, и госпожу Вайс охватил страх.

— А может, вы вообще не русская? Может быть, вы еврейка? Ведь вас ко мне прислал Паулаускас, а у него нашли еврея...

Янковский не сводит с нее глаз. Софья Михайловна изо всех сил старается сохранить хладнокровие.

— Ха-ха-ха, — рассмеялась она, — очень уж вы о себе высокого мнения, господин Янковский. Только что сами сказали, что вы уже не так молоды, и все же вы полагаете, что любая христианка должна чувствовать себя счастливой, когда вы предлагаете ей руку.

Янковский стоит, не зная, как ему реагировать на эти слова и смех.

— Я не хочу оставаться в деревне, — продолжает госпожа Вайс, — не люблю я здешнюю жизнь, возиться со свиньями и коровами... Не привыкла к этому. Есть у меня специальность, и меня тянет работать в больнице.

— Неправда, — прервал он ее, — любая женщина предпочтет замужество и жизнь

хозяйки в усадьбе, тяжелому труду медсестры в больнице. Вы еврейка!

— Будь я еврейкой, я бы с радостью приняла ваше предложение, господин Янковский, — с достоинством отвечает она. — В наши дни для еврейки нет ничего лучше брака с христианином, тем более из дворянской семьи.

На это Янковскому нечего ответить. Он старается понять, искренно ли она говорит или насмехается над его дворянством. Задетое самолюбие разжигает в нем злость. Он мог бы обращаться с ней, как господин с рабыней, но пожалел ее честь и предложил ей выйти за него замуж. Он полагал, что она обрадуется его предложению, с радостью упадет в его объятия, а она посмела его отвергнуть.

Янковскому хочется как-нибудь унизить Софью Михайловну, но он не знает как. Разозленный, выходит он из комнаты.

Госпожа Вайс возвращается в свою комнату и без сил падает на кровать.

Что теперь будет? Если Янковский начнет выяснять, он ведь быстро узнает, что доктор Дуда никогда и не существовал. Нужно убираться отсюда, и чем скорее. Только куда?

С тоской вспоминает она погреб Паулаускаса. Бедняга в тюрьме, в руках палачей. Что с ним будет? И что станет с доброй Маре?

Шуля спит крепким молодым сном. Госпожа Вайс ворочается в постели и не может найти покоя. В конце концов она решает: завтра утром

пойдет к доктору Клиmasу. Он ведь предложил ей помочь. Скажет, что она больна, должна посоветоваться с врачом.

Доктор Клиmas не подвел ее.

Спустя два дня Софья Михайловна и Оните расстались с Янковскими. Они объявили, что возвращаются в Ковно. На первой же остановке они сошли с поезда. Здесь их ждал крестьянин с подводой. Доктор Клиmas поместил их пока что в деревне, в доме одного из своих пациентов. Госпожа Вайс будет ухаживать за больной женой крестьянина и их двухнедельным ребенком, а тем временем доктор Клиmas подыщет им другое убежище.

СНОВА В ГОРОДЕ

В начале февраля госпожа Вайс и Шуля прибыли в Вильно. Ехали поездом. На Софье Михайловне была форма сестры Красного Креста, у Шули забинтована голова. Несмотря на тесноту в вагоне, им освободили место. Все думали, что это медсестра провожает в госпиталь раненную.

В дороге госпожа Вайс объяснила любопытным попутчикам, что девочка ранена осколками гранаты, взорвавшейся, когда ею играли деревенские ребятишки. Теперь она отвезит раненную в больницу.

Добрый старый доктор Клиmas дал ей письмо

к своему знакомому, врачу городской больницы. Госпожу Вайс приняли на работу в качестве сестры в ночную смену.

Софья Михайловна с трудом сдержала свою радость. Ведь если она открыто обрадуется ночной работе, это может вызвать подозрение. За работу она получит маленькую комнатку во дворе больницы, питание ей и Шуле и немногого денег на мелкие расходы.

Условия работы были тяжелые. Больница была переполнена. Не хватало перевязочных материалов, лекарств, предметов первой необходимости. Трудно было и с работниками. Не хватало специалистов Но госпожа Вайс была счастлива. Не раз спрашивала она себя: почему ей так повезло, чем она лучше тысяч других евреев?

Охотно согласилась она работать по ночам, боясь ночного обыска и ареста. На работе она чувствовала себя уверенней. Не желая оставлять Шулю одну в комнате, нашла ей работу на больничной кухне: мыть посуду. Ночью девочка спала рядом с ней в комнате ночной сестры.

В часы отдыха, вечерами она иногда выходила вместе с Шулей на улицу, подходила к стене гетто и заглядывала туда. Потом, тихо плача, торопилась уйти. Нельзя ей вертеться вблизи гетто: кто-нибудь может узнать ее, окликнуть по имени, но удержаться она не могла.

Гетто было в предсмертной агонии. Сестры и больные много говорили об ужасах Понар — чудесной долины в окрестностях Виль-

но, ставшей долиной смерти. Рассказывали о набитых евреями поездах, отправленных в неизвестном направлении. Вагоны были заперты снаружи, и оттуда доносились крики.

Иногда одна из работниц больницы появлялась в новом платье, с золотыми украшениями, цепочкой или часами. Хвасталась, что все это досталось ей в наследство от евреев. Г-жа Вайс вынуждена была участвовать в разговоре, интересоваться ценой вещицы. Приходилось с веселым смехом поздравлять «подругу» с удачей. Нельзя, чтобы заподозрили, что это ей не по душе, нельзя отличаться от других.

Лишь по ночам, когда длинный коридор больницы становился пустым, расходились по домам врачи, сестры и санитарки дневной смены и в палатах гасли огни, госпожа Вайс могла свободно вздохнуть. Теперь она может отдохнуть и даже поплакать. Шуля уже уснула. Она может теперь сбросить с лица маску равнодушия и отчужденности, быть еврейкой и от души выплакаться.

Каждый вечер, приходя на работу, она проходит мимо кабинета доктора Квятковского, начальника отделения. Он здоровается с ней кивком головы и торопливым «здравствуйте». С тех пор, как она поступила на работу, он не разговаривал с ней. Госпожа Вайс даже не знает, известна ли ему ее тайна. Рассказал ли ему доктор Клиmas, кто она? Она представилась ему Софьей Михайловной. Доктор Квятковский расспраши-

вал ее только о ее профессиональной подготовке, ни о чем больше.

Что это за человек? — часто гадала она. — За нас он или за наших врагов?

Одна женщина в этом отделении, отделении инфекционных заболеваний, была ей симпатична: сестра Тереза, монахиня. Работала та по сменам, то днем, то ночью. Когда она дежурила ночью вместе с Софьей Михайловной, они в свободное время забирались в кабинет сестры и беседовали. Монахиня Тереза любит поговорить. Она высокая, стройная, с узкими плечами и нежными руками. У нее тонкое бледное лицо, большие серо-голубые глаза, умные и жизнерадостные. Весь облик этой красивой женщины с необыкновенно певучим голосом не вязался с черным одеянием монашки.

Не раз госпожа Вайс спрашивала себя: что заставило эту обаятельную женщину пойти в монастырь? Тереза об этом никогда не говорила, а Софья Михайловна не решалась спросить.

Шуля тоже привязалась к сестре Терезе. Иногда монахиня брала ее с собой на прогулку, водила в кино, приносила ей книги.

Тереза была полька. Большинство специалистов в больнице уже были заменены литовцами. С тех пор, как в 1939 году советская армия отдала Вильно литовцам, местные власти старались превратить его в литовский город. Сюда были переведены из Ковно правительственные учреждения, множество литовцев — служащих, врачей,

медсестер заняли места уволенных поляков. Из старых сотрудников мало кто остался, и среди них руководитель отделения доктор Квятковский и сестра Тереза.

Софья Михайловна сразу почувствовала, что работники больницы делятся на два враждебных лагеря. Литовским лагерем руководила сестра Виктория, по прозвищу Викте. Это была невысокая плотная женщина с толстыми ногами. Льняные волосы постоянно выбивались у нее из-под форменного чепчика. Она с шумом проносилась по коридору и, казалось, заполняла собой все пространство.

Викте любила наряжаться, надевать каждый день новое платье, навешивать на шею или на руки блестящие украшения. Всегда она хвасталась своими приобретениями из разграбленного еврейского имущества; но госпожа Вайс только улыбалась и молчала. Викте не упускала случая подчеркнуть свое «превосходство» над Софьей Михайловной:

— Русские думали, что их власть над миром прочная, но вот пришел Гитлер и обломал им рога. «Капут» будет русским, как жидам!

Софья Михайловна избегала ее. Она не отвечала на ее колкости, не вступала с ней в разговор.

Викте искала повода придаться к сестре Софье.

АНАТОЛИЙ

Однажды, когда Софья Михайловна пришла на работу, ее позвали в кабинет начальника отделения. Доктор Квятковский сидел за рабочим столом. Последнее время он часто задерживался в больнице: в отделении много смертных случаев.

— Сестра Софья, — сказал он негромко, — в четырнадцатой палате лежит новый больной. Обратите на него внимание. Днем за ним будет ухаживать сестра Тереза, а ночью — вы. Последите, чтобы к нему не заходили нежелательные лица. Больной иногда бредит. Я надеюсь, вы поняли меня. В эти дни нам приходится быть не только врачами и сестрами...

Пожав ей руку, он торопливо вышел из кабинета, прежде чем Софья Михайловна успела что-либо ответить.

Озадаченная, осталась она стоять на месте. В четырнадцатую палату клали умирающих. Палата в самом конце коридора, возле лестницы, и в ней только две кровати. Последнее время она была почти постоянно занята. Сестра Софья знала, что за больными в четырнадцатой палате не приходится долго ухаживать.

Сердце стучит, когда она входит в палату. Одна кровать пустая, на второй лежит мужчина. Глаза его закрыты, на впалых щеках — болезненный румянец. Смотрит карточку больного: Анатолий Хаким, караим, 21 год. Софье показа-

лось, что он спит. Но вдруг больной весь задрожал, лицо искривилось от боли и изо рта вырвался стон. Дрожь прошла по спине Софьи Михайловны: ей послышалось, будто больной прошептал что-то по-еврейски.

Она замерла на месте, не отрывая глаз от больного. Ждет какого-нибудь знака, нового звука. Но больной не шевелится. Наверное, уснул. Уже собралась уйти, как вдруг опять движение, опять тихий стон: «Маме, маме»...

У нее сжалось сердце: больной — еврей. Она должна следить, чтобы это не стало известно. Молнией мелькнула в мозгу мысль: если она будет ухаживать за ним и все раскроется, она погибла. Однако она тут же прогнала эту мысль и принялась за работу. Утром, после трудовой ночи, она не могла от страха заснуть: что будет, если Тереза разгадает, что он еврей? Можно ли положиться на нее до такой степени? А что если кто-нибудь из сотрудников — литовцев войдет в палату и услышит бред больного?

Долго мучил ее страх, пока усталость не одолела ее.

Больной почти все время был без сознания. Температура у него была очень высокой. Иногда он всакивал с кровати, порываясь бежать, кричал и плакал. Чаще всего бредил.

Так прошло шесть суток. Все это время Софья Михайловна старалась избегать остальных сестер: боялась их вопросов. Закончив смену, спешила укрыться в своей комнате. Только Шуле

она иногда рассказывала о больном из четырнадцатой палаты. И от Терезы Шуля слышала о нем и заинтересовалась судьбой бедняги-каранна.

На седьмой день вечером, когда Софья Михайловна вошла в кабинет, чтобы получить у Терезы указания на ночь, той на месте не оказалось. Софья решила заглянуть сначала в четырнадцатую палату. Больной лежал в кровати, чуть приподняв голову, и пил из рук Терезы.

— Кризис позади, — улыбнулась ей сестра и вышла в коридор. — Будет жить... Будем надеяться, что через неделю уже сможет встать с постели, — глаза ее блестели радостью. Помолчав, добавила:

— Я никому не давала входить к нему, сама за ним ухаживала. Сестра Тереза пожала Софье руку и вышла легкой походкой, высокая, стройная, одетая в черное монашеское платье. Софья осталась стоять, глядя на дверь, за которой скрылась монахиня.

Теперь ей стало ясно, что ее тайна известна этой сестре. И как будто камень свалился с ее души. Стены больницы сделались ей близкими и дорогими, и даже ночная работа не удручала, а доставляла ей удовольствие. Легко бегала от кровати к кровати, помогая больным. Закончив обход, она вернулась в четырнадцатую палату.

Больной лежал с открытыми глазами. Щеки у него высохли, лицо как восковая маска. Черные глаза глубоко запали, но в них уже светится жизнь.

Целый час Софья Михайловна мешала ему постель и растирала спиртом немощное тело. Больной слёдил взглядом за каждым ее движением. Это было неприятно Софье.

— Надеюсь, вам стало немного лучше, — сказала она. — Скоро совсем поправитесь.

Больной не ответил, только губы его чуть дрогнули. Когда спустя час она снова вошла к нему, он крепко спал.

Прошло еще несколько дней. Больной уже мог сидеть в постели. Софья чувствовала, что он не спит по ночам. Но когда она входила, он поспешно закрывал глаза. «Он меня боится, нужно ему объяснить, что я друг», решила она. С Терезой она не говорила о нем. Как будто оговорившись, они не касались этой темы в своих беседах. Однажды, войдя ночью в палату, она застала больного сидящим в кровати. На сей раз он не закрыл глаза и не притворился спящим.

— Сестра, — обратился он к ней, — долго я был без сознания?

— С неделю.

— Так... Кто ходил за мной?

— Сестра Тереза и я.

Больной замолк. Видно было, что он что-то взвешивает в уме. Затем вдруг схватил ее за руку:

— Сестра, кто эта Тереза? Хороший человек?

В глазах больного Софья увидела страх. Она ощутила острую жалость к нему. Парнишка совсем молодой... Поспешила его успокоить.

Осторожно вынув свою руку из его слабых пальцев, она уложила его на подушку и сказала:

— Не бойтесь, господин Хаким, сестра Тереза — человек надежный.

Но больной не успокоился. Софья видит, как дрожат его пальцы поверх одеяла. Дыхание его сделалось отрывистым.

— Сестра, я кричал, говорил что-нибудь в жару? — с усилием выдавил он.

— Нет, ничего.

Ей показалось, что он с облегчением вздохнул. Снова схватил ее за руку и заглянул в глаза:

— Скажи правду, сестра, в твоих руках жизнь человека!..

«Сумасшедший, — подумала Софья, — таким поведением он сам себя губит».

— Слушай, парень, — сказала она твердо, снова укладывая его на подушку, — чего ты ко мне пристал? Ты уже выздоровел, скоро уйдешь и отправишься домой. Есть у тебя здесь родители, родные? Хочешь, я сообщу кому-нибудь, чтобы пришел тебя забрать?

— Нет у меня родителей.

— Может, кому из родных сообщить?

— Сестра, — сказал он дрожащим голосом, — я караим. Родители мои давно умерли, родных у меня нет. Рос я у дяди, да и он убит.

— Куда ж ты пойдешь?

— Сам не знаю.

«Зачем я мучаю его вопросами?» — упрекнула себя в душе Софья.

— Может, я могу тебе чем-нибудь помочь?

— Сестра, если хочешь помочь мне, попроси врача, чтобы оставил меня здесь, в больнице, пока... пока не встану на ноги.

Назавтра Софья нашла в четырнадцатой палате еще одного больного. Разговоры прекратились.

Шли дни. Анатолий начал вставать с постели. С трудом передвигал ноги. Приходилось ему держаться за край кровати. Как-то утром, после работы, Софья решила зайти в столовую перекусить. Там она нашла сестру Терезу, Викте и еще нескольких работников больницы.

— Не понимаю, чего доктор Квятковский так долго возится с больным из четырнадцатой палаты, — спросила одна. — Он уже выздоровел и может уйти.

— Потому что тот не литовец. Не могу понять, как наше правительство оставило во главе отделения врача-поляка, — откликнулась Викте своим визгливым голосом.

— А чем мешает вам врач-поляк? — мягко спросила Тереза. — Разве поляк не христианин?

— Верно, но на высоких постах должны теперь в Вильно находиться только литовцы. Вильно, к вашему сведению, столица Литвы. И вообще, кто этот Хаким? Хаким... Что это за фамилия? Может быть, и он поляк? — продолжала.

ла Викте, с враждебной насмешкой глядя Терезе в лицо.

— Нет, он караим, — спокойно ответила монахиня.

— Карайм?.. Что это за караим? Никогда не слыхала о таком народе. Может, еврей? Недаром ведь за ним ходит русская, — задела Викте Софью.

— Больной Анатолий Хаким не еврей. Караймы — это потомки татар, которых Витольд привел из Крыма в Вильно и поселил в Троках, — продолжала объяснять Тереза. — Я слышала это от караимского хахама. У них своя вера... А вот ты хвастаешься, что ты христианка, католичка, и хочешь выбросить из больницы человека, который еще не стоит на ногах.

— Нет, тут что-то есть, — стояла на своем Викте, — не зря вы обе ходите за ним.

Софья почувствовала, что кровь отлила у нее от лица, и поспешила выйти.

— Сестра Софья, вас доктор Квятковский зовет.

Софья Михайловна вошла в кабинет начальника отделения.

Он встал и плотно закрыл за ней дверь.

— Садитесь, сестра, — указал ей на стул.

— Спасибо, доктор. Что-нибудь случилось?

— Пока ничего. Однако может случиться. Я хотел поговорить с вами по одному деликатному вопросу.

— Слушаю, доктор?

— Это по поводу больного Анатолия Хакима. Он не может больше оставаться в больнице. И идти ему некуда. Я надеюсь, вы меня понимаете.

— Да, доктор.

— Я хочу поселить его на несколько дней в вашей комнате. Надеюсь, он не очень помешает.

Софья молчала. Неожиданное предложение испугало ее.

— Я понимаю, сестра, что это причинит вам трудности. Но нужно спасать человека. Вашей дочери придется поухаживать за ним. Скажем, что Оните плохо себя чувствует и взяла больничный.

— Доктор, — начала было Софья и запнулась. «Что скажет Викте?» — мелькнула в голове мысль. Однако она промолчала.

Вечером Анатолий перебрался из палаты в комнату Софьи. Сестра Тереза рассказала в столовой, что у Софьи временно забрали комнату, поскольку она нужна для больных. У Анатолия Хакима после тифа обнаружилось осложнение на сердце, и ему нужно находиться под наблюдением врача. Викте пробормотала что-то себе под нос, и на том дело кончилось.

Софье было нелегко. Не стало своего угла, где бы она могла отдохнуть. После тяжелой ночной работы она шла вздремнуть в чай-нибудь кабинет, а затем возвращалась в свою комнату. Оните ночью спала в кабинете сестры, а днем ухаживала за Анатолием.

Анатолий подружился с Оните. Рассказывал ей всякие истории, играл с нею в шашки. Софья с радостью видела, что его бледные щеки постепенно розовеют. Иногда они втроем обедали и вместе проводили послеобеденные часы.

Софья не спрашивала его ни о семье, ни о профессии, но он как-то сам рассказал Оните, что по специальности он слесарь-механик.

Однажды Софья решила остаться на ночь в своей комнате: слишком уж устала. Эту ночь она свободна от дежурства, а завтра у нее выходной.

Софья торопливо пересекла больничный двор. В небе — ни звездочки. Метет поземка, Снег в одно мгновенье покрыл ее голову и плечи.

Войдя в комнату, она увидела, что Хаким стоит одетый в теплый овчинный полушубок, с шапкой с руках. По виду — настоящий крестьянин из села.

— Мама, — вскочила навстречу Оните, — скажи ему... Анатолий хочет уйти. В такую ночь. Не давай ему, он ведь еще слабый.

— Что случилось? — спросила Софья.

Поколебавшись, он подошел к ней, взял ее обе руки и сказал:

— Сестра, вы же знаете, кто я. Оните тоже. Мое имя Анатолий Рубинштейн. Дома меня звали просто Толиком.

— Но... куда же ты пойдешь ночью? В такой мороз?

— Сестрица, от всего сердца спасибо вам за все. Достаточно я попользовался вашей добротой,

даже слишком подвергал опасности вас и вашу дочку.

— Ладно. Куда пойдешь?

— Туда, откуда пришел, — в лес.

— Зачем приходил сюда?

— Сестренку спасать. В гетто была у меня сестра, семнадцати лет всего.

— ?

— Опоздал, — сказал он сдавленным голосом. — Ушла с транспортом.

— Доктор Квятковский знает, что вы еврей?

— Да, он меня знает с детства. Я подцепил тиф. Когда почувствовал, что вот-вот потеряю сознание, успел зайти к нему. Не знаю, что там со мной случилось... Очнулся уже в больнице.

— Ты хочешь уйти сегодня ночью? Ведь за дворе метель.

— Да такие ночи как раз для нашего брата, — печально улыбнулся он.

Анатолий обнял покрасневшую Оните и поцеловал ее в щеку.

— Если вам придется отсюда удирать, пострайтесь добраться до Рудницкой пущи. Партизаны всегда охотно примут медсестру.

Он еще раз пожал им руки и взялся за ручку двери...

Однако дверь с шумом распахнулась, и в комнату ворвалась Викте, а вслед за ней мужчина в серой форме литовских нацистов — шауляй.

Шуля вскрикнула от страха: перед ними

стоял Ионас, сын дворника из их старого дома на улице Мапу.

Викте давно уже подозревала, что Софья еврейка. Подозрение это еще больше окрепло, когда Анатолий перебрался в Софьину комнату. Она решила последить за ними. Как-то раз она рассказала своему знакомому Ионасу, который в то время служил в Вильно в полицаях, что Оните хорошо знает Ковно, хотя по документам она из Шауляя. Викте не раз заводила разговор с Оните, расхваливала Ковно и приглашала девочку поехать посмотреть его. Забыв об осторожности, девочка ответила, что она знает Ковно.

— Разве ты из Ковно? — продолжала выпытывать Викте.

Оните запуталась в ответах.

— Я никоим чюю евреев, — рассмеялся Ионас.

Викте привела его на больничную кухню, когда Оните стояла у раковины и мыла посуду. Ионас разглядывал девочку незаметно для нее.

В первый момент он не узнал ее: за это время она выросла и похудела, круглое лицико вытянулось. Он все смотрел на нее, и в нем зашевелилось какое-то смутное воспоминание.

— Но я знаю эту девчонку! Где же я ее видел?

Глаза у Викте загорелись:

— Ты должен увидеть мать...

Решено было нагрянуть вечером к Софье в комнату.

Эта сцена длилась всего лишь долю секунды...

Неожиданно Анатолий ударил литовца кулаком между глаз. Ионас покачнулся, стукнулся головой о дверь, и упал. Этой секунды было Анатолию достаточно. Он выскочил во двор и исчез в темноте.

— Езус Мария! Спасите! — завизжала Викте.
— Держи его, жида! Держи! — заорал литовец.
Быстро очухавшись от удара, он выскочил во двор вслед за Анатолием. Викте побежала за ним.

Софья и Оните стояли в оцепенении.

— Бежать отсюда... Бежать как можно скорее...

Софья торопливо набросила на дочку пальто, закуталась в толстую шаль, схватила узелок, который всегда держала наготове на всякий случай, и обе вышли из больничного двора через калитку на боковую улочку.

По-прежнему сыпал снег, на улице было пустынно. Но Софье и Оните казалось, что за ними гонятся. В их ушах еще звучали крики Ионаса и Викте.

— Беги, дочка, в монастырь, беги, — прошептала госпожа Вайс. — Спроси сестру Терезу. Она тебе поможет.

— А ты, мама, куда пойдешь?

— Не знаю, дочка, не знаю. Беги.

В конце улицы показалась человеческая фигура.

— Э!, стой!

Ночную тишину раскололи выстрелы.

Ноги сами несли Шулю по темным улицам. Пальто, в спешке наброшенное на плечи, давно соскользнуло и осталось позади. Снег засыпал платье. Но она продолжала бежать. Сколько времени это длилось, она не знала. В боку остро закололо, и она остановилась, тяжело дыша. Где она?

Огляделась. Она стояла в конце улицы, ведущей в гору. Впереди темнела роща, в ней маленькие домишко. Крыши укутаны снежным одеялом, окна закрыты ставнями.

Слезы покатились из глаз: одна, среди врагов, зимней ночью без теплой одежды и без гроша в кармане, без близкого человека. Куда пойти? К кому обратиться? Где мама? Кто знает, не поймали ли ее! Вспомнились слова матери: «Беги, дочка, в монастырь, к сестре Терезе». Но где этот монастырь? Кажется, на другом конце города. Как туда добраться?

Шуля снова побежала, и ей стало теплее. Снегопад прекратился, небо прояснилось, высвечивали звезды.

Все труднее становилось дышать, чаще и острее кололо в боку. То и дело она останавливалась, чтобы перевести дух, и с трудом снова пускалась бежать.

«Что со мной? Заболела? — подумала она со страхом. — Если так, то я пропала».

Улица. С двух сторон высокие дома. В сером свете раннего утра они выглядят как чудовища.

— У всех есть дом... Люди спят в своих постелях. Одна я на улице. Мама, мамочка... — плакала она потихоньку, продолжая идти.

Вот и высокая стена с зелеными железными воротами. Шуля сделала еще несколько шагов и по колено провалилась в сугроб.

Вдруг она почувствовала, что стена покачнулась, железные ворота колыхнулись и всей тяжестью нависли над ней — вот-вот обрушатся на нее... Она хочет отбежать и не может сдвинуться с места.

— Мама, мамочка, — тихо шепчет она и опускается в снег у ворот.

А мать Шули в это время неподвижно лежала на улице позади больницы, и снег вокруг нее алел от крови...

РЕШАЮЩИЙ ПРЫЖОК

После того, как Шуля с матерью выбрались из гетто, Шмулик и его мать остались одни в квартире. Теперь пребывание в гетто еще больше тяготит Шмулика. Вечером, вернувшись с работы, он тоскливо бродит из угла в угол. Мать поднимает на него потускневшие глаза с покрасневшими от слез и бессонницы веками. Без слов ставит перед ним тарелку жидкого супа и молча уходит в свой угол.

У Шмулика сердце болит за нее. Хочется обнять ее, шепнуть ей на ухо слова утешения,

но голос не слышится его. Однажды, решившись, он спросил: «Есть какие-нибудь весточки от Ханеле?» Однако мать изменилась в лице, услышав его вопрос, и он опустил голову и замолчал.

Сегодня его завернули от ворот, и он не вышел на работу. Шмулик сразу почувствовал, что приближается «акция». Страх смерти охватил гетто. Правда, улицы были пусты, но несмотря на это казалось, будто толпы людей бегут по ним, крича и толкаясь, в поисках спасения.

Подойдя к дому, он увидел, как литовские полицаи рассыпались по улицам гетто, врывались во дворы.

Мать стояла посреди комнаты, то укладывая что попало в узел, то снова вытаскивая вещи, не соображая, что она делает.

Он знал: жители их квартала должны выстроиться на площади. Если кого-нибудь найдут в квартире, застрелят на месте.

Шмулик стоит рядом с матерью среди сотен евреев с узелками и мешками. Вначале он поглядывал во все стороны, ища знакомых, но вскоре перестал. Летнее солнце печет голову. Мучает жажда. В передних рядах слышны крики: «Воды!» Кто-то падает в обморок.

Шмулик глянул на мать: она сидит на земле, положив голову на узел. Уснула? Или в обмороке? Солнце заходит. По небу плывут пурпурно-фиолетовые облака, постепенно стано-

вясь синими, затем серыми и наконец черными.

После жаркого дня ночь кажется холодной. Шмулик сел на землю рядом с матерью, прижавшись к ней спиной, и заснул.

Его разбудила мать. Мальчик вскочил на ноги и забросил узел на плечо. Передние ряды уже двинулись. Задние подталкивают их вперед.

— Куда?

Шмулику трудно понять, что происходит впереди. Ругань полицаев, стоны евреев, плач.

Они останавливаются возле товарного вагона. Шмулика быстро втолкнули в вагон и прижали к стене. Дверь с грохотом захлопнулась. Удары молотка — и темнота кругом.

Где мама? Он не видел, чтобы она влезла в вагон.

— Мама! — отчаянно зовет он. — Где ты?

— Здесь, сынок, здесь!

Мать стоит возле него, но он ее не видит, только слышит ее голос и ощущает теплую руку.

«Куда нас везут?» — сверлит в мозгу. Раздающийся в темноте плач скорее раздражает, чем пугает его. Какая-то женщина стучит кулаками в закрытую дверь вагона и бьется головой о стенку.

Страшные слова «Девятый форт» облетели вагон.

Понемногу глаза Шмулика привыкли к темноте вагона. Сквозь щели в стенках проникает слабый свет. Шмулик различает своих со-

седей по вагону. У стены, сквозь которую про-никает свет, он видит сапожника Хайма из сво-ей бригады и его жену Хану.

Шмулик замечает, что Хайм перешептыва-ется с двумя соседями. Он решает пробраться к сапожнику. В бригаде Хайм был известен как ловкий парень. Не раз помогал он Шмулику выбраться из рядов и ускользнуть от всевидящих глаз полицаев.

Став за спиной Хайма, Шмулик прислуши-вается. Однако из-за грохота колес трудно разобрать хоть что-нибудь. Проходит некоторое время, и в вагоне становится душно. У Шмулика кружится голова, его мутит.

Голоса в вагоне стихли. Плач умолк, отчая-ние сменилось безразличием.

Поезд останавливается. Кто-то смотрит в щель:

— Поле.

Никто не знал, сколько времени простоял там поезд. Никто не обратил на это внимания.

Полумертвые от духоты и жажды, кто си-дя, кто стоя, люди прислонились друг к другу.

Наконец, вагон дернулся, качнулся, загро-хотали колеса, и поезд двинулся с места.

Шмулик заметил, что лучи солнца, проры-вавшиеся сквозь шели в вагон, побледнели и затем совсем исчезли. Все его чувства обостри-лись. Сапожник Хайм с товарищами снова пе-решептываются.

— Хаим, — потянул Шмулик сапожника за край одежды, — Хаим, куда нас везут?

— Кто это? Ты, Шмулик? Один? — наклонился к нему сапожник.

— С мамой.

— Ах, так.

Хаим опять повернулся к своим товарищам. Через несколько минут Шмулик услышал тонкий скрип пилы.

— Хаим, — снова попробовал он заговорить с соседом, пият стенку.

— Тихо, парень, мы хотим распилить и вытащить доску из стены. Может, удастся бежать.

— Скажем всем в вагоне, чтобы бежали, — говорит Шмулик.

— Тише, дурной, еще помешают посреди работы!

— Что это скрипит, как пила? — послышался вдруг вопрос сбоку.

— Наверно, мыши или крысы, — ответил кто-то из друзей Хaimа.

Скрип прекратился на некоторое время, затем снова возобновился. Не прошло и часа, как раздался треск выламываемых досок. В вагон ворвался холодный свежий воздух.

— Ой, что это? — воскликнул кто-то.

— Тише, не кричите! Мы проделали дыру в стене... Кто хочет бежать, может выпрыгнуть.

Люди зашевелились. Шмулик почувствовал, что его отпихивают в сторону. Кто-то попробовал зажечь спичку.

— Погаси огонь, сволочь! — угрожающе прикрикнул на него парень, стоявший возле отверстия.

— Люди, не прыгайте, пожалейте нас! Немцы нас всех убьют, — запротестовал было кто-то в темноте. Сильные пальцы Хaima ухватили Шмулика за локоть.

— Прыгай, Шмулик, нечего ждать.

— Прыгай, парень, — поторопил его еще кто-то.

— Не могу.

— Прыгай, тебе говорят. Боишься?

— Не могу оставить маму.

Рука Хaima отпустила его локоть.

Шмулик увидел, как Хaim прильнул к пролому. Удар ветра в лицо — и фигура мгновенно исчезла во мраке ночи.

После Хaima и его жены прыгнули еще двое мужчин.

— Шмулик, сынок!

Мальчик почувствовал теплую руку матери.

— Мамаша, не держите его. Пусть парень попробует спастись.

Шмулик увидел немолодого мужчину, стоявшего все время сбоку, в стороне от общего волнения.

— Прыгай, парень, — повернулся мужчина к Шмулику, — матери ты ничем не поможешь, а свою молодую жизнь, может, и спасешь.

Шмулик молчит, только сердце его гулко стучит в груди.

— Мамаша, — продолжает мужчина, — по-
торопите сына, а то будет поздно.

Горячие слезы покатились по рукам маль-
чика. Мать обняла сына, крепко прижав его
голову к своей груди.

— Прыгай, сынок, прыгай. Может быть, он
прав...

— Мама, — прошептал Шмулик, — мамочка
моя...

Вдруг кто-то подтолкнул его сзади. Вот он
уже в проломе. Сильный толчок в спину, и но-
ги его отрываются от пола. В лицо ударили по-
ток свежего холодного воздуха. От оглушаю-
щего грохота закружилась голова.

Когда Шмулик открыл глаза, первым его
впечатлением была жгучая боль в левом коле-
не и в локте. Ощупал больные места — на паль-
цах липкая жидкость.

— Кровь! Зато живой! — обрадовался он.

Ночь. На небе полная луна. При ее свете
Шмулик увидел, что он лежит на краю насыпи.
Поодаль чернеют сосны и ели. Где-то тро-
кри-
чал петух. Залаяла собака

— Лес, — сказал себе Шмулик, — и неда-
леко село или хутор. Что если кто-нибудь попа-
дется мне на дороге? А где те, что прыгнули
передо мной? Куда делся сапожник Хаим?

С трудом поднявшись на ноги, мальчик по-
пробовал шагнуть, без цели, только бы сдви-
нуться с места. Но боль отдалась во всем теле.
Он опять ощупал разбитую ногу: горячая.

Лишь бы не заболеть! Он должен быть сильным и здоровым.

Шмулик понимал, что идти вдоль пути опасно. Нужно спрятаться в чаще леса. На опушке, близ полотна железной дороги, деревья были спилены. Обходя пни, Шмулик углубился в лес.

Лес становился все гуще, все меньше попадалось пней. Темно — хоть глаз выколи. Время от времени подает голос ночная птица, оглушающе квакают лягушки.

«Не залезть бы в болото» — с опасной подумал Шмулик, осторожно ставя ногу на кочку.

Высокая лесная трава путается в ногах. Сосны и ели сменились лиственными деревьями с густой кроной. Шмулик понял, что сухой сосновый бор остался позади и что впереди болота.

Ему вспомнились рассказы, которые приходилось слышать в детстве о болотах, засасывающих людей бесследно.

Шмулик очень устал, с трудом передвигает ноги. Голова будто свинцом налита. Усевшись на землю под раскидистым деревом, он прислоняется головой к стволу и тут же засыпает.

Проснулся он от странного ощущения, что кто-то есть рядом с ним. Открыл глаза. Хотел было вскочить и бежать, но не мог двинуться с места. За ночь раненая нога распухла. Волоча ее за собой, Шмулик пополз в заросли папоротника.

Солнце уже высоко стояло в голубом, без

единого облачка, небе. Внутри у Шмулика все горело от голода и жажды. Уже полтора дня у него во рту не было ни крошки.

Запах спелой малины раздразнил его аппетит. Шмулик осмотрелся вокруг, и у него заблестели глаза. На ветках кустов покачивались от легкого ветерка спелые темно-красные ягоды.

Собравшись с силами, Шмулик ползal от куста к кусту. Хватает руками ветку, наклоняет ее к самому лицу, губами собирает душистые ягоды и жадно глотает.

Неожиданно до его слуха донесся звук приближающихся шагов. Мгновенно голод и жажда забыты, и мальчик прячется в густые кусты.

— А вдруг уже заметили? Тогда нет смысла прятаться!

Голоса слышны все громче. Ясно, люди приближаются к его укрытию. Вдруг он весь напрягся: кажется, он услышал еврейские слова.

По телу пробежала первая дрожь. Догадка подтвердилась: действительно, рядом евреи. Может быть, это те, которые спрыгнули с поезда, ищут здесь убежища?

Шмулик пополз вперед, на голоса. Среди деревьев он увидел серый пиджак и затем всю фигуру сапожника Хaimа.

Будто кто подтолкнул его, Шмулик вскочил и бросился вперед.

— Хaim, Хaim! — радостно воскликнул он, забыв об осторожности.

Действительно, это Хaim и с ним один из

его компании. Мальчик протянул руки, желая обнять старого знакомого, но его остановил мрачный взгляд сапожника.

— Чего орешь? Ты здесь не дома! — хриплым голосом одернул его.

— Хаим, как хорошо, что я тебя встретил. Был совсем один, — продолжал мальчик уже тише, и протянутые его руки упали.

— Хорошо, хорошо... Каждый из нас тут одинок. Даже если соберется тысяча евреев, все равно будем одинокими.

Шмулик посмотрел на суровое лицо сапожника и спросил дрожащим голосом:

— Хаим, а где твоя Хана?

Лицо Хаима перекосилось от боли.

— Нету... Под колесами поезда...

— Ой, — вырвалось у Шмулика.

— Не жалей, парень... Скоро все встретимся на том свете.

Оба замолчали. У Шмулика одно-единственное желание: не оставаться одному в лесу, избавиться от одиночества, быть в обществе людей, евреев... Некоторое время идут молча бок о бок.

Хаим останавливается, смотрит на мальчика, с трудом волочащего распухшую ногу, отводит глаза в сторону и цедит сквозь зубы:

— Слушай, Шмулик, мы в лесу, среди чужих и врагов... Очевидно, перешли границу Литвы и находимся на территории Белоруссии. В лесу

нет доброго дяди или тети, каждый заботится о себе и идет своей дорогой.

Шмулик взглянул на него и не то со страхом, не то с удивлением:

— Хаим, ведь ты не оставишь меня здесь? Я не буду вам в тягость. Ничего не буду просить. Я только не хочу оставаться один.

— Нет, парень. Не будем мы рисковать из-за тебя жизнью. Иди-ка себе своей дорогой. Мы не можем тащить тебя с собой. Перед нами длинный и тяжелый путь, тебе его не перенести.

Шмулик попытался, было, еще что-то сказать, уговаривать их, но они повернулись к нему спиной и исчезли за деревьями.

Только теперь Шмулик ощутил все свое одиночество и беспомощность. Упав на землю и уткнувшись в нее лицом, он горько заплакал.

ШМУЛИК ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ВАСЬКУ-ПАСТУХА

Шмулик проснулся от острого холода. Его знобило. Он открыл глаза, но ничего не увидел. Абсолютная темень. Ухает филин, квакают лягушки. Шишки, падая, стучат по сухим листьям.

Мальчик поднялся на ноги. Его одежда влажна от росы и сырой лесной почвы. Очень хочется есть и пить. Вот уже двое суток, как он ничего не ел, кроме малины, которую тогда ус-

пел собрать. Страшная слабость овладевает мальчиком, он не в силах двинуться с места. Пошарив дрожащими руками, он находит место, где лежит куча сухих листьев, забирается в нее и закрывает глаза, но сон улетучивается.

Не думая, срывает он с дерева несколько зеленых листьев и жует их. Листья горькие, но все же влага смачивает его сухие губы.

Понемногу небо просветлело. Между кронами деревьев мигали звезды.

Шмулик поднялся на ноги и попробовал шагнуть. Нога уже меньше болит. Шаг, другой, третий... Через полчаса он выходит на опушку леса.

— Лучше выйду на дорогу, — решает он. Оглянувшись, Шмулик заметил неподалеку на широком лугу большой стог сена. Забравшись поглубже в сено, свернулся клубком и уснул.

Его разбудил внезапно хруст над самой головой. Раскрыл глаза. Перед ним лошадь, запряженная в телегу, стоит возле стога и с аппетитом жует у него над ухом пахучее сено. У телеги старый крестьянин возится с колесом.

Шмулик торопливо вскочил на ноги.

— Ох, ох! Ну, и времена настали, — сердито покачал головой старик, глядя, на мальчика, — выгоняют уже и детей на улицу. Не бойся, парень, — успокоил он Шмулика, — я евреев не убиваю. Откуда ты?

Шмулик дрожит всем телом от холода и слабости.

— Издалека я, — с трудом выдавил он.

Старик сиова что-то сердито пробормотал и перекрестился.

— Голодный, небось.

Вытащив из сумки каравай хлеба, разломил его и протянул половину мальчику.

— Дедушка, ты куда едешь? — набрался Шмулик храбрости спросить.

— Далеко, за Свенцяны... Заставили меня возить на своей телеге бревна. Три дня и три ночи гоняли меня, чтоб их земля не носила! — выругался он шепотом.

У Шмулика возникло сильное желание быть снова со своими, с евреями... Ведь Свенцяны недалеко от Вильны, а там семьи Виленских.

— Дедушка, подвезешь меня?

Старик отвернулся.

— Далеко еще до Вильны. Только завтра к вечеру доберемся до большака. Как же я тебя повезу среди бела дня? Боюсь я, запрещено возить евреев...

Шмулик вспомнил про золотую цепочку, которую мать зашила ему в полу пиджака на крайний случай. Быстро оторвав подкладку, он протянул тонкую цепочку деду:

— Дедушка, я заплачу. Я ж не прошу даром.

Старик пристально осмотрел Шмулика. Пожалуй, что вид мальчика удовлетворил его. Он взял цепочку:

— Ладно, залезай в телегу. Ложись в солому, и чтоб у меня ни звука!

Забрезжил рассвет. Старик ехал все утро. Лишь на полчаса остановился в поле отдохнуть, накормить и напоить лошадь. Потом снова двинулся в путь, несмотря на жару. Ехали по разбитым проселочным дорогам. Иногда пересекали шоссе. Попадавшие по пути городки старик облезжал кругом, через села. Несколько раз останавливались у колодца набрать воды. Тогда Шмулик тоже утолял жажду и умывался. Холодная вода освежала и пробуждала надежду в его сердце. Иногда попадались навстречу им подводы. Мужики перебрасывались несколькими словами и двигались дальше. Никто не обращал на него внимания. Из-за его светлых волос в потрепанной одежды все принимали его за деревенского парнишку. Один раз встретились им на дороге немецкие солдаты. Они посмотрели на телегу, на мальчика, лежавшего с видом тяжелобольного на соломе, и поспешно отошли.

Усталая лошадь медленно плелась по дороге. Ритмичное покачивание телеги и скрип колес убаюкивали Шмулика. Старик разбудил его сильным толчком в бок.

— Прыгай с телеги, живей! Попицай!..

Шмулик открыл глаза. По обеим сторонам дороги — густой лес. Навстречу телеге быстро едут два велосипедиста. За плечами у них поблескивают в лучах заходящего солнца ружья.

Шмулик хотел, было, соскочить с телеги, но было уже поздно.

— Стой! Куда?

— Домой, в село Шидловцы, — дрожавшим голосом ответил старик.

— Что у тебя в телеге?

— Ничего нету, ничего... С работы возвращаюсь.

— Где документы? А это кто? — указывает второй полицай на мальчика. — А ну-ка, слазь с телеги!

Полицаи принялись ворошить в подводе солому. Увидев, что они отвлеклись от него, Шмулик перепрыгнул через канаву и бросился в гущу кустов.

— Стой, стой, — кричат полицаи. Пуля прошибла над ухом и вонзилась в ствол сосны. Вслед за ней свистнула еще одна, и еще. Шмулик бежит. Сосновые иглы исцарапали ему лицо. Несколько раз он падал и расшиб себе лоб, но тут же вскакивал на ноги. Наконец он почувствовал, что его силы иссякли. Остановился. Вокруг тишина. Он в самой гуще леса. Ни тропинки, ни малейшего признака человека. Солнце уже давно село, и ночная тьма окутывает все кругом. Ему вдруг вспомнилась мать, как он видел ее в последний раз, сидящей на узелке в углу вагона, у стенки.

— Мама, мамочка... Как же я бросил тебя в беде?

У Шмулика сжалось сердце. Он то оправдывался перед собой, что мать сама велела ему прыгать: авось он останется в живых и поможет ей; то снова его охватывало отчаяние. Он

снова зажмурил глаза, и ему почудилось, будто перед ним стоит мать и подает ему стакан горячего какао и свежую булочку, намазанную маслом. Шмулик протянул руку за стаканом и втянул в себя аромат живительного напитка. Но рука его только беспомощно опустилась и наткнулась на сломанный сук. Шмулик слизнул капельку крови на царапине. Наконец он встал, покачиваясь на слабых ногах, не зная, в какую сторону идти. Он должен найти что-нибудь поесть и попить, иначе ему конец.

Шмулик побрел по лесу без всякой тропинки. Земля была покрыта мхом и прошлогодними гнилыми листьями.

Сколько времени он уже так бродит? Минуты, часы или целый день? Он потерял чувство времени. Лес был полон жизни. Над головой пели птицы; дятел стучал по стволу высокой старой сосны, и эхо вторило ему со всех сторон. По земле ползали черные и рыжие муравьи. Иногда прямо у Шмулика из-под ног высаживал вспугнутый им мелкий зверек, наверно, заяц.

Вдруг он почувствовал, что почва прогибается под ним. Под ногами проступила вода. Деревьев стало меньше, больше густых кустов. Остшая высокая трава, росшая повсюду, проткнула портняки Шмулика и ранила его ноги. Не значе как он забрел уже в болото. Шмулик остановился.

Вдруг его слух уловил чьи-то шаги. Маль-

чик замер на месте. Тихо. Опять шаги. Слышно, как трещат под ногами сухие ветки. Затаив дыхание, Шмулик спрятался в густых кустах.

— Му-у-у,— раздалось мычание коровы раз, второй, и затем грубый окрик:

— Ты куда, скотина, черт тебя побери! Назад, а то расшибу твою дурную башку!..

Из кустов появилась сначала бурая рогатая голова коровы, а вслед за ней нестриженая голова пастуха. Тяжело дыша, он безуспешно старался обогнать корову и завернуть ее обратно.

Радость при виде человеческого существа победила в Шмулике чувство страха. Он вышел из кустарника и стал перед коровой, которая испуганно отпрянула, остановилась и побежала назад.

Только теперь пастух заметил Шмулика. Смерив мальчика взглядом с ног до головы, он прощедил сквозь зубы по-белорусски:

— Ты кто, жидок?

Шмулик ответил не сразу. Вдруг в голове у него мелькнула идея, и он заговорил по-русски:

— Нет, я русский. Отец был военный. Немцы забрали всю семью, а я убежал.

И тут же добавил:

— Голодный я.

Пастух подозрительно оглядел его и сказал:

— Еврей или русский, мне все равно. Многие сейчас бродят по белому свету без хлеба и

кровя над головой. Ох-хо-хо... Времена-то настали, упаси Господь...

Он рукой поманил Шмулика за собой. Привязав к рогам сумасбродной коровы веревку, пастух потащил ее за собой, громко бранясь:

— Ах ты, черт, рогатый! Набралась ума! Люди безобразничают, а скотина у них учится. Эта молодуха тоже завела себе обычай—убегать. Ах ты, тварь поганая.

Шмулик, поколебавшись, поплелся вслед за крестьянином и за его коровой, со страхом прислушиваясь к бранни пастуха.

Вскоре они очутились на поляне, окруженной ивами и густо поросшей травой и папоротником, который доходил Шмулику чуть ли не до пояса. На поляне с аппетитом уплетали свежую траву несколько овец, корова и телка. Старики-пастух подошел ко пню, поднял потрепанную сумку, достал из нее полхлебины и кусок сала, отрезал здоровый ломоть того и другого и протянул Шмулику:

— Ешь, парень!

Шмулик взял протянутую ему еду и начал жадно есть.

Пастух следил за тем, как мальчик жует сало. «С удовольствием ест, без отвращения», — подумал, было, крестьянин и успокоился.

Вдруг жирный кусок застрял в сухом горле Шмулика. Пастух, следивший все время за выражением лица мальчика, заметил:

— Хоть и голодный ты, еврей, а все же салом брезгаешь.

— Пить хочу, где тут вода?

Пастух опять глянул на бледное лицо мальчика. Поколебавшись секунду, велел идти за ним. Подойдя к щиплющей траву корове, приказал: «А ну-ка, нагнись». Затем сам подогнулся колени, залез корове под брюхо и потянул за полные сосцы. Тонкая струйка теплого молока брызнула на траву. Шмулик не стал дожидаться особого приглашения; засунув голову корове под брюхо, принял глотать живительный напиток. Утолив жажду, он опять принялся за хлеб с салом.

— Куда ж ты идешь? — спросил его пастух.

— Не знаю. Нет у меня дома.

— А прежде где был?

— Бродил по селам.

— Чего же дома не остался?

— Немцы пришли в деревню, русских искали. Когда мать забрали, я убежал.

— Нынче ночью где спал?

— В лесу, под деревом.

— А хромаешь почему?

— Споткнулся в темноте о пень.

Пастух замолчал. Видно было, что он что-то взвешивает в уме. Потом встал, собрал свое миенькое стадо, повернулся к Шмулику и сказал, указывая рукой:

— Я живу там, на краю деревни. Мой дом с краю. Ночью можешь прийти переспать.

Он щелкнул в воздухе кнутом и, перевалившись, погнал стадо вперед. Вскоре пастух и стадо скрылись за деревьями.

Шмулик, стоя на месте, провожал взглядом серую фигуру пастуха. Вдруг надумав что-то, он двинулся вслед за стадом, не спуская глаз с пастуха.

Примерно полчаса они шли так между деревьев и зарослей кустарника. Пастух спешил, и Шмулик с трудом поспевал за ним, стараясь не упустить его из виду.

Постепенно лес начал редеть. Лучи солнца ярче освещали все вокруг. Шмулик понял, что они приближаются к опушке. Неожиданно его глазам открылся широкий луг. За лугом колыхалось на ветру поле ржи, а дальше там и сям виднелись крестьянские избы, разбросанные по зеленой равнине. Пастух погнал стадо через луг, обогнул поле и скрылся в первом дворе.

Шмулик вернулся в лес, забрался в кусты, растянулся на прошлогодней листве под темным ясенем и погрузился в грустное раздумье.

Острый укол в локоть заставил Шмулика вздрогнуть. Он засучил рукав и нашел на руке несколько рыжих муравьев. Он раздавил их и стряхнул на землю. Огляделся по сторонам и обнаружил муравейник. Шмулик уселся на камне и принял с большим интересом следить за муравьями. Вот крохотный муравей тащит соломину или стебелек во много раз больше себя. А тут несколько муравьев стараются сдви-

шуть с места шарик овечьего помета, который, шаферняка, кажется им большим сокровищем. Видя, что все их старания ни к чему не приводят, Шмулик взял палочку и подтолкнул это сокровище к муравейнику. Моментально множество муравьев окружили его со всех сторон.

«Лучше быть муравьем, чем евреем, — подумал Шмулик. — У муравьев есть дом, они знают, что делать, а что я буду делать завтра и послезавтра?»

Но день был так хороший, запах леса так пьянящий и ощущение сытости так приятно, что Шмулик отогнал от себя грустные мысли.

Солнце уже садилось. Вечерний туман окутывал лес, одна тень поглощала другую, и вскоре все погрузилось в темноту.

Осторожно оглядываясь по сторонам, пересек Шмулик луг и поле и свернулся ко двору, в котором исчез пастух со своим стадом. Перед мальчиком был плетень и в нем узкая калитка. Рядом стояли два больших строения и одно маленькое, вроде избушки-хибары. Он вошел в первый дом. Это оказалась бревенчатая, почерневшая от дождей и снега конюшня. Широкие двери были распахнуты настежь. В нос ударили запах навоза и свежего сена. Шмулик проскользнул через калитку во двор. Услышав лай собаки, остановился, сжал покрепче палку и вошел внутрь.

Его встретило лошадиное ржание.

— Кто там? — услышал он знакомый голос.

В темноте конюшни Шмулик разглядел двух лошадей и рядом с ними человеческую фигуру.

— То я, Васька!

— Что за Васька?

Человек подошел поближе.

— А, это ты? Ночевать пришел? Ладно. Лезь на сено, — ткнул мужик в глубь конюшни и добавил:

— Небось проголодался? Один раз поесть—надолго не хватит, особенно молодым, как ты, у которых брюхо работает лучше головы. Ступай в хату, там тебе дадут пожрать.

Он указал мальчику на избу в дальнем конце двора, в окнах которой мигал слабый свет. Но Шмулик не двинулся с места.

— Иди, чего стоишь? Нет там немцев, только моя старуха. Мне нужно лошадям корму дать.

— Ничего, я подожду.

— Молодой, а упрямый, — пробормотал мужик. — Ну, как хочешь.

Закончив работу, мужик вышел из конюшни. Шмулик последовал за ним к избе.

Опять раздался лай, и навстречу им выскочило черное существо, повело носом и оскалило зубы перед Шмуликом.

— Тихо, Цыган, тихо это свой.

Хозяин погладил собаку по спине и повернулся к мальчику:

— Не бойся, Цыган тебе ничего не сделает. Он тоже немцев не любит.

Они вошли в темные сени. Шмулик споткнулся о высокий порог и едва не упал. Хозяин толкнул тяжелую деревянную дверь, вошел внутрь, а мальчик за ним. При тусклом свете лучины, воткнутой в щель в стене, Шмулик заметил сначала только длинный стол и две скамьи по бокам. У печи, спиной к вошедшим, возилась женщина.

— Клава, добавь-ка картошки, — обратился к ней старик, — я гостя привел.

Женщина была маленького роста, худенькая, и когда она повернула к ним голову, Шмулик увидел изрезанное морщинами лицо и седые волосы, выбившиеся из-под платка.

Старуха внимательно оглядела мальчика. Изо рта у нее торчали два больших желтых зуба, которые расширяли ей рот и придавали ее лицу насмешливое выражение.

Не проронив ни слова, она взяла из угла за печкой ухват, подцепила им черный чугунок и ловко вытащила его из горячей печи. Затем накрыла чугунок крышкой, придерживая ее тряпкой, наклонила чугунок над деревянным ушатом и сцедила из него воду. Через несколько минут на столе стояла большая глиняная миска, полная дымящей картошки.

Старуха поставила на стол вторую глиняную миску с простоквашей, положила несколько деревянных ложек, нож с деревянной ручкой и полбуханки черного хлеба.

— Садись, парень, к столу, — позвал хозяин

Шмулика, — бери ложку и хлебай из миски. Мы не городские, привыкли есть сообща, из одной миски, как ели наши отцы и деды.

— Брось, Афанас, сейчас и в деревнях едят из фаянсовых тарелок и блестящими ложками, — оборвала его жена.

— Едят, да... из тарелок... Не к добру эти фаянсовые тарелки да блестящие ложки. Не к добру, — задумчиво повторил старик. — Кто жиреет и пожирает; а кто кипучие слезы глотает... Хлебай, парень, не стесняйся, ешь, что Бог послал.

— Послал тебе Бог, как же, — проворчала старуха. Сердитый голос ее странно не соответствовал насмешливому выражению лица.

— Не грехи, жена, война ведь.

— Да, война! Одному горе, а другому мопша полна, — не унималась старуха.

— Права моя баба, ей Богу, права, — усмехнулся Афанас, громко хлебая простоквашу. — Жили себе люди спокойно на своей земле, пахали, жали... и вдруг набросились на них, как дикие волки... Грабят, убивают, из домов изгоняют. Война им нужна, провались они пропадом!

— Немцы во всем виноваты, они на нас напали, — попытался было Шмулик вставить свое слово.

— Немцы... Только красные еще до них успели. Зачем сюда пришли? Кто их звал? — сердито закричала старуха.

— Сердита моя баба на русских, — объяснил Афанас, чуть улыбаясь. — Сын у нас был, в армию его забрали. Ушел, и с тех пор ни слуху, ни духу. Кто знает, жив ли еще?

— Один он был у меня, Ванька-то, и того забрали, — всхлипнула старуха.

— А ведь и поляки забирали в армию, дурная баба, — попытался урезонить ее стариk. — Да и не только в армию. Каждый клочок хорошей земли осадники* себе забирали, а нам что оставили? Одни пески и болота.

— А русские хлеб не забирали? — стояла на своем старуха, как будто не слыша последних слов мужа.

— Эх, что там говорить! Любая власть берет. Берут у всех, а пользуются немногие. Но эти просто псы бешеные.

— Тише ты.

Женщина подозрительно глянула на Шмулика.

— Чего тут молчать? Всякая власть забирает. Так уж мир построен, что поделаешь... Мужик должен подчиняться и делать свое дело. Нечего нам мешаться в политику. Только этим антихристам одних мужчин мало, им еще баб подавай.

Тут старуха расплакалась и запричитала, раскачиваясь взад и вперед:

* Осадники — польские колонисты в Западной Белоруссии и на Украине, пользовавшиеся при польской власти особыми привилегиями.

— Надька моя, доченька... Куда заташили тебя, голубку мою? Куда закатились твои молодые косточки?

— Пришли эти, гори они огнем, и угнали дочку в Германию, — объяснил старик. — На работу будто забрали... Ах — махнул рукой, — чего говорить. Этих ничем не насытишь. Налетают вдруг, шарят по всем углам, только и вынюхивают, что бы еще забрать. Не раз уж приходилось прятаться от них с последними овцами и скотиной в лесу. Так к старухе моей цепляются: дай им яиц, масло... Жрут да лакают, пропади они!

Старик со злостью плюнул в сторону дверей.

— Что проку говорить-то? Только переливать из пустого в порожнее. Не могу я тебя оставить в хате, хлопец. Еще приплетется кто ночью. Не бойся, — добавил он, видя, что Шмулик с опаской косится на пса, который тихо сидел под столом, положив голову хозяину на колени. — Только уходи до зари, чтобы чужой кто не заметил.

Шмулик поблагодорил хозяев и вышел. В конюшне он забрался на сеновал и тут же погрузился в глубокий сон.

— Эй, вставай, хватит дрыхнуть! — потряс кто-то Шмулика за плечо. — Вставай, вот-вот рассветет, уходить тебе пора.

Сон мигом слетел со Шмулика. Он соскочил с сена на землю. Перед ним стоял хозяин, дер-

жа в руках бутылку молока и полбуханки хлеба.

— Бери да уходи, — протянул он мальчику еду.

Шмулик взял подарок, поблагодарил и той же дорогой, которой пришел, вернулся в лес.

Прошло два дня. От хлеба, который старик дал Шмулику, ничего не осталось. Голод грыз пустой желудок. И как назло, день и ночь шел проливной дождь. Шмулик пробовал спрятаться под деревом, но дождь проникал сквозь ветки, и мальчик промок до мозга костей. Правда, жажды он не испытывал, но зато мучил голод. Мальчик попробовал жевать листья щавеля, нашел под деревьями немного сморщеных ягод. Но все это только усилило муки голода. Дрожа от холода, измученный, стоял он под елью и чувствовал, что его покидают последние силы. «Что со мной будет? Надо во что бы то ни стало добыть еды». И он отправился в деревню.

Сумерки. Крестьяне заняты последними приготовлениями к ночи, хозяйки готовят ужин.

Топая по грязи и лужам, Шмулик перебрался через луг, превратившийся в настоящее болото, и добрался до деревни. Он не осмелился идти опять к Афанасу просить хлеба и решил зайти во второй двор.

Но уже подходя к плетню, он услышал крики, женский плач и грубый мужской смех. Шмулик отпрянул и спрятался за амбаром. Оттуда он увидел, как из хлева со смехом вышли два

немецких солдата, таща за уши свинью. Та визжала на весь двор. За ними, ломая руки и громко плача, бежала женщина. А мужчина, одетый наполовину по-городскому, наполовину по-деревенски, пытался угомонить ее.

Шмулик так испугался при виде немцев, что позабыл про свой голод, и, еле переводя дух, ползком добрался до поля и спрятался там среди высоких колосьев. Немцы оттащили свинью в сторону, закололи ее и бросили на телегу, запряженную парой лошадей. Сопровождавший их мужчина вскочил за ними на подводу, взмахнул кнутом, и телега, разбрызгивая воду и грязь, скрылась вдали.

Шмулик подождал, пока стихли голоса на хуторе и все окуталаическая тьма. Собрав остаток сил, он дотащился до двора Афанаса и вошел в конюшню, но та оказалась пуста. Не долго думая, он направился к избе. Тихонько подошел к дому — дверь закрыта, изнутри не доносится ни звука. Он вспомнил, что в другом конце сеней есть еще дверь. Потянул за ручку. Едва вошел, как в нос ударили резкий запас навоза. Это был не то сарай, не то хлев, но кроме навоза и соломы он ничего не нашел. Наверно, хозяева со страху перед немцами убрались вместе со стадом.

Шмулик принял шарить в сенях и во дворе. В углу возле двери, ведущей в сарай, он нашел чугунок и в нем вареную нечищенную картошку. Он торопливо стал набивать рот и гло-

тать картошку прямо с шелухой. Наелся, набил карманы и уже собрался уходить, как вдруг услышал шаги. У него замерло сердце: что если сейчас войдут хозяева? Сочтут его за вора!

Поспешно выскочив из сеней, Шмулик попытался спрятаться позади дома, но не успел. Приближавшийся к дому человек вскрикнул и замер на месте. Шмулик узнал хозяйку. Торопливо подойдя к ней, он прошептал:

— Не бойся, это я, Васька.

Женщина успокоилась, перевела дух и начала сердито:

— Что ты тут делаешь? Зачем пришел ночью?

— Пришел еды попросить, голодный я очень.

— Голодный, голодный! Будто мы обязаны кормить всех бродяг. Подашь им раз другой, и уже прицепятся, что спасу от них нет. Убирайся отсюда живей, а то...

Она вошла в сени и захлопнула за собой дверь.

Шмулик постоял немного, ошеломленный таким приемом, затем повернулся идти. Вдруг открылось окно, и он услышал сдавленный оклик:

— Васька, Васька, ходь сюда!

Он подошел, и старуха протянула ему кусок хлеба.

— Бери и уходи скорей. Иди в лес, немцы шастают кругом. Смотри мне, сюда больше не лазь! — и она поспешила захлопнуть окно.

Опять прошли сутки. Дождь перестал, небо прояснилось. Шмулик высушил промокшую одежду и отогрелся на солнце. Хлеб кончился. Прошлой ночью он попытался зайти в несколько домов в деревне и попросил поесть. Из одного дома вообще не отозвались. В другом приоткрылось окошко, высунулась рука и бросила черствый ломоть хлеба и несколько картошек. Окошко тут же закрылось, и Шмулик остался снаружи — подбирать из грязи скучное подаяние. «Так дальше нельзя, — решил он. — Надо искать работу и постоянное место».

Он решил отыскать Афанаса и поговорить с ним. Усталый, без еды и питья, бродил Шмулик целый день по лесу. Наконец, он услышал вдали мычание коровы.

Пошел на голос и вскоре заметил в кустах черную корову — ту самую, молоком которой его угождал пастух при первой встрече. Афанас сидел на пеньке и курил трубку. Шмулик подошел к нему и хотел, было, поздороваться, не язык его не поворачивался. С минуту молча смотрели друг на друга. Затем Афанас спросил:

— Ты все еще тут бродишь?

— Некуда мне идти.

— Отчего тебе не пойти в какую-нибудь деревню?

— Может, вы, дяденька, возьмете меня? — набрался Шмулик смелости. — Я не хочу даром хлеб есть. Я уже большой, умею работать.

Прищурившись, Афанас смерил его взглядом, будто оценивая.

— А что ты умеешь делать?

— Стадо могу пасти.

— Гм... да... верно, нужен мне пастух. И так уже запоздал с сенокосом. Да и жатва под носом.

— Хозяин, я буду пасти ваше стадо, а вы можете заняться хозяйством. Я много не прошу — только ночлег да покушать. И ем я мало. Ломоть хлеба и немного картошки мне хватит. Да и хозяйке стану помогать: воду таскать, дрова рубить. Даже картошку чистить.

Старик с усмешкой посмотрел на него, пыхнул трубкой и сказал:

— Посмотрим. Приходи вечером во двор.

Так Шмулик поселился у Афанаса. Спал он в конюшне, каждое утро хозяйка будила его, вручала ему холщевую сумку с хлебом, сыром, а иногда с куском мяса или сала и отправляла на пастбище.

Иногда, когда доходили слухи, что немцы забирают у крестьян скот, Шмулик оставался в лесу на всю ночь. С помощью Афанаса он соорудил себе из ветвей шалаш и жил в нем. Коровы и овцы паслись себе или лежали на полянке, а Шмулик забирался в свой шалаш и погружался в раздумье.

Старуха Клава встретила Шмулика вначале недружелюбно. Но он быстро сумел завоевать ее расположение. Каждый раз, когда он видел,

что она тащит тяжелую сумку или ведро, он забирал у нее груз. Носил ей воду из колодца и даже подметал дом и двор. Возвращаясь из лесу, притаскивал с собой сухого хворосту для растопки. В конце концов старуха полюбила его за усердие и скромность и тоже начала заботиться о нем. Латала ему штаны, стирала рубаху, на воскресенье давала ему чистую одежду.

По субботам старики топили баню. Это было старое деревянное строение позади конюшни, на берегу ручья. В белорусских селах почти в каждом дворе была построена такая семейная баня. В тех деревнях, где избы стояли одна возле другой, а не были разбросаны хуторами, принято было каждую субботу топить баню в ином дворе и приглашать соседей к себе попариться. Были установленные часы для женщин и для мужчин. В бане установлена особого типа низенькая глянцевая печь. Внизу в отверстии горели дрова, а сверху на печь накладывали булыжник, в баке грелась вода. Посреди бани ставили бочку с холодной водой. Вдоль стен установлены лесенкой длинные полки.

Любитель попариться время от времени набирает кружку воды и окатывает ею раскаленные булыжники на печи. Все помещение моментально наполняется паром. Растигнувшись на полках, мужики хлещут себя по телу свежими березовыми вениками. В густом пару обнаженные фигуры кажутся привидениями. В бане

душно, разгоряченные тела истекают потом. Время от времени кто-нибудь выскакивает наружу и погружает свое пышущее жаром тело в холодную воду ручья.

Банный день был праздником не только для детей, но и для взрослых. Десять — двенадцать человек собирались в одной бане, терли друг другу спины, до красноты хлестались вениками и постанывали от удовольствия:

— Ох... ох... ох... Вот так! Сильней хлещи, не бойся! Чтобы все хвори вышли!

В субботу Афанас затопил баню и позвал Шмулика мыться.

— Идем, Васька, помоемся к воскресенью.

Но мальчик отрянулся и покраснел.

— Я потом, — пробормотал он, — не привык я на людях раздеваться.

Афанас глянул на него, усмехнулся, взял полотенце и потянул парнишку за рукав.

— Идем, не дури! Не старая дева ты, чтобы тела своего стесняться.

В бане старик живо, как молодой парень, разделся, плеснул воды на раскаленные булыжники и начал, посмеиваясь в усы, тереться мочалкой...

Шмулик медленно развязывал шнурки ботинок, и сердце его дрожало от страха.

— Что будет, когда хозяин узнает, что я еврей?

Вдруг Афанас подошел к нему, посмотрел ему в глаза и сказал:

— Не трусь, парень. Раздевайся живей. Знаю я, что ты еврей. Старого Афанаса не прорвешь. Многое я на свете повидал, не один год имел дело с евреями. Не бойся, никому не скажу, даже старухе своей. Глянь, ни одного соседа не позвал я мыться. Мне все равно: еврей, русский, поляк... Все люди, все жить хотят.

Шмулик не мог вымолвить ни слова, только глаза его налились слезами.

— Бери веник, — сказал старик мальчику, когда тот разделся, — и хлещи хорошенько меня по спине. И хозяин растянулся на полке.

— Так, так... Сильней. Ты ж мужик, а не баба. Теперь ты ложись, я тебе спину потру.

Шмулик чувствовал, что кожа у него на спине вот-вот лопнет, так она натянулась и вся горела от жара бани. Не в силах больше выдержать обжигающий пар, выскочил он через дверь наружу.

Мужик расхохотался во весь голос.

— Ха, ха, ха... Ну и русский же из тебя! Бог с тобой! Сразу видать, что жидок. Разве это пар? Пока семь потов не сойдет, баня не баня!

Когда Шмулик вернулся, старик уже лежал на самой верхней полке. Пар там был такой густой, что Афанаса почти не было видно.

Шли дни, недели, месяцы. Шмулик привык к своему новому дому, к работе. Он хорошо чувствовал себя в уединенном хуторе, в семье стариков, относившихся к нему как к родному.

Когда обносилась его одежда, Клава сшила ему новую из штанов сына. В белой льняной рубахе, босиком, Шмулик-Васька выглядел как настоящий деревенский пастух. Даже речь его изменилась. Он быстро усвоил местный деревенский говор.

Постепенно узнал он и соседей, в особенностях их детей. Те, что помоложе, тоже пасли в лесу скот. С одним из них, Ванькой, у которого были светлые, как лен, волосы и глаза с косинкой, он подружился.

Дело было так. Однажды, когда Шмулик гнал стадо домой, услышал он чьи-то вопли. Подойдя ближе, увидел, что Ванька лежит на земле, а Сашка, парень постарше того и сильнее, сидит на нем верхом и мутузит его кулаками по голове, лицу, плечам. У Ваньки из носа текла кровь, но Сашка продолжал его лупить. Ванька извивался и вопил от боли, но никак не мог вырваться.

При виде крови, текущей из носа мальчика, Шмулик вскипал. Не долго думая, подлетел он к обидчику и одним ударом кулака свалил его на землю. Сашка хотел было напасть на него, но Шмулик стоял перед ним, сжав кулаки, с глазами, горящими гневом.

— Попробуй, подойди, гад! Напал на маленького, да? Все зубы тебе выбью! Глянь, что ты ему наделал!

Сашка опустил голову и отошел, громко бранясь. Но Ванька продолжал всхлипывать.

— Брось пищать, как баба! — прикрикнул на него Шмулик.

Ванька тут же послушался и замолчал.

— Ты сильный, побил Сашку, — заговорил он, — а меня зовут Ванька, я живу вон там, — он показал на хутор по соседству, с домом, окруженным вишнями и раскидистыми липами.

— Я знаю, где ты живешь, — быстро добавил Ванька. — А где твои родители?

— Нет у меня родителей, — вырвалось у Шмулика, и перед его глазами встал образ матери. Тут у него вдруг перехватило в горле, захотелось побить одному. Повернувшись к Ваньке спиной, он зашагал в лес.

Ванька удивился: что это с ним? Наверно он своими словами как-то задел своего спасителя. Ему стало неловко. Догнав Ваську, он обнял его за плечи и тихо сказал:

— Не сердись, Васек, я же ничего не сказал. Хочешь, будем друзьями? Знаешь, у меня нет больше брата. Старшего брата на войне убили. Ты мне будешь заместо брата, хочешь?

Шмулик посмотрел Ваньке в лицо. Тот отвел взгляд.

— Хочешь, будем как братья? Возьми это на память.

И прежде, чем Шмулик успел ответить, Ванька снял со своей шеи медную цепочку, на которой висел жестяной медальон с изображением Богородицы и надел ее другу на шею.

— Нет, нет, не надо это, — запротестовал Шмулик.

— Бери, бери, не стесняйся. Это в знак дружбы. Нельзя иначе. Она особенная, из беды выручит. Слушай: когда русские отступали через нашу деревню, был тут у дороги страшный бой. Что тут творилось — Боже упаси! Видел за гумном обгоревшие деревья? Немцы так палили, что все стекла в деревне повылетели. Мы все из хат убежали, попрятались, полумертвые, в хлевах да в канавах. Я лежал рядом с братом. Когда перестали стрелять, поднял голову, а брат рядом мертвый лежит. Вот как это было. А я, знаешь, как спасся? Все время держался рукой за эту иконку и молился. Не веришь? Ей Богу!

— Коли так, зачем же ты ее мне отдаешь?

— Потому что у тебя нет ни отца, ни матери. Некому защитить тебя. И я хочу, чтобы мы стали как братья.

Шмулик ничего не ответил, только спрятал подарок под рубашку.

Так Васька и Ванька стали друзьями. Вместе пасли в лесу скотину, вместе возвращались домой. По ночам жгли костер. Шмулик собирая хворост, а Ванька приносил картошку. Печеная картошка вкусна, вкуснее даже сладкого пирога, который бабка Клава пекла на «День всех святых».

Иногда к друзьям присоединялись и другие ребята из деревни. Шмулик привык к этой

жизни и свободно разгуливал по деревне, на-
вещая своих товарищей-пастухов.

По праздникам крестьяне приглашали его в дом, угощали куском мяса или жирными блинами.

— Бедный сирота. Хорошо, что Афанас с бабкой приютили его в своей хате, — жалостно покачивали головой бабы.

Однако по праздникам и воскресеньям мальчик грустил. Во время предпраздничной уборки во дворе, когда хозяева готовились ехать в церковь, его охватывало чувство отчужденности и одиночества. Он вспоминал субботы в родительском доме, свечи в серебряных подсвечниках, белоснежную скатерть на столе и две плетеные жалы. Правда, родители Шмулика не были особенно набожными, но хранили традицию. Мать следила, чтобы еда была кошерная, а отец по праздникам брал с собой сына в синагогу. Теперь же Шмулик жил без календаря и не знал, когда выпадают еврейские праздники.

Хозяева не принуждали его ехать с ними в церковь. Напротив, они были рады, что паренек отказывается от такого удовольствия — поездки в город — и остается дома приглядывать за хозяйством. Иногда, правда, старуха возражала, говоря, что грех оставлять Ваську дома: ведь он русский, и нужно его приобщить к Богу. Но Афанас в ответ лишь смеялся:

— От, дура-баба, не знаешь, что ли, что у молодежи глаза к сатане, а не к Богу поверну-

ты? Не нам с тобой переделывать мир.

Но Клава стояла на своем. В конце концов Афанас остался дома, а его место на козлах занял Васька. Афанас сдержал слово и как будто забыл Васькину тайну.

Быстро пролетели жаркие летние дни, подобно тому, как слетают осенью листья с лип и каштанов. Закончилась жатва, опустели поля. Васька с товарищами выгоняют теперь овец на желтую стерню. Коровы пасутся на опушке леса. По утрам пастухов встречают свинцово-серые тучи, и стаи перелетных птиц несутся над головами. Холодный осенний ветер гонит по полу опавшие листья. В промежутках между дождями небо проясняется. Васька любит в такие часы бродить по лесу среди деревьев, собирать опавшие листья и накалывать их на шнурок по цвету: желтые, оранжевые, красные.

Иногда Ванька сопровождает его в прогулках по лесу. Ванька отлично разбирался в лесных букашках, жуках. А каждую птицу он узнавал по голосу и умел находить птичьи гнезда и лисьи норы. Всему этому Ванька научился у своего деда Кароля. Хотя дед очень уж был стар, но во рту его сохранились все зубы, и он ельшил каждый шорох в лесу. Только глаза его немного ослабли. Старик Кароль говорил, что зрение его испортилось не из-за старости, упаси Боже, а из-за войны. Он служил когда-то солдатом в николаевской армии и любил рассказывать о своих походах.

— Тогда парни были как дубы, а теперь что? Бабы, не солдаты! — и Кароль презрительно сплевывал в сторону. Рассказывали про него, про старого Кароля, будто в молодости он пошел как-то в ночь Ивана Купалы в лес искаль папоротников цвет. Что с ним в ту ночь произошло, никто не знает. Сам Кароль об этом не говорит и очень сердится, если его спрашивают. Известно только, что на рассвете нашли его крестьяне в лесу, лежащим без памяти.

Всякий раз как только разносился слух, что идут немцы забирать коров и овец, скотину выгоняли на ночь в лес. Иногда гнали в лес и лошадей, чтобы те отдохнули от тяжелого труда.

Кароль любил отправляться по ночам в лес вместе с мальчишками. Всегда, даже в жару, он носил короткий овчинный полушубок, меховую шапку, за плечом — большая пастушья сумка, а в руке палка. Ходил он широким шагом, так что ребята с трудом поспевали за ним. В лесу первым делом разжигали костер. Кароль знал, как разжечь костер и поддержать огонь даже в дождливые дни. Усевшись на куче валежника, он принимался рассказывать мальчишкам о былых временах.

— Ну, что вы знаете? — обращался он к Ваське. — Нет теперь ни мужиков, ни солдат. Чуть дождик капнет на нос, уже охают, стонут и бегут к дохтуру, — Кароль презрительно кривил рот. — В наше время, если у кого голова

огнем горит и тело в жару бросает, опрокидывал в глотку четвертинку водки и ложился на печь. Семь потов с него сойдет, наутро встанет и уж тащит на спине десять пудов.

— А вот было раз, — рассказывает старик, суща над костром мокрые портянки. — Стояли мы тогда на Кавказе, и началась в полку болезнь. Странная какая-то зараза была. Человек вдруг бледнеет, на рту пена выступает, как у бешеного пса, и он кричит, кулаками бьет, и крышка ему. Один заболел, второй, третий, десятый... Всполошились все, позвали врачей. Не знают. Может, бешеная собака покусала? Так нет же собак в округе, ни пса, ни щенка. Оставили мы дохтуров, пошли по деревням знахаря искать — может он средство знает. И вот приволокли к нам тамошние мужики старика. Спрашивали его, спрашивали, уговаривали-уговаривали, да не хочет рассказать. Как пригрозили розгами, так и открыл рот. Сказал, что на вершине горы есть такое растение — корень у него на человека похож. Найти нужно тот корешок, отварить и отваром больных напоить, и болезнь как рукой снимет. Сразу командир послал пятерых искать тот корень. Искали они, искали, и вернулись через несколько дней с пустыми руками.

Встал я тогда и говорю: «Пошлите меня!» Три дня и три ночи лазил я по горе, между скал и в ущельях искал, и нашел его. Трудно было вытащить корень, легче дом с места сдвинуть.

Ну, вытащил я его, стряхнул землю и обомлел: господи Боже, прямо настоящий человек! Голова есть, и руки, и ноги! Принес я его в полк, старик отварил его в воде, напоил отваром больных — им полегчало. Генерал-то самолично мне руку пожал. А тогда генерал не то, что нынче. Разве это генералы?! Так, ни то ни се. В мое время, когда генерал проходил мимо, то глаза слепли от блеска. Золотые погоны, звезды, шнуры, ленты — красота! А теперь?.. Плевка и то жалко — и старик в сердцах подбросил в огонь несколько сухих хворостин.

Васька любил сидеть поближе к костру и слушать Каролевы рассказы. Похоже было, что и он полюбился старику.

Изо дня в день все холоднее. Солнце все реже выглядывало из-за туч. Васька, босой и легко одетый, дрожал от холода. С завистью поглядывал он на Ваньку, одетого в шинель, которая досталась ему в наследство от польского солдата, и обутого в большие сапоги. Правда, старая Клава дала ему, Ваське, распоротый с одного боку мешок, чтобы укрываться от дождя, но согреть этот мешок не мог. Спасал его костер деда Кароля. Большой частью Васька стоял под деревом, несчастный и сиротливый, и вода стекала с него струйкой. Теперь чаще вспоминал он мать, соседей по двору, знакомых. От пастухов он не раз слышал о том, что происходило в соседнем городке: о составе с запертыми в вагоне людьми, который как-то проезжал мимо и из

его вагонов доносились крики и вопли; о еврее, который попался по дороге крестьянину, а тот стащил с еврея ботинки и выдал его немцам. Иногда он и сам начинал верить своей выдумке, будто он русский, приехавший сюда с семьей, вместе с советской властью. Внутри у него, казалось, все застыло. Раньше он желал лишь прожить нынешний день, не вспоминать прошлое и не думать о будущем. Теперь же Васька чувствовал, что в нем пробуждается Шмулик и причиняет ему боль все больше и больше. Вопрос «что же будет дальше?» не давал ему покоя днем и отгонял сон по ночам.

ВАСЬКА ЗНАКОМИТСЯ С ПАРТИЗАНАМИ

Однажды утром, когда Васька проснулся, он увидел сверкающий белоснежным покровом мир. Васька вскочил и подбежал к окну. Двор был весь белый и чистый. Нога человека еще не коснулась белизны. А снег сыпал и сыпал.

Васька обмотал ноги портянками, которые высохли возле печи, засунул ноги в деревяшки, которые смастерили ему Афанас, и выскочил во двор. Только теперь он заметил, что постель хозяина пуста. Неужели старик опередил его? Не может быть... В последнее время Афанас вставал поздно. У него побаливала спина. По утрам он любил поваляться в постели, понежить немногого старые кости.

Руки Васьки коснулся холодный и мокрый нос Цыгана. Собака уже привыкла к нему и сопровождала его, куда бы он ни шел.

— Цыган, где хозяин, а? — спросил пса Васька, гладя его по черной спине.

Пес заворчал, вильнул хвостом и посмотрел в лицо мальчика своими умными глазами.

— Не знаешь, Цыган, сам тревожишься, верно? — продолжал Васька разговор с собакой.

Вдруг пес радостно залаял, рванулся и побежал к лесу. Приставив ладонь козырьком ко лбу, Васька всмотрелся и увидел на дороге, ведущей из леса к деревне, приближающуюся фигуру. Он сразу узнал в ней Афанаса в его овчинном тулупе. Снег блестел у него на волосах, выбивавшихся из-под меховой шапки, на усах и бороде. Хозяин вошел во двор, увидел Ваську и остановился. Мальчик понял, что Афанас недоволен этой встречей.

— Ты чего тут? — сердито прикрикнул он на мальчика. — Кой черт тебя на двор понесло.

Ворча, стряхнул с шапки и тулупа снег и вошел в дом. Показав Ваське знаком, чтобы тот молчал, Афанас быстро разделся и забрался в постель. Васька удивился, но не решился ни о чем спрашивать.

— Васька, эй, Васька! — услышал он Ванькин голос. — Выдь ко мне за сарай.

— Сейчас, погоди чуток.

Васька быстро закончил работу, сгреб в сторону навоз, рассыпал возле коров свежую солому и вышел. Ванька ждал его у плетня.

— Иди сюда, есть что рассказать. Я ночью партизан видел.

— Партизан?

Блестящие, горящие любопытством и волнением глаза Васьки устремились на друга.

— Настоящих партизан? Взаправду?

— Правда, правда, ей Богу... С винтовками и красными звездочками на шапках.

— Где видел?

— Приходили ночью к нам на двор. Деда подняли. Только под утро вернулся, ругается почем зря. Говорят, прошлой ночью партизаны были на хуторе Феофила, забрали у него свинью и овцу.

— Да разве партизаны грабят?

— Дед Кароль говорит: что немцы, то они — и те берут, и эти. Только я думаю, что это не так.

— Почему? — спросил Васька.

— Потому что немцы чужие, враги, а партизаны свои, по-русски говорят.

— То-то и оно, партизаны же в лесу живут, и если сами не возьмут, кто им поесть даст?

Весь тот день Васька ходил как очумелый. Значит верно, поблизости есть партизаны. Летом он много слышал о них. Не раз мужики разговаривали между собой об операциях, проведенных поблизости партизанами: о поезде,

шедшем к Минску на фронт, который они пустили под откос; о том, как они отомстили мужику, сын которого служил в полиции... Обо всех этих случаях рассказывали потихоньку, на ухо, иногда со страхом, иногда с уважением. Васька знал, что партизаны — враги немцев и борются против них по эту сторону линии фронта. Есть, стало быть, люди, которые не боятся немцев, которые ходят свободно с оружием в руках. И они живут в лесу, в том самом лесу, где он чувствовал себя таким одиноким и заброшенным. Как ему хотелось увидеть своими глазами этих удивительных партизан!

Иногда ему казалось, что это просто сказки, которые крестьяне рассказывают длинными зимними вечерами или летом в ночном, просто так, от скуки. Но ведь Ванька и вправду видел их! Значит, они действительно существуют!

— Ванька — зашептал Шмулик на ухо другу, и лицо у него вспыхнуло, — где их можно увидеть?

Ванька пожал плечами и ответил с важным видом:

— Это страшный секрет.

Ему льстило, что Васька, который защищал его своими кулаками от ребят посильнее, и даже умеет читать и писать, теперь обращается к нему за советом.

— Как, как их найти? — не отставал от него Васька. — Скажи, ведь ты же поклялся,

мне, что мы друзья, что мы как братья.

— Тихо, нельзя об этом говорить. И у плетня есть уши! Дед Кароль страшно сердится, когда их поминают; и вообще лучше не болтать, — добавил Ванька и заскользил по снегу назад к дому.

Одно стремление было теперь у Васьки: увидеться с партизанами, с глаз на глаз, и поговорить с ними. Партизаны грезились ему днем и ночью. Иногда, когда он, стоя за сараем возле плетня, вглядывался в заснеженные поля и в дорогу, ведущую в лес, ему казалось, что среди черных деревьев поблескивают на солнце ружья партизан. Бывало, он просыпался ночью, торопливо одевался и выходил на дорогу: авось повезет и как раз проедут партизаны.

Иногда он приходил в отчаяние: ведь он еще мал, партизаны и внимания на него не обратят.

Работы на дворе давно закончились. Уже и стадо перестали выгонять. Шмулик ходит с Афанасом в лес, вдвоем они рубят деревья, пилят их, грузят дрова на сани и везут в город на продажу. Васька редко сопровождал Афанаса в его поездках в город. Обычно он возвращался домой, а хозяин продолжал путь один. Когда они забирались в глубь леса — рубить деревья крестьянам запрещалось, — в Васькином сердце пробуждалась надежда: авось на этот раз повезет? Но в лесу не было ни души,

только удары их топоров гулко разносились вокруг.

— Васька, Васька, вставай, вставай же!

Мальчик почувствовал, что чья-то рука трясет его за плечо. Открыл глаза: перед ним стоит хозяин, тулуп накинут поверх нижнего белья, видно, только что встал с лежанки.

— Пришел в толк, аль еще спишь? — насмешливо спросил Афанас. — Можно с тобой говорил-то?

Васька смолчал, лишь удивленно посмотрел на старика.

— Васька, умеешь ли ты держать язык за зубами? — неожиданно спросил Афанас. — Ты ж еврей, должен уметь тайну хранить.

— Могу, — кивнул Шмулик головой и глаза его вспыхнули любопытством и волнением.

— Вот тебе записка, — Афанас сунул ему в руку сложенный листок бумаги. — Пойди в лес, на то место, где мы с тобой в первый раз встретились. В стволе ивы, возле которой мы сидели, найдешь дупло, положи туда записку. Помнишь место?

— Ясно! — ответил Васька.

— Ты ведь ненавидишь немцев? — продолжал старик.

Шмулику не надо было отвечать: его лицо сказали все.

— И ты хотел бы навредить им?

Васька кивнул головой, и его глаза блеснули в темноте.

— Тогда не побоишься сбегать один ночью в лес. Давай, живо, и тут же возвращайся. Не мешкай там, понял?

Начиная с той ночи, в жизнь Васьки вошел иной мир. Он чувствовал, что участвует в каком-то большом деле. Особенно его радовало доверие хозяина. Внешне в их отношениях ничего не изменилось: Афанас по-прежнему был хозяином, а он, Васька, одиноким мальчишкой, нашедшим убежище в его доме. Но иногда Афанас многозначительно подмигивал ему, и Шмурлик знал, что между ними заключен союз и они оба причастны к тайне.

Отныне Афанас начал посыпать его с разными поручениями то в город к незнакомому человеку передать ему устно несколько слов, то в соседнюю деревню.

Однажды ночью Ваську разбудил лай Цыгана. Стучали в окно. Афанас уже стоял у двери.

— Кто там?

— Открой, свои.

Афанас достал из-за печи сухую лучину и засветил ее. Выглянул в окошко и, довольный увиденным, поспешил открыть дверь.

В комнату ввалились трое мужчин в полу-шубках и сапогах. Один был вооружен автоматом, два других — винтовками. Все трое были подпоясаны кожаными военными ремнями, за которыми торчали пистолеты.

Человек с автоматом взял у Афанаса лучину и посветил перед собой.

— Здоров, хозяин! Чужих у тебя тут нету? А это кто? — повернул лучину в сторону, где лежал Васька.

Афанас воткнул горящую лучину в стенную щель и пожал вошедшему руку.

— Как живешь, Колька? Не бойся, это свой. Есть добрые вести?

— Вести добрые, очень добрые, хозяин. — И лицо Кольки расплылось в улыбке. — Утром услышишь про нас.

Он стряхнул снег с шапки и с плеч, снял автомат, взял его в руки и опустился на лавку, прислонившись спиной к стене. Товарищи его уселись рядом, поставив винтовки между колен.

— Издалека пришли, хозяин, сильно устали. Зато фрицы... Ха-ха-ха — громко расхохотался он, — не скоро нас забудут. До следующего посещения, — и он снова закатился смехом.

Васька быстро соскочил с постели, натянул брюки и сунул ноги в деревяшки. Так вот они, значит, какие, — партизаны. Он хотел подойти поближе, дотронуться до них рукой, но не посмел и только смотрел издали на их покрасневшие от ветра и мороза лица и не мог настмотреться.

— Где ж хозяйка? — спросил Колька, очевидно, их командир. — Голодные мы.

— Сейчас подниму свою старуху.

Клава неохотно сползла с лежанки, посмотрела на незваных гостей и заворчала:

— Нет от них человеку покоя ни днем, ни ночью; то немцы, то партизаны. Ты трудишься в поте лица, а они все забирают.

— Эй, хозяйка, брось ворчать! — засмеялся командир. — Затопи-ка печь да испеки нам блинов. Только пожирнее, чтоб сало по бороде текло. Старуха твоя не очень-то нам рада, хозяин, — обратился он с усмешкой к Афанасу.

— Что ж делать, мы бы тоже лучше лежали на горячей печи, чем шастать ночью, в дождь и вьюгу.

— Что ж делать, что ж делать? — повторил вслед за ним Афанас. — Такая доля. А ты, мил друг, не обращай внимания. Такая уж натура у моей старухи, любит она поворчать. Да она у меня не злая, совсем не злая. Увидишь сейчас, Колька, каких блинов она вам напечет!

Скоро изба наполнилась запахом жареного сала. Партизаны стащили сапоги и принялись сушить у огня портнянки.

Снаружи донеслись людские голоса и яростный лай Цыгана. Шмулик открыл дверь и выскочил наружу. На дороге, ведущей в деревню, он заметил несколько фигур в белых маскировочных халатах. На фоне заснеженной земли черным пятном выделялся пулемет.

«Охраняют подход к деревне», — смекнул Васька.

Он еще стоял, прислонившись к стене хаты, глядя на шевелящиеся фигуры, как вдруг из соседнего двора донесся громкий смех и пение.

Из двора Кароля выехали запряженные парой лошадей сани, в которых Васька разглядел несколько вооруженных людей. Сани остановились возле дома Афанаса, и веселая компания со смехом и песнями ввалилась в дом.

«Поют себе во весь голос, не боятся немцев», — обрадовался Васька. Он вернулся в избу, которая была полна дыма и запаха свежеиспеченных блинов, уселся на краю печи и стал наблюдать за шумными гостями.

На столе стояли бутылки водки, которую гости разливали в большие стаканы или пили прямо из горлышка бутылок. Васька внимательно прислушивался к разговорам, и, хотя не все понимал, ему было ясно, что выпивка устроена в честь удачной операции.

Засерело небо. Партизаны вышли из Афанасовой избы, кое-как разместились на двух санях и исчезли в лесу. Долго еще стоял Васька у плетня и провожал партизан завороженным и завистливым взглядом.

На следующий день крестьяне из соседних деревень рассказали, что предыдущей ночью был пущен под откос поезд, шедший по главной магистрали на Минск. Спустя два дня разнесся слух, что погибли сотни немецких сол-

дат, отправлявшимся на фронт, и что уничтожено много вагонов с боеприпасами и снаряжением.

После той ночи партизаны зачастали в деревню. Они появлялись также днем, прогуливались себе средь бела дня по селу с оружием за плечами, беседовали с крестьянами, шутили с девушками. А партизан, которого называли Колькой, стал совсем своим в Афанасовом доме. Он появлялся неожиданно в сопровождении всего лишь одного товарища, просил приготовить баню и чистое белье. Оба они отправлялись мыться и выходили спустя некоторое время красные, распаренные. Иногда Афанас посыпал к ним на помощь Ваську. Колька забирался на верхнюю полку, а товарищ его хорошенько хлестал его веником. Вдруг он соскакивал с полки, вываливался за дверь, катался разгоряченным телом по снегу иозвращался в полную пары баню. А Васька прислуживал им, плескал воду на раскаленные камни, подбрасывал сухих дров в печь или подавал попить.

Теперь уже Васька не боялся разговаривать с партизанами. Когда они приходили, он усаживался вместе с ними за стол, и они уготавлили его самогоном. Когда Васька в первый раз глотнул напиток, ему показалось, будто опрокинул в горло огонь и все внутренности у него пылают. Потом привык. Старался быть таким же, как они. Иногда ему разрешали

взять в руки ружье. Васька научился разбирать и собирать затвор. С особым удовольствием он вынимал магазин, полный блестящих патронов. Он усердно чистил винтовки партизан и возвращал их владельцам, сияя от гордости.

Тогда Колька по-дружески хлопал его по спине и говорил:

— Ты уже настоящий партизан, коль научился чистить ружье и пить самогон.

Однажды, когда Шмулик остался в комнате с Колькой сам на сам, а Афанас с Клавой вышли во двор, он осмелился:

— Колька, возьми меня с собой в лес... Я хочу быть настоящим партизаном.

Колька уставился на него и расхохотался:

— А что ты, малыш, будешь в лесу делать?

— Бить немцев.

— Только этого нам не хватает, — засмеялся Колька, — детдом открыть в лесу. Сиди пока что, дитя, под материнской юбкой. Года через три, когда подрастешь, тогда возьмем тебя. Потом добавил уже всерьез:

— Партизанская жизнь в лесу не забава, не для детей она. Сегодня ты жив, а завтра — труп.

Васька отошел, с трудом удерживая слезы.

РУКА ВРАГА

Новости с фронта становились все более ободряющими. Приходившие в деревню парти-

заны рассказывали о победах Красной армии, о нанесенных немцам ударах, о Сталинграде.

Боясь партизан, немцы перестали наведываться в деревню. Крестьяне почувствовали себя уверенней. Мужики давали партизанам лошадей и подвозили их куда нужно, а бабы стирали им белье.

Казалось, немецкий захватчик не смеет ногой ступить в спокойный «партизанский край». Лесные бойцы приходили на деревенские праздники, играли на гармошке и на аккордеоне, плясали с девушками. Только старого Кароля не радовало общее веселье. Он ходил мрачным и ворчал:

— Не от большого ума вы тут веселитесь, беситесь, нет, — предупреждал он, — еще задаст вам немец, ой, как задаст!

Особенно он мрачнел, когда приходила весть о новой диверсии, произведенной партизанами в округе, когда они, опьяневшие победой, разгуливали по деревне, и их песни далеко разносило эхо. За последнее время силы партизан очень выросли, как численно, так и вооружением, и они чувствовали себя в этом районе в полной безопасности. Немцы не смели появляться в селах, где правили партизаны, разве что большими подразделениями.

— Сами на себя беду накликают, — ворчал старик, уходил в свою хату и запирал дверь на засов

И день, о котором предупреждал старик, пришел.

Однажды на рассвете разбудил Ваську шум машин. Он спрыгнул с кровати и прильнул к окошку: по дороге, ведущей от шоссе к деревне, двигался танк; ствол пушки зловеще торчал из его башни. Вслед за танком шло еще несколько машин.

— Немцы в деревне! — вырывался у Васьки вопль. — Хозяин, немцы!

Мгновенно все были на ногах.

— Васька, беги в хлев, гони скотину в ле.! — крикнул Афанас, высаживая во двор, а Клава за ним.

Но Васька уже ничего не слышит. Немцы в деревне! Все чувства его нацелены на одно: бежать, бежать как можно скорее и подальше.

Васька несетя изо всех сил по дороге к лесу. Деревянные башмаки слетели с ног. В Шмулике пробудился маленький загнанный зверек, преследуемый гончими. Он бежал все быстрее, и гул выстрелов подгонял его. Только добравшись до первых деревьев леса, он перевел дух, но тут же побежал дальше, глубже в лес, чтобы убийцы не нашли его. Наверняка они придут и сюда, они будут искать бежавших из деревни.

Почувствовав, что он забрался достаточно далеко, Шмулик залез в самую гущу молодых елей и остался там, стараясь успокоить бьющееся сердце и пытаясь уловить, что происходит

в деревне. Оттуда доносилась частая стрельба.

Шмулик не мог определить, сколько времени пролежал он на промерзшей земле под елками. Ему казалось, что прошла вечность, что он сам не Шмулик и не Васька, а какой-то старик, все тело которого дрожит от холода и усталости. Голова кружится, веки отяжелели, и глаза закрываются сами собой. Он изо всех сил старается не дать усталости овладеть им, старается не заснуть! Ветви ели медленно покачиваются, и снег сыпется с них ему на голову и на плечи.

Наконец Шмулик поднялся размять ноющие кости. Мороз несколько спал. Снег уже не скрипит под ногами, он рыхлый и сырой. Портянки, покрывшиеся утром тонкой ледяной коркой, теперь влажные. Стрельба затихает.

Что там происходит? Почему никто из деревни не прибежал сюда? Может, убежали и спрятались в других местах? Лес велик, и в нем много укромных уголков.

Стрельба совсем стихла. День клонится к вечеру. Мороз усиливается и тысячами иголок колет его тело.

Нельзя стоять на месте, нужно идти. Только куда? Он решил глянуть, узнать, что творится в селе: может душегубы уже убрались оттуда?

Шмулик вышел из чащи кустов в более редкий сосняк. Но высокие деревья заслоняют небо, ничего не видно. Еще немного, и он вый-

дет на опушку, где обычно пас свое стадо. Оттуда видны поле и дорога в деревню.

Резкое карканье вороны нарушило тишину. Шмулик вздрогнул, замер на месте и затаил дыхание.

«Чепуха, это только ворона», — пытался он успокоить себя.

Вдруг у него подогнулись колени: со стороны деревни поднимались к небу клубы дыма. Шмулик вышел на опушку. Он смотрит и не узнает: на месте Афанасового двора чернеют на белом снегу темные пятна, а над ними еще клубится тонкая струйка дыма, вот-вот и она исчезнет. Над соседними дворами еще стояли тяжелые облака дыма.

Шмулик застыл на месте, не в силах отвести взор от сожженной деревни. Что там произошло? Где все люди? Неужели никого не осталось в живых? Успели ли убежать Афанас с Клавой?

По снегу потянулись длинные тени. Дым над деревней разошелся. Над черными грудами головешек распростерлось темно-синее небо, усеянное тысячами мигающих глаз. Кажется, жизнь покинула эту сожженную землю и поднялась на небо, к звездам.

Вновь карканье вороны заставило Шмулика вздрогнуть. Сорвавшись с места, он побежал к деревне. По дороге наткнулся на что-то большое, темное. Едва не споткнулся об него. Посмотрел: это была туша черной коровы Афа-

наса, которую Шмулик любил доить и ходил за ней.

Нетвердыми шагами подошел он к двум обгорелым стволам. Это были остатки лип, торчавшие из земли, как два черных скелета над кучей угольев и остывших головешек.

Лишь вчера тут стояла изба Афанаса. Теперь от нее осталось только несколько закоптелых жердей да две каменные ступеньки между ними. Шмулик беспомощно опустился на эти ступеньки и в отчаянии закрыл лицо замерзшими руками.

Вдруг он почувствовал, что о его колени трется что-то мягкое и теплое. Он открыл слипающиеся от усталости глаза, и радостное вскипание вырвалось из его груди:

— Цыган! Цыган! Милый мой песик, ты жив?

Пес прыгал от радости и лизал Шмулику руки и лицо.

— Бедный мой Цыган! — Шмулик обхватил обеими руками голову собаки и прижал ее к своей груди. Но пес высвободил голову из объятий мальчика, задрал острую морду к небу и тоскливо завыл.

— Только ты один остался в живых на этом кладбище? Мы оба с тобой без крова над головой; одна у нас судьба, Цыганушка!

Шмулик решил пройтись по остальным дворам: может встретит кого-нибудь? Медленно

шел он по дороге ко двору деда Кароля, а Цыган бежал впереди.

Вдруг пес остановился, протяжно завыл, побежал вперед, вернулся и остановился опять, Шмулик подошел к собаке. При лунном свете он увидел распростертого на снегу человека. Наклонился, и задрожал всем телом: Ванька! Дрожащей рукой дотронулся он до лица друга и тут же отпрянул: это было застывшее, окоченевшее лицо мертвеца. Шмулик не мог отвести от него взгляд: глаза у Ваньки были широко раскрыты. Дрожащими руками попытался Шмулик закрыть их, но не смог. Попятился назад, рванулся и побежал изо всех сил ко двору старого Кароля. Бежавший впереди пес залаял. У стены наполовину сгоревшего дома, на куче хлама Шмулик заметил скорчившуюся фигуру. На лай собаки она подняла голову. Шмулик узнал старого Кароля. Мальчик радостно бросился к старику:

— Дядя Кароль, дедушка!

Старик удивленно, будто не узнавая, взглянул на мальчика, и в его глазах внезапно вспыхнула ярость:

— Всех убили, один ты жив остался, гаденыш!.. Большевистское семя! Убирайся вон отсюда, а то я тебя! — голос у него оборвался.

Пораженный Шмулик отскочил назад. На глаза у него навернулись слезы. Весь дрожа, беспомощно стоял он перед стариком. Тот снова поднял голову; оба смотрели друг на другу

га, не говоря ни слова. Лицо Кароля смягчилось, и в глазах появилось выражение жалости. Он махнул рукой, как будто отгоняя надоедливого комара.

— Господи Боже, — вздохнул он, — разве ты, мальчишка, виноват, если у людей постарше и поумнее тебя мозгов не хватило.

Не глядя на Шмулика, старик поманил его рукой, продолжая рассуждать сам с собой:

— Сколько раз предупреждал я их: не к добру это баловство, не к добру... Придет немец и всех нас погубит. Не хотели меня слушать... Старый, как малый, говорит, будто собака брешет... Партизаны им полюбились, чтоб они провалились!

Старик замолк. Его плечи опустились, поникшая голова качнулась из стороны в сторону.

— Всех? — осмелился шепотом спросить Шмулик.

— Всех, всех... Пришли на заре, как голодные волки... Окружили дворы со всех сторон. Дом за домом... Даже одеться не дали. И погнали туда...

Дрожащей рукой старик указал на дорогу:

— А потом... Сам видишь...

— Не убежали? Никто не спасся?

Старик пожал плечами.

— Может еще объявится кто-нибудь? Бог знает... Я забрался в погреб, что во дворе, в картошку зарылся. Видел, как наш Ванька бежал по дороге в лес.

Шмулик вздрогнул. Старик заметил и поднял на мальчика вопрошающий взор, в котором были и страх и надежда.

— Ванька там лежит, на дороге, — выдавил из себя Шмулик.

Старик ничего не ответил, лишь примкнул глаза. Шмулик подумал, что он заснул от усталости и потрясения. Но спустя несколько минут старик встрепенулся, встал и зашагал в том направлении, куда показал мальчик. Ванька поплелся вслед за ним. Подойдя к трупу, старик опустился на колени, и губы его беззвучно зашептали молитву. Перекрестив мертвого, старик взвалил его себе на плечи.

Молча вернулись они на сожженный двор. Старик опустил труп на землю между обгорелыми вишнями. Попарил в золе, в куче мусора, и принес две лопаты. Распрямил спину, затем наклонился и стал разгребать снег. Шмулик взялся за другую лопату, и вдвоем принялись они рыть могилу. Молча, без звука опустили в нее Ваньку.

Старик соорудил из двух палок крест и воткнул его в землю у могилы. Подкатил несколько камней и сложил их сверху холмиком. Некоторое время они сидели сбоку на груде закоптых камней, погрузившись каждый в свои думы.

— Что теперь делать будешь, парень? — тронул его старик за руку. Шмулик поднял на него глаза загнанного щенка.

— Слыши, — сказал дед, — иди-ка в деревню Дрозды. Родич есть у меня там, Андрей Палка зовут. Расскажешь ему, что у нас произошло. Скажи, что я тебя послал, так он тебя примет. Зажиточный мужик этот Андрей, найдется в его доме хлеб для тебя. В деревни, что в лесу, не ходи. Иди в Дрозды, она близко от города, рядом с немецким гарнизоном. Туда партизаны не придут. Будешь там жить спокойно.

— А ты, дедушка Кароль, что будешь делать?

— Я... Я... — заколебался старик, — поброшу тут еще некоторое время. Потом нужно хату строить, хозяйство налаживать.

— Я с тобой пойду, дедушка, — поднял на него Шмулик умоляющие глаза.

— Что ты, парень? У меня с голоду помрешь. Иди к Андрею Палке. Скажешь я послал. Иди прямо. Он показал мальчику направление и добавил:

— Придешь в деревню, там спросишь. Будь здоров! — старик ласково подтолкнул его. — Приду как-нибудь тебя проводить.

— До свидания, дед Кароль!

— Храни тебя Господь, паренек!

Дед повернулся и зашагал прочь по дороге, по которой прошли жители деревни в свой последний путь.

ШМУЛИК В ДРОЗДАХ

К вечеру Шмулик добрался до Дроздов. По дороге встретился ему крестьянин полусидевший, полулежавший на козлах пустой телеги. Он подвез мальчика до деревни и показал ему двор Андрея Палки.

— Он что, родной тебе, староста Андрей? — спросил крестьянин Шмулика, окинув его взглядом с головы до ног.

— Нет. Привет передать ему просили, — неохотно ответил Шмулик и чтобы прекратить вопросы слез с телеги и устало поплелся к деревне.

— Эй, жиленок, ты куда? — крикнул ему деревенский мальчишка, сидевший вместе с кучей детворы на заборе.

— Куда? Немцы в деревне!

Позади Шмулика раздался смех и твердый, как камень, снежок попал ему в голову.

Шмулик ускорил шаги. Быстро добрался он до двора Андрея, который был не только старостой, но и, очевидно, самым богатым крестьянином в деревне. В отличие от всех остальных изб, крытых соломой, его дом был крыт черепицей, и с улицы огораживал его крашеный дощатый забор. Сам хозяин стоял у калитки и, покуривая трубку, степенно беседовал с соседом.

— День добрый, хозяин! — дрожащим от

страха и надежды голосом поздоровался Шмулик.

Андрей вынул изо рта трубку, с любопытством оглядел мальчика и спросил, не отвечая на приветствие:

— Чего тебе?

— Не вы будете староста, Андрей Палка?

— А если я? — ответил тот вопросом на вопрос, и посмотрел на ноги мальчика, обмотанные ложмочьями.

— Я из Сосновки, меня послал к вам дед Кароль.

Оба мужика встрепенулись.

— Из Сосновки, говоришь? Удрал оттуда?

— Так вы уже знаете?

— Знаем, знаем, — встряхнул второй мужик своей седой головой, — птица Божья весть принесла.

— Жив ли кум Кароль?

— Славу Богу, жив. Он и послал меня к вам.

Староста увидел, что вокруг них начали собираться любопытные, и потянул мальчика за рукав.

— Идем в хату, не стоит об этом на улице разговаривать.

— Ох, и времена нынче, — вздохнул сосед, входя в избу вслед за Андреем.

Шмулик беспомощно осмотрелся вокруг, ища где бы сесть. Однако без приглашения сесть не решился и остался стоять у двери.

Андрей глянул на него и сказал, указывая на край лавки:

— Садись, парень, устал, небось, с дороги-то.

Только усевшись, почувствовал Шмулик как болят у него ноги. Из груди его вырвался непроизвольный вздох.

— Рассказывай, как дело было, — сердито сказал Андрей, дымя трубкой.

Шмулик начал свой рассказ. Он постарался рассказать так, как слышал от старого Кароля, но добавлял кое-что и от себя, от своего наболевшего сердца.

Несмотря на принятые старостой меры предосторожности, в избу набились соседи и соседки. С выражением страха на лице они следили за рассказом мальчика, покачивали головой и смахивали слезу.

— Господи Иисусе, пресвятая Дева! И баб, и детей...

Андрей не прерывал его и дал рассказать до конца. Лицо его помрачнело. Шмулик боялся посмотреть ему в злые глаза, сверкающие под густыми черными бровями.

— А ты, парень, кто? — спросила одна из женщин. — Ты тоже из той деревни?

В мозгу Шмулика мелькнула, было, мысль сказать, что да, что он случайно спасся и остался сиротой, но он тут же сообразил, что так легко попасться на вранье. Если потом обнаружится, что он был пастухом - при мы-

шем у Афанаса, не миновать ему беды.

— Нет, — решительно сказал он, — я сирота, добрые люди в Сосновке приняли меня в дом. Русский я, зовут меня Васька. Дед Кароль меня выручил, — добавил он, — добрый он человек.

И имени Афанаса он решил не упоминать. Андрей подозрительно посмотрел на него. Шмулик повторил ту историю, которую он рассказал, когда попал в Сосновку.

— Русский, говоришь?

— Русский, восточник.

— Значит, большевик, — скривился один из соседей.

— Брось, большевик! Он же еще дитя, да и сирота к тому же, — возразила соседка. — Ты, верно, и голодный? — жалостливо спросила она мальчика.

— Антонина, принеси мальцу чего поесть! — наконец, вспомнил Андрей. — А сюда ты к кому пришел? — нахмурившись, снова обратился он к мальчику.

— Я думал, может, вы меня возьмете к себе. Дед Кароль меня послал, — заикаясь, вымолвил Шмулик безо всякой надежды.

Андрей опять смерил его взглядом.

— Нет, — жестко отсек он, — не могу я принимать в свой дом чужих людей. К тому же, — запнулся он на мгновенье, — я староста, у меня гости бывают. У меня ты жить не можешь.

Шмулик встал, в отчаянии посмотрел на лица стоявших вокруг людей.

За окном темная ночь. Куда идти, где ему переспать ночь? Он повернулся к двери.

— Погоди, парень, — остановил его Андрей. — Может, кто-нибудь возьмет тебя к себе. Я возражать не буду, если ты останешься в деревне, — расщедрился он, — только не показывайся на глаза немцам и полицаям. Сегодня переноочуешь тут, а завтра поспрошай людей. Может, Василь тебя возьмет, а то Антон?

— Господин староста, — ответил Шмулик нерешительно, — я уже большой, могу работать, не только хлеб есть.

— Большой, — усмехнулся Андрей, — тощий и маленький ты, словно кот. Что ты сможешь делать в хозяйстве?

Одна из женщин потянула Шмулика за рукав.

— Заходи завтра к Федьке, милок. Ему работник нужен. Придешь ко мне, я покажу его двор.

Едва Шмулик ступил на порог Федынского дома, как его охватило чувство страха. Стол покрыт бархатной, расшитой претами скатертью. Под иконой Богоматери стоит большой серебряный восьмиконечный подсвечник, точно такой же, какой, помнится Шмулику, зажигали в праздник Ханука в доме его деда. В подсвечнике горит свеча. Низенькая

женщина в пестрой косынке на голове безуспешно пытается приладить два куска стекла на портрете молодого парня в форме солдата вольской армии. Шмулик остановился в дворах, уставившись на подсвечник.

Женщина повернула к нему голову, придирчиво осмотрела его и сказала:

— Это ты Васька, что пришел работать?

— Я, — с трудом ответил Шмулик, и его голос оборвался.

— Мал ты еще. Проку с тебя мало будет... Шмулик молчал.

Женщина заметила, что его взгляд устремлен на подсвечник со свечой.

— Обет я дала каждый день зажигать свечу перед иконой Божьей матери, если сын целым вернется с войны, — она указала на портрет солдата. — И вот вернулся мой Федя.

Не прошло и двух недель, как Шмулик узнал, что не только скатерть и подсвечник попали в этот дом от ограбленных или убитых евреев.

— Васька, эй, Васька! Куда тебя черти унесли? — постоянно слышит он крик хозяйки Феклы. Ее голос раздается на дворе с утра до вечера: Васька, принеси воды, Васька, дров, Васька, затопи печь, загони овец в хлев...

Васька носится по двору из конца в конец. Хозяйка не дает ему покоя ни минуты. Кормят его остатками с хозяйственного стола,

спит он в конюшне, на чердаке, на куче сена. После того, как он отморозил палец на ноге, хозяйка сжалилась и дала ему старый тулул накрываться.

Не один Шмулик дрожал от сердитого голоса хозяйки. Сам хозяин побаивался своей грозной половины. Не раз доводилось Ваське видеть, как на его согнутую спину опускался ее тяжелый кулак. Маленький тощий Федька-отец только втягивал голову в плечи, съеживался и выскакивал на улицу. Оттуда до слуха Шмулика доносились его проклятия в адрес дражайшей супруги.

У Федьки с Феклой была дочь Феофилы, дурочка, которая большей частью лежала на печи, держа палец во рту. Она страшно боялась своей крикливой матери, и каждый раз, как та повышала голос, забивалась в свой угол и выходила оттуда только тогда, когда до нее доносился запах еды. Феофила была необыкновенно прожорлива. Часто она подскакивала к Шмулику и хватала с его тарелки его скучную порцию.

— Вот корова, — смеялась Фекла при виде жадности дочери, но отводила взгляд от пустой тарелки голодного мальчика.

Однажды хозяйка велела Шмулику поскорее наколоть дров и растопить печь: она ждала важных гостей.

Фекла накрыла стол белой скатертью, поставила тарелки, фарфоровые чашки, крас-

ные и зеленые хрустальные рюмки. Затем открыла большой сундук, стоявший в углу у стены, накрытый цветным покрывалом, и вытащила из него небольшой сверток, завернутый в полотенце. Подержала его немного в руке, как бы взвешивая что-то в уме. Потом развернула полотенце, и на столе звякнули серебряные ложки и вилки. На дне сундука лежал блестящий шелковый талес. Фекла взяла его в руки.

— Из этого я сошью себе праздничную блузку, буду в ней ходить в церковь. Я сама накрою на стол, — оттолкнула она в сторону помогавшего ей Шмулика.

Но мальчик замер на месте, переводя взгляд с талеса на ложки. На каждой ложке были выгравированы две еврейские буквы.

— Чего зенки вылупил? — заорала на него Фекла. — Украсть собираешься? Знай, если хоть одной штуки не хватит, шкуру с тебя сдеру!

Вдруг у нее возникло иное подозрение: глаза мальчика были прикованы к еврейским буквам. Помолчав немного, спросила:

— Чего ты так испугался жидовских букв, а?

Лишь теперь Шмулик очнулся и почувствовал, что он находится на краю пропасти. Усмехнувшись, он сказал:

— В жизни я никогда не видел таких шелковых скатерей и серебряной посуды. У

нас в России таких нету. Они действительно серебряные?

На лице Феклы разлилась широкая самодовольная улыбка, и она с гордостью ответила:

— А что у вас там есть в России? Одни колхозы и больше ничего.

— И все это ваше? Ни в одном доме не видел таких красивых вещей.

Явное восхищение мальчика польстило Фекле. Ее подозрение улетучилось.

— У кого есть голова на плечах, тот все получит. У немцев можно достать самые дорогие вещи, которые раньше бывали только в жидовских домах. Нужно только знать, как с немцем обращаться.

— Должно быть, хозяин ваш молодец и умный человек, если сумел достать все это, — показал Шмулик на накрытый стол.

Фекла презрительно скривилась:

— Хозяин! Приличного головного платка и то не купил жено за всю жизнь. Это все сын мой, Федька. У него-то, у Федьки моего, голова воеводы. Удачливый он у меня. А смел он — как сам черт.

— А что он делает, Федька-то? — продолжал спрашивать Шмулик, видя что ее внимание переключилось с него на сына.

— А ты разве еще не знаешь? В полиции служит мой Федька, полицейским в уездном городе. С большими людьми знакомство во-

дит. Сами немцы его уважают, моего Федьку. Но уже две недели как дома не был. Сегодня увидишь его. Пригласил на обед нескольких своих друзей. Ну, что рот разинул? — вдруг закричала она. — Ступай, дров наколи! Печь топить надо!

Под вечер послышалось гудение автомашины. Шмулик весь задрожал. Машина остановилась у ворот, и из нее вылез мужчина в форме полицая. Три немца в светло-зеленой форме важно шагали за ним. Шмулик шмыгнулся за угол дома и спрятался в конюшне.

Весь вечер просидел Шмулик, забившись в угол конюшни и подглядывал в щель в стене; его непрестанно бросало в дрожь. Из ярко освещенного дома доносились пьяные голоса. Время от времени дверь открывалась, на пороге появлялся, покачиваясь, кто-либо из гостей, блевал в снег и возвращался в дом.

Шмулик сидел в своем укрытии и не вышел даже на зов хозяйки. Перед его глазами плыл шелковый талес, и руки Феклы резали и резали его большими ножницами.

Шли дни. Шмулик таскал окоченевшими руками ведра с водой, бегал по льду и снегу, обмотав ноги грязными портянками. Выполнял любую работу, и все же никак не мог угодить Фекле. Она постоянно ворчала и ругала за столом и его, и своего незадачливого мужа.

— Каков хозяин, таков и работник. Жрать-

то могут целый день. Быка готовы проглотить, а насчет работы — чурбаны, да и только. А ты знай, вертись вокруг них, корми их да пои.

Федька, привычный к ворчанию жены, продолжал спокойно есть, обращая на нее не больше внимания, чем на жужжение надоедливой мухи. У Шмулика же кусок застревал в горле, глаза наливались слезами, и он вставал из-за стола не доев. С его тарелки доедала Феофила.

В доме готовились к большому приему гостей: сын должен был получить повышение. На этот раз Фекла и мужу не давала покоя: гоняла его из кладовой в погреб, из погреба на птичник, оттуда на чердак, на котором еще с Рождества висели толстые колбасы и свиные окорока.

Хозяйка вынула из печи пирог, наполнивший дом вкусным запахом. У Шмулика потекли слюнки, и он уставился на это чудо из белой муки, яиц и изюма.

— Ты чего глаза вылупил, как кот на сметану? — услышал он сердитый окрик Феклы. — Не про тебя он, жиденок!..

«Жиденок» — так она его называла. Просто ли это презрительная кличка в ее устах по отношению к русскому, восточнику, или, может быть, она намекает на его еврейское происхождение? «Все-таки меня здесь держат, — не раз думал он, — хотя сын поли-

цай и немцы бывают в доме. Может, как раз поэтому и не боятся меня держать» — пытался он догадываться.

Все время, пока в доме пекли, варили, скребли и прибирали, Феофила лежала за печкой и таращила слезящиеся глаза на проходящее. При виде каждого кушанья, которое ее мать доставала из печи, она издавала утробное кошачье урчанье, заканчивавшееся разными вскриками. Особенно она заволновалась при виде пирога с изюмом. Соскочив с печи, Феофила подбежала к столу и хотела уже погрузить пальцы в мягкий теплый пирог, однако резкий окрик матери загнал ее назад на лежанку.

Запах вкусной еды, приготовленной на вечер, возбудил аппетит и у Шмулика, который в тот день вообще мало ел. Голодный, бегал он по двору, делал одну работу за другой, и на душе у него было тоскливо. Вернувшись в дом после колки дров, он нашел на плите несколько мисок с остатками завтрака и корки хлеба, которые хозяйка отодвинула в угол. Шмулик взял, что подвернулось под руку, сел в сенях на порог и стал есть. Вошла Фекла, поглядела на мальчика, который весь съежился под ее взглядом, и, ворча себе под нос, зашла в комнату. Вдруг раздались ее вопли.

— Ой, Иисус-Мария! Разбойники, воры!

Шмулик торопливо отворил дверь в комнату и вошел.

Фекла стоит у стола, платок сполз с головы на плечи, она ломает руки и горько стонет. Перед ней на тарелке лежит пирог — раздробленный, будто мыши его обгрызли, не хватает доброй трети.

Лицо Феклы покраснело, глаза блестят от гнева.

— Убью, задушу, как собаку!

— Наверно, Феофила, — тихо промолвил Шмулик.

Фекла повернула к нему искаженное злостью лицо. Вдруг она схватила его за чуб, и удары кулаков обрушились на его лицо и плечи.

— Вот тебе Феофила, вот тебе, жиленок проклятый! — кипела она от злости и не переставая колотила мальчика.

— Это не я... Я не тронул даже... Я дрова колол во дворе! — Шмулик пытался вырваться из ее рук.

— Не ты, нет... А кто же сидел в сенях и набивал брюхо? Феофила?

Шмулик почувствовал, будто все погружается в темноту, и стены дома зашатались над ним. Из последних сил он оттолкнул Феклу, и она ударила головой о стену. Мальчик выскочил во двор, за калитку и побежал в поле...

Остановился... Мороз проникал сквозь его

ветхую одежонку: Огляделся вокруг: ток, несколько обнаженных деревьев, и ни живой души. Шатаясь, он подошел к току — ворота не заперты. Ток полупустой, только в одном углу сложена скирда соломы.

Уже стемнело, а Шмулик все еще в пустом току. В окнах изб засветились слабые огни. Мальчика начал мучить голод. Мороз становился все крепче и будто иголками колол его тело. Шмулик залез на скирду, забрался поглубже в солому и свернулся клубком. Стало немного теплее. Он попытался заснуть, но страх перед завтрашним днем отгонял сон.

Что будет дальше? Ведь он уже не вернется в дом Федьки. Куда идти? Кто из крестьян возьмет его к себе?

Голод и грустные мысли утомили его, и он заснул. На рассвете он поплелся обратно к деревне.

Теперь для Шмулика наступили совсем тяжелые времена. Не нашлось крестьянина, который бы согласился принять его к себе в дом. Мальчик скитался по дворам; за кусок хлеба или стакан молока таскал воду, колол дрова, ходил за скотиной, выполнял всякую работу по хозяйству. Ночи он проводил в холодных сараях и на току. Не раз грубым окриком или сильным пинком его выгоняли из конюшни или амбара, куда он тайком забирался на ночь. Давно уже не менял он белья, и тело его заедали вши.

Теперь он побывал во многих домах в деревне, и почти в каждом доме видел награбленное еврейское имущество: тонкое дорогое белье, шубу с плеча еврейской женщины, серебряные субботние подсвечники, сундуки, полные награбленного в еврейских лавках товаров.

Скитаясь по дворам, Шмулик почувствовал какую-то нервозность и беспокойство, овладевшие деревней. Люди собирались группами и переговаривались вполголоса, искоса поглядывая на мальчика. Иногда он набирался смелости и подходил к такой группе, но на него кидали злобный взгляд и прогоняли:

— Прочь отсюда, большевистское племя!

Все-таки слух его улавливал то там, то тут обрывки разговоров. Везде повторялось одно слово: партизаны. Партизаны, лесные разбойники, как их называли в деревне, бродят поблизости.

Последнее время они совсем обнаглели: подобрались даже к самому уездному городу, шастают на окраине. Вчера сожгли мельницу под самым носом немецкого гарнизона, разместившегося в городе. В глазах рассказчиков стоит страх: партизаны никого не щадят, убивают мужиков, сжигают усадьбы...

В деревне появились полицаи. Жители создали гражданскую оборону. По ночам патрули, вооруженные винтовками и автоматами, ходили по улицам деревни и на околице. Это

оружие им дали немцы. Иногда раздавалась поблизости стрельба из винтовок и пулеметные очереди.

Положение Шмулика становилось все хуже. Лишь изредка какой-нибудь крестьянин позволял ему войти во двор и поручал ту или иную работу в обмен на кусок сухого хлеба. Большой частью его прогоняли, едва он появлялся у плетня. Все труднее стало находить и убежище на ночь. Ходить по ночам запрещалось, и не всегда удавалось ему найти место для ночлега в какой-нибудь конюшне или в сарае до наступления комендантского часа.

Сумерки. На землю быстро спускается ночь. Из хлевов разносится по воздуху запах коровьего навоза. Бабы ташат ведра, полные парного молока. Мужики степенно беседуют между собой, покуривая трубки. На краю деревни, проходя мимо одного двора, Шмулик наткнулся на группу вооруженных людей из местной стражи. Они окружили какого-то незнакомого человека, очевидно, старшего. Вокруг стояло несколько мужиков и мальчишек. Незнакомец читал им листок, который держал в руке.

Когда в конце улицы показался Шмулик, один из мальчишек швырнул в него камнем и закричал:

— Жиденок, убирайся отсюда, а то немцев позовем!

Незнакомец поднял глаза от листка и по-

смотрел на мальчика, который хотел свернуть в сторону.

— Что это за оборванец?

— Путается тут под ногами...

— Из Сосновки; говорит, будто он русский, с востока.

— Из Сосновки? — насмешливо повторил старший.

— Верно, из разбойничьего племени он. Может, он им отсюда сообщения доставляет?

— Должно, шпионит, — добавил кто-то.

Незнакомец снял с плеча автомат. Мужчины стояли по сторонам и таращили глаза с жадным любопытством, предвкушая потеху.

Шмулик не стал дожидаться. Вдруг он почувствовал прилив силы в усталых ногах. Все его тело напряглось как пружина. Одним прыжком он перескочил через забор, отделявший его от соседнего проулка, и побежал, подгоняемый автоматными очередями. Остановился он, чтобы перевести дух. Деревня осталась далеко позади.

Шмулик стоял в чистом поле, покрытом белым снежным покровом. Перед ним — широкая дорога, тоже тонущая в белизне. Снег сыпал с самого утра и заметал все следы. Неподалеку перед ним темнел лес.

— Вернусь-ка я в Сосновку, авось найду там деда Кароля, — мелькнула мысль в усталом мозгу.

Нет... Дед Кароль ненавидит партизан, он

ведь и послал меня сюда, в эту деревню убийц.

— Сяду отдохну, — решил Шмулик, но вспомнил, что если заснешь, можно замерзнуть и больше не встать. Необходимо добраться до партизан. «Наверняка найду их в лесу», — подумал мальчик и зашагал по дороге к лесу.

Когда он добрался до опушки леса, позади него уже исчезли последние огоньки деревни. Шмулик почувствовал, что всеми его членами овладевает слабость, которую он не в состоянии преодолеть. Он прислонился к одинокой сосне, росшей на развилке дорог, но тут же опустился на землю, и его глаза закрылись сами собой.

Разбудило его то ли карканье вороньи, то ли шорох приближавшегося к нему зверя. Шмулик раскрыл глаза. За деревьями послышался треск сухих веток и легкие шаги, которые поглотил мрак ночи. Шмулик страхнулся снег с рук и плеч. Голова кружится, все члены ноют. Он попытался дыханием отогреть застывшие руки. Страшно болят пальцы ног. Шмулик сел на камень и попытался размотать портняки, но они примерзли к подошвам. При свете луны мальчик увидел, что из пальцев ног сочится мутная жидкость.

Шмулик вспомнил одного еврея, который вернулся в гетто из рабочего лагеря с отмороженными пальцами. Спустя некоторое вре-

мя пальцы почернели, и их пришлось отрезать. Отчаяние охватило мальчика.

— Мама, мамочка... Зачем я не поехал с тобой?! — тихо заплакал он.

Вдруг ему показалось, что он слышит людские голоса и конский топот. Он взгляделся в темноту и увидел запряженные парой лошадей саны, легко скользящие по снегу. Партизаны! У него замерло сердце. А если это полицаи, возвращающиеся с погони за партизанами? Над санями торчали стволы трех винтовок.

«Побегу к ним, будь, что будет... Пусть лучше застрелят», — сказал он себе и побежал навстречу лошадям. При лунном свете он отчетливо увидел меховые шапки на головах людей. Нет, это не немцы!

— Партизаны, стойте, стойте! — закричал он навстречу лошадям, бежавшим прямо на него. Саны остановились. Из них вылез высокий мужчина с автоматом и подошел к мальчику.

— Партизаны, возьмите меня с собой... у меня здесь никого нет.

— Кто ты, мальчик? — спросил его высокий.

— Я хочу быть партизаном. Мне уже 13 лет, я могу воевать.

— Иди домой, мальчик, нет у нас времени заниматься детьми.

— Нет у меня дома. Хотят меня убить, я еврей, — с отчаянием промолвил Шмулик.

Высокий, собравшийся уже ~~чтобы~~ залезть в сани, остановился, схватил мальчика за руку и глянул в его залитое слезами лицо.

— Ты еврей? Я тоже еврей. Как ты сюда попал?

— Спрыгнул с поезда. Уже полтора года я брожу тут по деревням. Сегодня в меня стреляли...

Высокий партизан ласково опустил руку Шмулику на плечо.

— Ребята, — громко позвал он, — сына мы себе нашли. Повезло тебе, сынок, что встретился с еврейскими партизанами.

Теперь мальчик почувствовал, что он окружён близкими людьми. Услышал, что этого высокого остальных зовут Анатолием. Мальчика быстро усадили в сани, кто-то укутал его в тулуп и поднес к губам фляжку.

— Хлебни, парень, немного водки, замерз ты совсем!

Сани двинулись с места. Шмулик почувствовал, как блаженное тепло растекается по всем его жилам. Он опустил усталую голову на плечо одного из партизан и погрузился в сон.

В МОНАСТЫРЕ

Когда Шуля открыла глаза, она подумала, что это сон. Комната, в которой она лежала, была маленькая и светлая. Лучи солнца проникали через единственное оконце в приятную полутьму комнаты, золотя маленький квадратный столик у стены, падали на пол и на кровать. Шуля протянула руки, и лучи скользнули сквозь ее пальцы на белые простыни.

Шуля закрыла глаза, пытаясь восстановить в памяти последние часы.

«Может, я все еще лежу в снегу, возле чугунной решетки монастыря, замерзаю, а чистая теплая постель мне только снится? Еще немножко, и я совсем замерзну, и тогда сон кончится».

Вдруг она вспомнила про мать, которую она потеряла, когда они в страхе бежали.

— Мама, мамочка, — шевельнулись ее губы, — где ты? Жива ли?

— Что ты плачешь, девочка?

Только теперь Шуля заметила, что в комнате есть еще кто-то. Это была женщина со светлыми глазами и бледным лицом. Одетая во все черное, она сидела на стуле рядом с кроватью. Конечно, она монашка. Ведь и сестра Тереза так одевалась. Монахиня наклонилась и подала Шуле стакан молока.

— Пей, девочка, и тебе станет легче...

Душа твоя чуть не отлетела прочь. Но велика милость Иисуса.

Монахиня подняла глаза к распятию, висевшему на стене над кроватью, перекрестилась и затем перекрестила Шулю.

Шуля попыталась подняться и сесть, но у нее остро закололо в груди, и она снова опустилась на подушку.

— Скажите, сестрица, где я?

— Ты в безопасном месте, девочка, в монастыре сестер, покорных рабынь Божьих. Сестра Тереза принесла тебя сюда.

— Сестра Тереза, сестра Тереза...

Мысли замелькали в усталом мозгу Шули, но она не могла вспомнить, как она добралась до Терезы и что было потом. Как будто туман окутал ее мозг. В сознании осталась лишь белизна, белизна без конца и без края, и по ней черные и красные пятна.

С усилием Шуля поправила одеяло и закрыла глаза.

Проснувшись, она почувствовала, что кто-то склонился над ней и гладит ее волосы.

— Мамочка! — мгновенно вспыхнула надежда в груди. Девочка боялась открыть глаза. Чуть приподняв тяжелые веки, она увидела над собой черную шаль. Из груди девочки вырвался вздох.

— Что с тобой, девочка, где-нибудь болит?

Шуля узнала глубокий ласковый голос сестры Терезы и открыла глаза.

— Сестра Тереза, — радостно прошептала она и схватила монахиню за руку, — как хорошо, что вы со мной... Что со мной тут будет? Немцам не выдадут?

На губах монашки мелькнула грустная улыбка.

— Сестры не доносчики. Иисус велел жалеть даже врагов.

Шуля поняла, что своим вопросом выдала себя, и в растерянности замолчала.

Софья Михайловна и Тереза встречались главным образом в часы работы. Многие ночи они проводили вместе на дежурстве, беседуя о больных, врачах, работниках больницы, о событиях в мире и на фронте. Но ни Софья, ни тем более Шуля, не говорили с Терезой в больнице о себе, о своем прошлом. Как будто между ними был договор не касаться опасных тем. Но Софья чувствовала, что монахиня знает правду, и была ей благодарна за великодушное молчание.

И сейчас сестра Тереза поняла смятение девочки. Минуту помолчав, она сказала, глядя на нее:

— Ты, девочка, в монастыре. Власти пока еще уважают эти стены. Но лучше тебе здесь оставаться под именем Оните Дудайте. Только матери Анне-Беате тебе придется сказать всю правду. Монастырь — святое место, и не дай тебе Бог осквернить его ложью.

Шуля попыталась сесть, преодолевая

дрожь во всем теле. Ей очень хотелось вспомнить, как она попала в монастырь. В памяти ожили те секунды, когда она упала в снег рядом с железными воротами.

— Сестра Тереза, как я сюда попала?

— Когда я возвращалась с ночного дежурства в больнице, я нашла тебя без сознания в снегу возле ворот монастыря.

— А мама? — дрогнули бледные губы Шули. — Вы не знаете, сестра? Я ее потеряла... В нас стреляли...

Сестра молчала. Не говоря ни слова, она погладила девочку по светлой головке. Не хотела она открывать больной страшную правду.

Тело госпожи Вайс принесли в больницу той же ночью. Нашли его в переулке недалеко от ворот. Сестра Тереза не стала также рассказывать девочке, что добрый доктор Квятковский, заведующий отделением уволен с работы. Только ее оставили пока что. Литовцы еще уважали ее монашеское одеяние.

— Когда ты оправишься от болезни, я представлю тебя матери Беате. А пока не мучь себя грустными мыслями. Твое счастье, что я тебя нашла. Ухаживать за тобой будет сестра Фелиция. Постарайся выздороветь поскорее. Я уверена, что через пару дней ты уже станешь на ноги.

Во время болезни за Шулей ухаживала сестра Фелиция — та самая монахиня с водянистыми глазами, которую она увидела воз-

ле своей кровати, когда открыла глаза в первый раз.

Терезу девочка видела не часто. Она была занята в больнице; вернувшись со смены, она заглядывала к Шуле, чтобы справиться о ее здоровье и бросить одобряющее слово.

Сестра Фелиция была высокая худая женщина, с жесткими, костлявыми руками, как у мужчины. Шуля пугалась этих рук с синими вздутыми венами. И было странно, что они умели осторожно перестелить Шулину постель, обтереть ее тело спиртом и сломить невольное сопротивление.

Фелиция молча делала свое дело, и указания девочке давала голосом отрывистым и монотонным, как будто обращаясь к кому-то, кто находится не здесь, а где-то далеко, и по делу, никак не связанному ни с этим местом, ни со временем. Она требовала, чтобы Шуля после еды читала благодарственную молитву, повернувшись лицом к висевшему над кроватью распятию.

Почувствовав, что силы возвращаются к ней, Шуля набралась храбрости и попросила монашку принести ей что-нибудь почитать. Вынужденное безделье было для нее невыносимым. Вокруг нее целыми днями царила полная тишина. Лишь изредка со двора доносились голоса людей и звон колоколов по утрам и вечерам. Монашка глянула на девочку и ничего не ответила. Вечером она принесла

две книги. Шуля обрадовалась, но это оказалось «Жития святых» и «Евангелие»

Шуля принялась перелистывать книгу.

«В то время ученики приступили к Иисусу и сказали: кто больше в царстве небесном? Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них и сказал: «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в царство небесное. Итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в царстве небесном; и кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает; а кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской... Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лицо Отца Моего Небесного. Так как нет власти Отца вашего Небесного, чтобы погиб один из малых сих».

Шуля оторвалась от книги. Ей вспомнилось убийство Сролика.

— Ведь и те два бандита были христиане и говорили во имя Иисуса, — подумала она, — и работница Уршула, как она бегала каждое воскресенье в костел! Выговаривала матери, что та не молится. Но Шулина мать не убивала, и ни один из тех евреев, которых она знала, не был убийцей.

Шуля отложила книгу в сторону, но че-

рез минуту снова взяла ее. Разве Иисус виноват, что люди извращают его учение? Почему это так? — подумала Шуля и снова принялась читать:

«И вот, Некто подойдя сказал Ему: «Учитель Благий! Что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную? Он же сказал ему: что ты называешь меня благим. Никто не благ, как только один Бог. Если же хочешь войти в жизнь вечную, соблюдай заповеди. Говорит Ему: какие? Иисус же сказал: не убивай, не прелюбодействуй; не кради; не лжесвидетельствуй; почитай отца и мать, люби ближнего твоего, как самого себя. Юноша говорит Ему: все это сохранил я от юности моей; чего еще недостает мне? Иисус сказал ему: если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах, и приходи и следуй за Мною. Услышав слово сие, юноша отошел с печалью, потому что у него было большое имение.

Иисус же сказал ученикам Своим: истинно говорю вам, что трудно богатому войти в Царство Небесное; и еще говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в Царство Небесное».

«Но ведь среди тех, которые убивали евреев, было много и бедных—рабочих и батраков. Как же это понять?» — запуталась Шуля.

Без особой охоты открыла она вторую книгу, но эта заинтересовала девочку больше.

Страдания святых напомнили ей преследования евреев.

Однажды утром сестра Фелиция принесла ей серое, длинное до щиколоток платье, белый передник, темный чепчик и сандалии.

После того как Шуля оделась, Фелиция придирчиво осмотрела ее с ног до головы и недовольно пожала плечами: несколько локонов выбилось из-под чепчика, золотыми колечками скользнув на лоб девочки.

— Не на танцы идешь, а к матери Беате, — поджав губы, упрекнула монашка девочку.

— Помни, ты находишься в монастыре, и всякое кокетство здесь — гадко.

Шуля смущалась. Монашка натянула девочке чепчик до середины лба, спрятала под ним непокорные локоны и велела идти вслед за ней.

Дверь кельи отворилась, и Шуля вышла в длинный мрачный коридор. По обеим сторонам — закрытые двери, выделяющиеся светлыми пятнами на фоне серого сводчатого потолка. Во всю длину коридора мягкая дорожка, поглощающая звук шагов. В конце коридора — круглый зал с высокими сводами и окнами до потолка. Здесь единственная мебель — некрашенные деревянные скамьи, а со стен смотрели друг на друга картины с изображением Святого семейства. Справа, под большой картиной, писанной маслом, несколько ступенек к двери, скрытой тяжелой портьерой.

Сестра Фелиция поднялась по ступенькам и осторожно постучала в дверь. Дверь открылась, и девочка увидела перед собой комнату чуть больше кельи, в которой она лежала.

Солнечные лучи заливали белые стены, проникая в комнату сквозь два больших окна. Не то кабинет, не то жилая комната. У окна письменный стол, покрытый темно-зеленой тканью и сверху стеклом, на нем письменные принадлежности. Рядом со столом — стеллаж, заставленный папками и толстыми книгами в коленкоровом переплете с позолоченными буквами на корешке. С другой стороны — узкий, обтянутый темно-зеленой кожей диван; на стеле между окнами — большое деревянное распятие. К распятию ведут две ступеньки. На верхней лежит маленькая подушечка, тоже обтянутая зеленой кожей.

Возле стола в глубоком кожаном кресле сидит монахиня, склонившись над кипой бумаг.

При виде Шули и Фелиции она подняла голову. Это была старая женщина, лет сорока. Лицо изрезано морщинами, но глаза полны жизни. Она посмотрела на девочку, и в глазах ее вспыхнули искорки.

— Я привела девочку, мать Беата, — сказала сестра Фелиция и почтительно поцеловала высохшую руку старухи.

— Спасибо, сестра Фелиция.

Монашка вышла, тихонько закрыв за со-

бой дверь, и оставила растерявшуюся Шулю у входа.

Мать Беата внимательно посмотрела на нее, и насмешливо-веселая улыбка промелькнула на ее губах. Жестом она пригласила девочку подойти к ней. Шуля подошла к столу.

— Как твое имя?

— Оните Дудайте, — тихо ответила та дрожащими губами.

Монахиня нахмурилась, улыбка исчезла с ее лица и взгляд стал жестким.

— Не забывай, перед кем стоишь, — строго сказала она, — ты не в еврейской лавочке, должна говорить правду!

Шуля побледнела.

— Здесь не гестапо, не бойся, дочь моя, — попыталась монахиня смягчить свои слова, видя, что девочка дрожит со страха.

Шуля вспомнила слова Терезы: «Матери Беате тебе придется рассказать правду».

— Меня зовут Шуля Вайс, — сдавленным голосом прошептала она.

Глаза игумены снова блеснули насмешливой искоркой, но тут же ее погасила спокойная серьезность.

— Я сразу поняла, что ты еврейка. Дело очень серьезное. Ты ведь знаешь, что за укрывательство еврея грозит смерть. Мы не можем здесь укрывать людей, проклятых Богом. Евреи сами виноваты в своем несчастье, на

них проклятье Господне. Ибо так сказал о них Господь наш Иисус: «Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! Сколько раз хотел я сбрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели!» Не будет евреям во веки спасения, доколе не раскаются в своей гордыне и не признают Божьего Мессию Иисуса».

Шуля тихо стояла, понимая, что сейчас ей нельзя ничего говорить. Ее молчание понравилось игуменье.

— Сколько тебе лет, дочь моя?

Шуля хотела было ответить «двенадцать», но вспомнила, что с начала войны уже прошло два с половиной года, хотя разве можно назвать эти два года жизнью? Иногда ей казалось, что детство ее ушло безвозвратно и что она стареет с каждым днем.

— Пятнадцать, — неуверенно ответила она.

— Пятнадцать, — повторила вслед за ней игуменья, — ты еще молода. Я надеюсь, что Пресвятая Богородица смилостивится над тобой и озарит твою душу Святым духом. Сестра Тереза просила за тебя, и я готова взять на себя риск и приютить тебя. Может быть, и ты со временем примкнешь к великому лагерю славящих имя Иисуса и найдешь среди сих стен покой для своей заблудшей души.

Старуха позвонила. Дверь тихо отворилась, и вошла Фелиция.

— Переведи ее к новым воспитанницам, — сказала мать Беата. — Сестра Фелиция будет твоей наставницей и станет смотреть за тобой, — снова повернулась она к Шуле. — По всем вопросам обращайся к ней. Надеюсь, Волею Матери Божьей, мне не придется слышать жалоб на тебя.

Шуля повернулась к двери.

— Преклони колени и поцелуй руку матери игумены, — остановив девочку, прошептала Фелиция.

Прошло несколько дней, и Шуля втянулась в ритм новой жизни. К ней как будто вернулось прежнее душевное равновесие. Внешне она была всем довольна.

Работу свою Шуля выполняла старательно и усердно. Она легко все скривывала и запоминала. Воспитатели были ею довольны. Они полагали, что из нее выйдет добрая монахиня. Никогда ее не видели бездельничающей или занимающейся делом, не подбадривающим воспитаннице монастыря: она не прихорашивается перед зеркалом, не кокетничает. Никто не слышал, чтобы она смеялась или громко разговаривала с подругами. Чаще всего она забивалась одна в уголок, склонившись над рукоделием или книгой.

Жизнь воспитанниц состояла из молитвы, работы и учебы. Около тридцати девочек в возрасте от девяти до семнадцати лет размещались в особом корпусе в конце мона-

стырского двора. Восемь-девятнадцать девочек жили вместе в одной длинной комнате, в которой вдоль стен стояли узкие железные кровати и между ними маленькие тумбочки — одна тумбочка на две койки. В спальне было холодно и неуютно. Кровати, застланные белыми простынями, выглядели как солдаты в строю.

Перед восходом солнца дежурная монашка будит воспитанниц на утреннюю молитву. Услышав звонок, Шуля радостно поднимается, торопливо надевает серое платье, встремливается в простыню на постели и выходит из спальни. Построившись парами, девочки выходят на двор, оттуда — в маленькую монастырскую капеллу.

Полутьму зимнего утра рассеивает свисающая с потолка большая лампада и вторая, поменьше, горит перед алтарем. Воспитанницы входят парами и опускаются на колени с одной стороны алтаря. Затем входят остальные жительницы монастыря: монашки и послушницы — и становятся на колени с другой его стороны. Наконец, когда все уже на своих местах, появляется мать-игуменья в сопровождении священника.

После молитвы — два часа работы: кто прибирает комнаты, кто помогает на кухне, кто во дворе. Во время завтрака — короткая молитва, и опять работа до полудня. Старших учениц, бывает, посылают на различные работы в город. Монастырю принадлежал приют для

подкидышей и сирот, а также прачечная и швейная мастерская. Учениц обучали уходу за младенцами, шитью и вышиванием.

После полуденной молитвы воспитанницы группами, по возрасту, собирались в нескольких комнатах, служивших учебными классами.

В группе Шули было восемь девочек. Учил их молодой монах брат Бонифаций. Большая часть уроков посвящалась религии: молитвы, основы католической веры, история христианской церкви, религиозные гимны и жития святых. Уроки наводили на Шулю тоску. Ей хотелось уроков естествознания, литературы. Однажды она даже задремала на уроке, и ее спасла соседка по комнате, подтолкнув локтем. Выручила Шулю отличная память. Она легко заучивала целые главы из жития святых и молитвенные гимны.

Учитель часто хвалил усердие и прилежание Оните.

Только одного не мог понять брат Бонифаций: как это такая способная девочка не принимает участия в классных беседах. Брат Бонифаций изучал педагогику и считал себя современным воспитателем. Он старался развивать самостоятельное мышление у своих учениц, проводя беседы и дискуссии об основах веры. Но на все вопросы у него был один ответ: такова воля Божия, и нам, простым

смертным, не дано познать скудным умом нашим пути Его.

Соученицы не дружили с Шулей: считали ее заносчивой. Она не принимала участия в их болтовне, шутках и шалостях, которыми они намеренно сердили сестер. Многие девочки вообще не думали стать монашенками. В монастырь их привела война, отсутствие крова над головой. Большинство хотело получить какую-нибудь специальность и после войны оставить монастырь. Некоторые даже посмеивались над религиозным усердием монашечек и за спиной показывали им язык. Другие притворялись, подлизывались к монахине-воспитательнице, давали обеты поститься, чтобы показать свое религиозное рвение, а сами потихоньку нарушали посты.

Шуле были противны все эти уловки. Сначала девочки насмехались над ней, звали ее послушницей, но в глубине души уважали ее, и в конце концов оставили в покое.

После долгих месяцев мучений, Шуля все же обрела покой и чувствовала себя в безопасности. Кроме матери-игуменьи и Терезы, ее тайна была известна, казалось, только ответственной за ее воспитание — сестре Фелиции. Та время от времени приглашала Шулю к себе в комнату, старалась втянуть ее в разговор, расспрашивала о планах на будущее.

Шуля не скрывала от монашки, что она хотела бы стать медсестрой. Она все еще на-

деялась встретить когда-нибудь свою мать и работать вместе с ней.

Сестра Фелиция одобрила ее желание и даже обещала, что монастырь поможет ей. Многие монахини работают в больницах, и Шуля сможет стать медсестрой, но для этого ей нужно будет связать свою судьбу с монастырем. Шуля промолчала. Это рассердило монашку. Она привыкла слышать от воспитанниц клятвы и заверения, которые те произносили, преклонив колени и возведя глаза к небу; потом однако, сестра Фелиция не раз уличала девочек в нарушении клятв.

Оните же не клялась, в ее душу не так-то легко было проникнуть. Это был закрытый мир.

Когда по вечерам Шулей овладевало чувство одиночества, она выскользывала из комнаты и отправлялась бродить одна по темным коридорам и залам монастыря. Коридор со сводчатым потолком выглядит в темноте как древняя пещера, в которой первые христиане укрывались от преследований.

Спокойно и хорошо ей бывало только рядом с Терезой, но лишь изредка Шуле разрешали сопровождать ее старшего друга, когда Тереза отправлялась в город. Сестра Тереза, любительница искусства, водила Шулю по костелам и монастырям, рассказывала об их архитектуре и стиле икон и росписей. Шуля любила ходить в красивый костел Святой

Анны, смотреть издали на его тянущиеся ввысь башни.

Два-три раза в неделю девочек возили на групповую прогулку. Построившись парами, они проходили по улицам города, топча подтаявший снег, разглядывали дома и полупустые витрины, чтобы как-то развеять скуку.

Но для Шули эти прогулки были какой-то разрядкой. Она жадно взглядалась в лица прохожих: может, встретится кто-нибудь свой? Иногда они видели евреев, подметавших улицу. На их согнутых спинах желтела шестиконечная звезда, бледно-серые лица сливались с цветом растоптанного снега, который эти тени людей из последних сил сгребали к обочине.

Шуля с надеждой взглядалась в измученные лица: может быть?.. Но напрасно.

БИРУТЕ МАГДАЛЕНА

Прошла суровая зима. Снежные бураны бушевали вовсю; долгие месяцы земля была покрыта снегом. Кровь, впитавшаяся в землю, не заставила его покраснеть. Он оставался белым и блестел под бледными лучами зимнего солнца, пока не серел под ногами прохожих.

В апреле растаявший грязный снег наполнил придорожные канавы. Временами мут-

ная вода переливалась через края канавы и заливала тротуар и мостовую. Прохожие недовольно кривились, поднимали ноги повыше и бормотали:

— Евреев, вроде, уже нет, а порядки еврейские остались...

Тереза обещала Шуле взять ее вечером на прогулку. После уроков Шуля вошла в круглый зал перед кабинетом матери-игуменьи. Она хотела пройти в длинный коридор, по обе стороны которого были двери в кельи монахинь, однако в удивлении остановилась: в коридоре возле окна стояла группа девочек. Все были одеты в длинные темные платья, похожие на те, которые носили воспитанницы монастыря, и черные береты на головах. Девочки выглядели испуганными и растерянными. На скамье, заваленной узелками, сидели две незнакомые монашки. Из-за двери кабинета матери Беаты доносились голоса. Шуля подумала было вернуться назад, но любопытство одолело ее. Она прошла по коридору и остановилась перед дверью в келью сестры Терезы. Постучала — ответа нет. Что случилось с сестрой Терезой? Неужели забыла? Впервые Шуля не застала ее в комнате в назначенное время. Она уже собралась вернуться к себе, как в конце коридора увидела высокую тонкую фигуру монашки, торопливо идущей навстречу.

Не сказав ни слова девочке, Тереза открыла дверь и жестом пригласила ее войти.

— Сядь, Оните, — сказала она коротко, указывая на табурет, а сама стала у окна. Несколько минут прошли в молчании. Шуля смотрела на чуть согнувшуюся спину монашки, заслонившей от нее все окно, и ждала. Наконец Тереза повернула к ней лицо. Оно было краснее обычного, веки нервно подрагивали. Шуля почувствовала, что ею тоже овладевает беспокойство.

— Ты видела этих девочек? — заговорила вдруг монахиня, шагая взад и вперед по маленькой комнатке. — Их выгнали сегодня утром из монастыря сестер Урсулинок. Уж и святых мест не уважают антихристы эти, — процедила она сквозь зубы, — а еще католики, язычники проклятые!

Шуля молчала, она не поняла: кто эти язычники? Немцы?

— Ох, Господи Боже, не давай свинье рога, а то весь мир забодает, — вздохнула монахиня, опустившись на стул. — Всего несколько лет назад они получили Вильно* и

* Вильно было в 1921 году захвачено польским генералом Желиговским. Все годы литовцы напрасно требовали от международных организаций возвращения им их исторической столицы. Только в 1939 году они получили ее от Советского Союза и тут же начали преследовать поляков, проживавших в Вильно и окрестностях.

уже думают, что они господа над нашими душами, — продолжала она ворчать, поджав губы.

Шуле казалось, что Тереза совсем не смотрит на нее и разговаривает сама с собой. Только теперь ей стало ясно, что речь идет о литовцах. Сестра Тереза была полькой. Шуля давно заметила, что она недолюбливает литовцев. Даже верность христианским заповедям не могла уменьшить эту неприязнь, и временами она прорывалась даже в ее словах. Тереза не могла примириться с поражением Польши и не прощала литовцам того, что они стали хозяевами ее родного города.

Несколько успокоившись, она рассказала Шуле, что литовские власти закрыли монастырь Урсулинок, заподозрив, что он поддерживает связи с польским подпольем. Нескольких монахинь арестовали, остальных изгнали. Группу воспитанниц перевели сюда.

— Антихристы! — не могла успокоиться сестра Тереза. Потом она опустилась на колени перед распятием и погрузилась в молитву.

Вечером, войдя в спальню, Шуля увидела, что там стало теснее: добавились две кровати. На соседней кровати из-под одеяла торчала рыжеволосая голова. Новая соседка Шули спала, уткнувшись лицом в подушку.

Шуля проснулась от неприятного ощуще-

ния: кто-то смотрел на нее. Открыла глаза, и ее взгляд встретился со взглядом пары уставившихся на нее темнокарих глаз. Шуля вздрогнула, в ней пробудилось смутное воспоминание. «Я знаю эту девочку!»

Новая девочка задрожала, отвернулась и вытянула одеяло на голову.

«Кто она, где я ее видела?» — билось в голове Шули. Вдруг выплыло откуда-то из глубин подсознания: «Ведь это же Ривкеле! Ривкеле Виленская с улицы Мапу!»

Ее захлестнула волна радости: Ривкеле Виленская жива и находится рядом с ней. Шуля огляделась по сторонам: все спят. Спальню освещает бледный свет луны и маленькая лампадка, перед иконой Девы Марии. Без колебаний Шуля встала с постели и подошла к кровати соседки. Осторожно стащила одеяло с головы девочки. Как изменилось лицо подруги, как вытянулись и ввали щеки, которые когда-то были такими круглыми... И эти синие круги под глазами...

— Ривкеле, — прошептала она, — Ривкеле, это ты?

Но девочка вся сжалась, будто ее ужалила змея. В глазах ее застыл ужас.

— Ривкеле, не бойся, это я, Шуля. — Шуля попыталась взять ее за руку и обнять.

Девочка задрожала всем телом, ее лицо исказилось, губы пробормотали:

— Никакая я не Ривка!.. И не знаю такой, я Бирute Магдалена. Чего ты пристала ко мне, жидовка?

Она оттолкнула Шулю и откатилась на край кровати:

— Я добрая католичка и скоро стану монашенкой. Вот видишь?! — крикнула она сдавленным от слез голосом, вытащила из-под рубашки большой и толстый медный крест, висевший у нее на груди, и стала пылко целовать его.

— Но, но... Ведь я тебя знаю. Мы же с улицы Мапу, — со слезами в голосе повторяла Шуля шепотом.

— Нет, нет... Ты меня не знаешь. Никогда я не жила на улице Мапу. Никогда у меня не было никаких дел с жидами, — чуть не выкрикнула девочка, и Шуля испугалась, как бы не проснулись остальные.

— Если не отстанешь от меня, я закричу и расскажу всем, что в монастырь пробралась жидовка, — сдавленным голосом прошипела девочка прямо в лицо Шуле, — Я ненавижу жидов, на них проклятие Иисуса!

Шуля отпрянула: «Неужели я ошиблась? Если так, то зачем я ей раскрыла, кто я?»

Долгие часы Шуля ворочалась в постели и не могла заснуть. Утром, когда она проснулась, соседки уже не было в спальне. Шуля увидела ее снова в капелле после молитвы. Там состоялась короткая церемония зна-

комства: игуменья вызывала каждую девочку, та опускалась перед ней на колени и целовала ее руку.

— Бируте Мария Магдалена, — вызывала мать-игуменья, — сестры передали мне, что ты уже выбрала себе путь, решила присоединиться к святой семье невест Иисуса. Благословенна будь среди нас!

Игуменья наклонилась и поцеловала девочку в лоб.

Когда все выходили из капеллы, Шуля заметила, что девочки нет. Задержавшись в дверях, Шуля заглянула внутрь: Бируте лежала на полу пустой церкви, распластавшись перед распятием.

И на обеде Шулина новая соседка отсутствовала. На недоуменный вопрос Шули сестра Фелиция ответила, что девочка очень набожна и по случаю перевода сюда, на новое место, дала обет поститься. Она молится, чтобы Святая Дева осветила ей путь на новом месте.

Только к ужину девочка пришла в сопровождении дежурной монашенки. На бледном лице особенно выделялись выбившиеся из-под чепчика рыжие волосы и темно-карие глаза девочки.

— Это Бируте Мария Магдалена, — представила ее сестра Фелиция, — хотя она молода, но прилежна, серьезна и усердна в служе-

нии Богу, как взрослая монахиня. Она пример для вас.

«Нет, не ошиблась я, это Ривкеле, а никакая не Бируте Магдалена», — не колебалась больше Шуля: это Ривкеле Виленская с улицы Мапу, она только выросла и возмужала.

Шуля решила последить за ней и улучить подходящий момент, чтобы поговорить. Бируте села за стол рядом с ней и поздоровалась легким наклоном головы, как будто сейчас впервые встретились.

Недели текли за неделями, складываясь в месяцы, и в однообразной жизни монастыря не происходило ничего особенного. Новых учениц распределили по классам. Каждое утро они тоже отправлялись на работу, а после обеда шли на уроки брата Бонифация. Бируте Магдалена не отличалась на уроках, как Шуля. Когда приходилось на память читать отрывки из Священного писания, она часто спотыкалась. Зато она отличалась на «теоретических беседах», и учитель всегда хвалил ее ответы. Молилась она больше взрослых монахинь. Часто можно было ее видеть стоящей на коленях или распростертой лиц перед распятием, она давала все новые обеты и постилась все чаще. Шулю она как будто не замечала: ни разу к ней не обратилась, — обходила ее стороной.

Шуля тоже перестала искать случая пого-

ворить с ней наедине. Ее ответы по закону Божию и замечания, которые она делала в разговорах с девочками, были Шуле противны. Особенно больно было, что девочка подчеркивала свою ненависть к евреям и оправдывала немцев.

Однажды Шуля не выдержала и сказала ей: «Ты такая набожная, а ведь Иисус сказал: «Прощай до семидесяти семи раз», — почему же ты оправдываешь убийство евреев?»

Бируте ответила, повернувшись к ней спиной:

— Не семьдесят семь раз евреи согрешили, но гораздо больше. Две тысячи лет прошло с тех пор, как они распяли Господа нашего Иисуса, и все еще не раскаялись. Нет им прощения.

ВСТРЕЧА

Весна 1944 года пришла поздно. Город казался погруженным в спокойствие и жил своей повседневной жизнью. Но острый глаз мог заметить, что под покровом уверенности и прочности что-то бурлит.

Возле продовольственных магазинов вытянулись очереди. То тут, то там собирались группками люди, шептались о чем-то, но за-

видя военного, тут же расходились, прячась в подворотнях.

С улиц города уже исчезли люди с эмблемой черепа на шапках, совсем не стало видно молодежи. Время от времени жителей пугал гул летящего самолета, и глаза со страхом поднимались к небу.

Гордое спокойствие на лицах литовцев сменилось мрачной тревогой. И чем меньше становилось на улицах людей в литовской фирме — серой, с узкой, желтой каймой — тем чаще встречались немецкие мундиры: коричневые и светло-зеленые. Только походка немцев стала торопливее, будто они боялись опоздать на поезд. Часто с оглушительным шумом и ревом сирены проносились автомобили и исчезали за поворотом.

Известия с восточного фронта были для немцев неутешительны. Большинство больниц были очищены от штатских больных и отданы военным. Караванами шли машины и составы, полные раненых. Иногда их разгружали в городе, чаще отправляли дальше на запад. Ходили слухи, что леса полны дезертиров. По дорогам, проходящим близ леса, не проехать: там хозяйничают шайки вооруженных бандитов.

Известия проникали и в монастырь. Иногда кое-что срывалось и с уст сестры Терезы. Она в последнее время стала молчаливее, и

лишь изредка находила свободное время для Шули.

Как-то раз сестра Тереза не вернулась с работы. Что с ней случилось? В монастыре об этом не говорили. Сестра Фелиция угрюмо промолчала, когда Шуля спросила ее о Терезе.

Иногда, когда воспитанницы проходили по городу, тишину улицы вдруг разрывал треск выстрелов, и люди спешили скрыться во дворах и подворотнях. Одна Шуля не торопилась. Всякое такое происшествие возбуждало в ней тайные надежды. Она вспоминала тот зимний вечер, когда Анатолий бежал из их дома и когда она потеряла мать.

Однажды сестра Фелиция сказала Шуле, что, игуменье известно ее желание стать медсестрой, и с завтрашнего дня она будетходить на работу в больницу. Вместе с Шулей послали и Бируте Магдалену. Сопровождала их одна из взрослых монашек.

Теперь они возвращались в монастырь поздно вечером. До смерти усталые после двенадцати часов непрерывной работы, они ужинали, торопливо молились, падали в кровать и моментально засыпали.

Групповые прогулки по городским улицам стали редкими, но Шуля по ним не скучала. Слишком уставала на работе.

Однажды в воскресенье, в час, когда толпы людей выходили из костела, Шуля, про-

ходя по улице вместе с соученицами, заметила на тротуаре мальчика, одетого в рыжий деревенский полушубок. Он стоял в стороне, засунув руки в карманы. Шуля уже почти прошла мимо, как мальчик повернулся, и их взгляды встретились.

— Шмулик! — у Шули внутри все дрожнуло от радости и внезапного страха. Она с трудом подавила рвавшийся из груди радостный крик.

Шуля заметила, что мальчик побледнел и сделал шаг ей навстречу. Это длилось всего один миг. Тут же на лице его появилась маска безразличия, он отвернулся и стал смотреть по сторонам, как деревенский житель, впервые попавший на оживленную городскую улицу.

Шедшие сзади пары подтолкнули Шулю в спину. Оглянувшись, девочка увидела, что Шмулик идет вслед за ней.

Из открытых ворот выехала машина и загородила дорогу. Колонна девочек остановилась. Шуля заметила, что и мальчик тоже остановился.

— Нет! Это, несомненно, Шмулик, и он идет за мной.

Повернувшись, она увидела, что мальчик вытащил из кармана полоску бумаги, насыпал на нее махорки и свернул цигарку — совсем как взрослый. Затаив дыхание, Шуля следила за каждым его движением.

Мальчик закурил цыгарку, подошел поближе к рядам девочек, и, торопливо глянув Шуле в лицо, как бы невзначай уронил на тротуар коробок спичек. Затем он быстрыми шагами прошел вперед и исчез в боковой улочке. Шуля вытащила ногу из туфля, который был ей чуть великоват, и остановилась, чтобы снова надеть его. Наклонившись, она подняла спичечный коробок и сунула его в карман платья. Спустя несколько минут она уже стояла в воротах монастыря. Какое-то внутреннее чувство заставило ее еще раз оглянуться назад. В воротах одного из домов стоял Шмулик и провожал взглядом девочек, входивших во двор монастыря.

С бьющимся от нетерпения сердцем Шуля побежала в туалет и открыла коробок. Внутри на донышке было написано карандашом: «Жду тебя в 10 вечера. Приходи».

В десять вечера... В десять... Шуля знала, что у нее нет никакой возможности выйти в это время за ворота монастыря. Они запираются в девять. И если даже она сможет выйти, то как вернуться? Однако она должна встретиться со Шмуликом, должна поговорить с ним!

Мозг Шули лихорадочно работал. С трудом она заставила себя съесть обед, чтобы не привлекать внимания соседок по столу.

Она решила, что в восемь часов она выскользнет из монастыря, пойдет в больницу,

в которой она работает — повод для этого всегда можно найти, и в десять будет стоять на месте встречи.

Но где оно, это место? Она медленно пойдет по улице. Наверняка, он где-нибудь будет ждать...

В половине десятого Шуля уже шагала по улице погруженного во мрак города. Впервые с тех пор, что она попала в монастырь, находится она так поздно на пустой улице. Навстречу медленно шагал полицейский. Бросил на нее мимолетный взгляд и прошел дальше. Вот уже и монастырь высится перед нею.

Ее охватил страх: неужели ей только показалось? Может, Шмулик вообще не придет? А может, попался?

— Шуля! — услышала она вдруг голос позади. — Не оглядывайся, не смотри на меня. Иди к развалинам.

Это был голос Шмулика. Она бы узнала его из сотни других голосов. Вся дрожа от волнения, свернула Шуля в боковую улочку. Там был целый ряд разрушенных во время бомбекки домов.

Приблизившись ко второму дому, Шуля заметила, как в развалины нырнула человеческая фигура. Она отпрянула, охваченная страхом: а вдруг кто-то следит за ней?

— Сюда, Шуля, сюда, — услышала она голос Шмулика. Секунду оба без слов стояли

друг против друга, а потом, зарыдав, крепко обнялись. Шмулик гладил волосы девочки. Он не мог сказать ни слова.

Охваченная радостью встречи, Шуля не заметила мужчины, молча смотревшего на них.

— Да это же моя сестра милосердия Онете! — услышала вдруг Шуля радостный возглас из тьмы развалин.

Не успела она оглянуться, как очутилась в крепких объятиях Анатолия Хакима.

В ПАРТИЗАНСКИХ ЛЕСАХ

Что произошло со Шмуликом после того, как партизаны подобрали его на опушке леса?

Глотнув водки, которую ему протянул один из парней, Шмулик заснул глубоким сном. Когда проснулся, обнаружил, что лежит в бревенчатой землянке. В центре землянки стояла железная бочка, распространявшая вокруг себя жар. Сквозь маленькую дверцу в бочке был виден пылающий огонь. «Партизанская печка», — улыбнулся мальчик счастливой улыбкой, глядя на скачущие по полу красные отблески.

Блаженное тепло распространилось по всему телу. После тяжелых месяцев, проведен-

ных в деревне, он наслаждался теперь теплом и покоем.

Сначала он боялся пошевелить рукой или ногой, чтобы не растаял чудесный сон и он не оказался один-одиношенек под студеным зимним небом. Однако чем больше он осматривался вокруг, тем крепче становилась уверенность, что это не сон и не привидение. Осторожно вытащил он из-под тулупа руку и дотронулся до стены. Самая настоящая, реальная стена. Сосновое бревно, можно даже отколупнуть с него ногтями кору. А вот и окошко, правда, совсем крошечное — форточка, но и сквозь него проникает внутрь свет. Глаза ищут вход в землянку. Сбоку от крошечной форточки Шмулик рассмотрел несколько земляных ступеней, ведущих вверх, но входа так и не увидел.

Усталость овладела им, и он снова уснул.

— Эй, парень, сколько же ты собираешься спать? Партизанка не для сонь! — вдруг услышал он над собой насмешливый голос.

Шмулик проснулся, открыл глаза и рывком сел на постели.

— Чего испугался? Ты что — трус?

Перед Шмуликом стоял тот самый усатый смуглолицый парень, которого товарищи называли «Толик».

— Как дела, милок, — ласково спросил он. — Ну, успел отдохнуть малость? Вот я принес тебе обед.

Он протянул Шмулику жестяной походный котелок, полный густых щей, в которых плавали куски мяса. Улыбаясь, он смотрел на мальчика, поглощавшего еду с голодной жадностью.

— Пойдем, парень, представлю тебя командиру, — сказал он.

Шмулик растерялся.

— Что мне сказать командиру? Не выгонит он меня?

— Будем надеяться, что нет. Анатолий опять улыбнулся.

Шмулик было собрался слезть с постели, но едва высунув ступни ног, скривился от боли: отмороженные пальцы ног отогрелись под одеялом и теперь горели огнем.

— Что с тобой, малыш? — заботливо спросил Анатолий, всматриваясь в лицо мальчика.

— Ноги отморожены, не могу встать.

Анатолий взглянул на его ноги и ничего не сказал. Быстро вышел из землянки и вскоре вернулся с еще одним партизаном.

Шмулик широко раскрыл глаза: из-под теплой кубанки на воротник полушибка падали каштановые локоны.

— Лиза, посмотри-ка ноги мальчугана, — обратился к ней Анатолий, становясь на колени, чтобы снять с ног Шмулика тряпки, прилипшие к ранам. Лиза раскрыла полевую

сумку и достала из нее несколько бутылочек, ножницы и бинт.

— Мне нужна теплая вода, — сказала она, глядя на прилипшие тряпки, каждое прикосновение к которым причиняло Шмулику боль. Мальчик терпеливо сносил мучение.

— Ничего, я сам сниму, — сказал он и потянул за тряпку. Тряпка отодралась вместе с кожей, открыв глубокую рану, гноящуюся и дурно пахнущую.

Лицо Лизы потемнело.

— Плохо дело, — сказала она.

Промыв и забинтовав рану, она велела Шмулику оставаться в постели.

— Когда же я смогу встать? — спросил он с беспокойством. — Не годится мне отлеживаться здесь, я хочу воевать с немцами.

Лиза и Анатолий, съянив на Шмулика, прыснули со смеху. Шмулик покраснел.

— Что они смеются надо мной? — подумал он. — Разве я сказал глупость?

— Ничего, друг мой, еще навоюешься, — Лиза похлопала его по плечу. — Через два дня я приду менять повязку. До тех пор лежи тихо и не мочи ноги, слышишь?

Шмулик посмотрел на девушку. Она показалась ему очень юной. «Не намного старше меня, — подумал он, — а уже настоящая партизанка. А я?..»

Он, не отрываясь, смотрел на Лизу. Если бы не ее длинные волосы, она, высокая и

стройная, выглядела бы совсем как парень. Мужская одежда шла ей.

— Будь здоров, браток, поправляйся скончайся, — повторила она, и Шмулик уловил тень беспокойства на ее лице.

— Кто она, эта еврейская девушка? Как она попала в партизаны? — размышлял он, оставшись один.

Почти две недели Шмулик был прикован к постели. Ногти на пальцах ног слезли, и раны заживали медленно. Когда Анатолия не было в землянке, ухаживали за Шмуликом Лиза и друзья Анатолия.

Шмулик уже успел познакомиться со многими евреями-партизанами, а также и с неевреями. В землянке кроме Анатолия жило еще трое парней: двое русских и один еврей. Но лишь изредка случалось им собираться вместе. Всегда кто-нибудь отсутствовал: то уходил на задание, то стоял на посту.

В отряде было четырнадцать евреев-партизан. Анатолий командовал взводом. Из евреев-партизан особенно привязался Шмулик к Гедалье и Ошеру — двум неразлучным друзьям. Они вместе ходили на задания, вместе возвращались в землянку отдыхать, вместе являлись на кухню обедать. Но постоянно вели между собой громкие бесконечные споры.

Внешне они были разные: Гедалья — высокий, широкоплечий богатырь, с большой круглой головой на короткой шее. Он сла-

вился в отряде как отличный пулеметчик. Говорил он сдержанно, глубоким приятным баритоном. Он не любил рассказывать о своем прошлом. Но все знали, что до войны он учился в ешиботе.

Как-то партизаны начали подшучивать над бывшим ешиботником, Гедалья встал и, не говоря ни слова, исчез в лесу. Вернулся он лишь на заре, когда его взвод должен был принять охрану лагеря.

Его друзья-евреи знали, что если в канун субботы Гедалья был свободен, он исчезал на часок в чащце леса. Он уединяется, чтобы «чуток» помолиться, — шептались ребята.

Командир ценил его смелость и не раз после вылазки объявлял ему благодарность в приказах по отряду и представлял к награде.

Гедалья любил петь. Вечерами у костра плыл над лесом глубокий его баритон. Друзьям-евреям иногда удавалось уговорить его затянуть «а земерл», и тогда звучали в землянке задушевные хасидские мелодии, молитвы или народные песни.

Но Гедалья редко доставлял им это удовольствие. Чаще всего он обрывал их уговоры русской партизанской песней.

Ошер был совсем другой. Маленький и щуплый, с мелкими чертами лица, он выглядел рядом с Гедальей как мальчишка порывистый и нервный. Он ходил мелкими быстрыми шагками, как барышня. Волосы у не-

го были гладкие, редкие. Разговорчивый, он много рассказывал о своем местечке и о семье, о своем детстве и о своих подвигах. Иной раз он, забывал, что рассказывал раньше, и придумывал новый вариант, отличавшийся от предыдущего.

Товарищи подшучивали над ним, но любили его слушать. Ошер был мастер рассказывать. Особенно удачно он описывал быт местечка, рассказывал анекдоты из местечковой жизни. Слушатели были довольны, смеялись и на какое-то время забывали, что все это уже ушло далеко в прошлое.

Но еще больше удовольствия рассказы доставляли его русским друзьям. Они не были знакомы с еврейским бытом, и наивно верили его побасенкам.

До войны Ошер был портным, но теперь он остерегался вспоминать об этом. Когда друзьям хотелось подразнить его, они звали его «портняжка». Ошер обижался, огрызался сердито, но быстро отходил и вновь принимался рассказывать.

Теперь он исполнял обязанности «второго номера» в пулеметном расчете Гедальи, т. е. носил пулеметные диски. Он привязался к Гедалье и ходил за ним как тень. Ошер не отличался храбростью, но в час опасности не отставал от Гедальи. И не раз друг спасал пулеметчика от смерти.

Среди русских партизан членно поле-

бился Шмулику Алешка - «хохол». Высокий парень с густой светлой шевелюрой, озорные волосы падали на лоб, доставая до маленько-го вздернутого носа. Алешка попал сюда с севера. Родом он был, собственно, из-под Ленинграда, и товарищи его, как и он сам, не знали, почему пристала к нему кличка «хохол».

Алешка был душой отряда. Веселый и живой, всегда готовый поддержать песню или пуститься в пляс. Он играл на баяне, который раздобыл в одной из вылазок. В любом походе, даже во время утомительного отступления при облавах, которые немцы частенько устраивали, он нес баян на плече вместе с винтовкой.

Алешка был во взводе Анатолия. Он тоже привязался к молчаливому Гедалье и жил вместе с двумя друзьями в одной землянке.

Когда ноги Шмулика зажили настолько, что он уже мог ходить, к нему пришел Анатолий, хлопнул его по плечу и сказал:

— Хватить бездельничать, парень, пришло твое время!

Шмулик вскочил.

— А винтовку мне дадут? — поднял он на Анатолия блестящие от радости глаза.

— Не спеши, парень, — усмехнулся тот, — винтовку так быстро не дают. Да зачем тебе оружие? Тебя в хозвзвод назначили. Пойдешь на кухню помогать Гале-поварике.

Мальчик насупился. Грустно поплелся он за Анатолием, который, почувствовав, что парнишка повесил нос, стал его утешать:

— Ты, друг, не волнуйся. Это временно, пока совсем не выздоровеешь. Да и босой ты. Сначала нужно раздобыть тебе сапоги. Он показал на ноги Шмулика, все еще обмотанные кусками брезента, чтобы не промокали в талом снегу.

«БОМБЕЖКА»

Вот уже несколько недель Шмулик помогает на кухне: собирает сухой хворост для растопки, колет дрова, носит воду, а большей частью сидит и чистит картошку. Настроение у него мрачное. Не такой он представлял себе жизнь в партизанах.

— Будто снова у Федьки, — изливал он обиду Алешке. В присутствии Анатолия он был сдержаннее: видел в нем командира, да и тот сохранял в отношениях с ним некоторую дистанцию, хотя мальчик полюбился ему.

Как-то раз на кухне появился Алешка. Несмотря на возмущенные крики Гали, схватил со сковороды порядочный кусок мяса и прошептал на ухо Шмулику:

— Нынче ночью идем на «бомбежку», возьмем тебя с собой и раздобудем тебе сапоги. Смотри только не проболтайся, что я тебе

рассказал. («Бомбежками» в отряде называли налеты на какую-нибудь враждебную партизанам деревню, чтобы раздобыть продукты и одежду).

Весь день Шмулик ходил сам не свой. Анатолия он не видел и не мог удостовериться, правду ли сказал Алешка.

Но когда вечером он вернулся в землянку, неожиданно появился его командир и, улыбаясь, окликнул его:

— Готовься, парень, выходим!

В один миг Шмулик был за дверью, бегом промчался вслед за Анатолием между двумя рядами землянок, которые теперь, когда талый снег капал с покатых крыш, похожи были на большие собачьи конуры.

В конце лагеря стояла телега, запряженная парой лошадей. В телеге уже сидела медсестра Лиза. У нее кончился запас перевязочных материалов, и она ехала, чтобы раздобыть льняного полотна для перевязок. Рядом с ней развалился Алешка, который на этот раз был кучером.

Впереди телеги и за ней шагали группы парней, вооруженных винтовками и автоматами. Последним шел пулеметчик Гедалья и его «адъютант» Ошер. Шмулик попросился было к идущим, но ему приказали лезть на телегу.

Последние дни зимы. Развезло дороги, и колеса телеги то и дело погружаются в грязь.

Из леса вышли после полуночи. Небо за-

тянуло тучами, и уже на расстоянии нескольких метров ничего не видно.

Спустя час группа вышла на мощенную дорогу, и стало легче двигаться. Алешка хлестнул лошадей, а пешие ускорили шаг.

Когда шли по лесу, переговаривались, шутили, смеялись. Теперь шагали в молчании. Только скрип колес да шаги партизан нарушали ночную тишину.

— Куда мы идем? — шепнул Шмулик на ухо Алешке.

— Кажется, в деревню К., — прошептал Алешка.

Сердце Шмулика забилось. Деревня К. — рядом с Дроздами, и ее жители участвовали в истреблении евреев в ближнем местечке. Они охотились за евреями, выходившими из местечек в поисках еды, сдирали с них одежду, стаскивали обувь и выдавали немцам.

Деревня К. была меньше, чем Дрозды, дома стояли на большом расстоянии друг от друга, и потому легче было их окружить.

Под утро группа добралась до одной из дружественных деревень. Здесь Анатолий решил остановиться и только с наступлением ночи двигаться дальше.

Выставили дозоры у околицы деревни. Свободные от наряда партизаны разошлись по домам. Анатолий, Алешка и Шмулик вошли в один из первых домов. Постучали в

окно и стали ждать. Через некоторое время послышался изнутри испуганный голос:

— Кто там?

— Это я, Алешка. Открой, хозяйка.

Дверь скрипнула, на пороге стояла молодая крестьянка.

— Здравствуй, командир, — обратилась она к Анатолию. — Здоров, Алешка! Давно уже не появлялись в наших местах.

— А блины будут? — Алешка обнял хозяйку за талию. — А горло всполоснуть тоже?

— Будет, будет и горелка, — засмеялась хозяйка, вырываясь из объятий. — Сейчас разожгу печку.

— А где хозяин?

— Дома, где ж ему быть? Пошел к лошадям.

— Нельзя ли затопить баню?

— Отчего же. Сейчас мой придет и все сделает.

Видно было, что Алешка не раз бывал здесь и чувствует себя в этой хате дома.

— А это тоже партизан? — спросила молодая женщина, насмешливо глянув на замотанные ноги Шмулика.

Мальчик застеснялся, забился в угол и спрятал свои ноги под стол.

Анатолий знал, что крестьяне с большим уважением относятся к хорошей одежде и отличному оружию партизан. Чтобы подбодрить

Шмулика, выгляделевшего совсем несчастным в своей изношенной одежде, он сказал:

— Ничего, хозяйка, вот на обратном пути заглянем к тебе, посмотришь, какого партизана тебе приведем!

После обильной еды парни отправились вместе с хозяином в баню. Давно уже Шмулик не мылся по-настоящему: с мылом и не жалея горячей воды. А когда надел чистое белье, почувствовал, как будто у него выросла новая кожа. Белая льняная рубашка, которую он получил, была в заплатах, рукава длинны и широки, но стоит ли обращать внимание на такие мелочи?

В сумерки группа двинулась дальше. После дня отдыха в деревне силы вернулись к Шмулику, и настроение у него было хорошее. Они долго шагали по проселочной дороге, пока вышли на шоссе. Тут Анатолий скомандовал остановиться. Телегу с лошадьми оставили молодому парнишке, который сопровождал их из деревни, а сами пошли дальше пешком. Шмулик сразу заметил, как посерезнели лица его товарищей. Они шагали молча, посматривая по сторонам дороги.

Во главе группы шел Анатолий, рядом с ним — Гедалья и Ошер. У Шмулика болели ноги. Обмотки промокли, и комья грязи налипли на них. Анатолий заметил, что мальчику трудно идти, остановил отряд. Сели на обочине, вытянув ноги.

— Что, парень, не так-то легко быть партизаном? — усмехнулся Анатолий.

Шмулик покраснел и насупился.

Опять двинулись вдоль дороги и вскоре добрались до открытого поля. Только кое-где по обеим сторонам еще чернели голые кроны деревьев.

Партизаны свернули с шоссе и пошли по узкой тропинке, углубились в чащу, и дошли до берега реки.

— Ну, ребята, погреемся немного перед холодной баней?

Анатолий вытащил из сумки флягу и поднес к губам. За ним выпили и остальные. У Ошера нашлась вторая фляжка, тоже полная. Глотнув, он поднес ее к губам Шмулика:

— Пей, парень, без этого не выдержишь.

Шмулик хлебнул, горло и внутренности обожгло огнем. Это был самогон. Крепкий, неочищенный, с противным запахом. Шмулика потянуло на рвоту. Он нагнулся и напился холодной воды из речки.

Парни, подняв оружие над головой, один за другим входили в воду. Мальчик поколебался мгновение и прыгнул вслед за ними.

Речка была неглубокой. Вода доходила Шмулику до пояса.

— Почему я не чувствую холода, Петька?

— спросил Шмулик.

— Почему? Ой, и дурак же ты! Разве не знаешь, что у партизана собачье тело?

Теперь они поднимались по черному торфянику. По обе стороны видны большие ямы, полные мутной воды, и по бокам их — ряды черных кирпичей.

Шли медленно, стараясь не упасть в какую-нибудь из ям. И снова шоссе, и лес по обе стороны. Но вот показался Алешка, которого послали вперед в разведку. Он что-то шепнул на ухо Анатолию.

— Ложись! — приказывает командир.

Послышался грохот колес и на шоссе показалась телега, на телеге трое мужчин: двое вооружены винтовками. Телега прокатилась совсем рядом и исчезла за поворотом.

— Жаль, — вздыхает Алешка, — эти двое — местные полицаи. Могли мы прихлопнуть их.

Шмулик понимает, что нельзя было сейчас стрелять: слишком близко к деревне. Все дело с «бомбежкой» может провалиться.

Они вышли из леса. Впереди чернели деревенские избы. Группа залегла у обочины дороги. Двух партизан послали вперед. Вскоре они вернулись.

Анатолий отдает последние команды:

— В деревне небольшая охрана, очевидно, придется пострелять. Никому не дать уйти. Брать живым или уничтожать.

Разделились на три группы. Гедалья с Ошером отправились в обход деревни. Здесь Анатолий поставил пулеметчика Петьку с дву-

мя партизанами. Остальные исчезли между избами. Шмулик следовал за Алешкой и Анатолием. До того как вошли, казалось, вся деревня погружена в сон. Даже деревенские собаки не залаяли.

Вот подошли к первым избам и тут забледяла коза. Из-за заборов поднялись три мужских тени и перед ними — два черных пса.

— Кто здесь?

— Ложись! — Анатолий придавил плечо Шмулика. Затем скомандовал: «Заходи слева».

Алешка и еще двое парней бросились вперед.

Тр-тр-сс..! — засвистели пули.

Шмулик не почувствовал, как упал под дерево. Тсс... пуля со свистом пролетела мимо него.

Шмулик поднял голову — он был один под деревом. Стрельба еще продолжалась, но где-то далеко от него. Слышно — строчит пулемет. Где ребята? Что в деревне? В окне избы напротив замигал свет. Со двора доносится шум и голоса людей. Шмулик узнал Алешку и его тройку.

Мальчик вбежал во двор. В воротах у забора наткнулся на убитого. Мальчик отпрянул назад, перепрыгнул через ров и побежал туда, откуда доносились возгласы партизан. Он нашел Алешку, тот тащил за хвост жирную свинью, а двое его товарищей помогали ему, подгоняя скотину ударами кулаков.

Свинья оглушительно визжала. Перед хлебом стояли крестьянин и его жена. Мужик молчал, а женщина произительно завыла, ломая руки.

— Эй, Васька, я о тебе позаботился! Видишь? — Алешка помахал парой блестящих сапог перед глазами Шмулика. — Когда закончим, примеришь.

Шмулик почувствовал, что голова у него идет кругом. Мычание и рев домашней скотины, смешивались с голосами мужиков и плачем женщин и детей. И все это сопровождалось руганью и смехом партизан.

Налет был совершен очень быстро. Не прошло и часа, как на улице появились две телеги, запряженные парами лошадей. На телегах громоздились мешки с картошкой, бараньи и свиные туши. Около одной из повозок Шмулик встретил фельдшерицу Лизу. Она держала под мышкой солидный сверток и пыталась осторожно поместить его между мешками так, чтобы он не запачкался.

— Это ты, Васька? — улыбнулась она ему. — Жив-здоров? И в моей помощи не нуждаешься? Отлично!

Она оглядела его и губы ее скривились:

— Однако ты все еще оборванец. Ничего себе не раздобыл? Это не дело. Пойдем, — потянула его Лиза.

Шмулик пошел за ней. Ее высокая стройная фигура, опоясанная широким военным ре-

мнем, из-за которого высывалась кобура на-
гана, внушала уважение. Но парнишку сбивал
с толку насмешливый взгляд ее глаз.

«Она смеется надо мной, считает меня ре-
бенком», — подумал он.

— Эй, открой! — Лиза ударила сапогом
в дверь ближайшего дома. Никакого ответа.

— Что, они там подохли, черт побери! —
грубо выругалась она.

— Эй, открывай! — снова заколотила она
сапогом, пока, наконец, не зазвенели стекла
маленького оконца.

Не прошло и нескольких минут, как в ок-
не замигал слабый свет. Дверь отворилась. Ис-
пуганная крестьянка в широкой полотняной
рубахе, видно, только что с постели, появи-
лась на пороге.

— Засвети-ка! — по-мужски приказала Ли-
за. — Не видишь, партизаны в деревне?

— Вижу я, милок, вижу, не гневайся...

Скоро горницу осветила керосиновая лам-
па, поставленная на стол. В углу заплакали
дети.

— Бедные мои детки, больные, — попы-
талаась крестьянка разжалобить незваных го-
стей, переводя взгляд с Лизы на Шмулика.

— Хозяйка, неси сапоги для этого парти-
зана! — приказала Лиза. — Ну, шевелись,
некогда нам!

— Сапоги?! В военное-то время? Да вы
что, милые? — притворно удивилась баба. —

Иль смеешься надо мной? Откуда я возьму сапоги?

— Не болтай, тетка, — Лиза вытащила револьвер.

— Ой, Езус Мария, да ты баба, — запричитала крестьянка, только теперь поняв, что перед нею девушка. — Детишек больных пожалейте! Нет у меня ничего. Уж и так ободрали нас как липку. Все позабирали, все, до последней рубахи... Не первый раз сюда партизаны нагрянули.

Тут Шмулик и Лиза заметили в углу сундук, накрытый цветным ковриком.

— Ну-ка, зови кого-нибудь из наших, — подмигнула Лиза парнишке.

Только Шмулик собрался выйти, как в избу ввалились Анатолий, Алешка и еще двое партизан.

— А ну, парень, примерь-ка сапоги! — позвал Алешка.

— Нечего мерить, — скривилась Лиза, — иль ты без глаз? Обе его ноги в один сапог влезут.

— Хозяйка, — повернулся Анатолий к бабе, — нужны нам сапоги для этого парнишки.

— Батюшки, родимый ты мой! — подскочила к нему баба, пытаясь поцеловать у него руку. — Пожалей!

Анатолий вырвал руку и хотел уже было выйти, как взгляд его упал на сундук.

— Хлопцы, — приказал он, — откройте-ка этот Ноев ковчег!

Баба попыталась преградить им дорогу. У Алешки лопнуло терпение, схватив ее за локоть, он оттолкнул хозяйку в сторону. Ударом топора сбил замок и поднял крышку.

Анатолий подошел, заглянул внутрь, и кровь бросилась ему в лицо: сундук был битком набит награбленным у евреев имуществом: скатерти, простыни, пододеяльники... Среди белья торчали, подобно острым кинжалам, серебряные бокалы, ящички для благовоний, субботние подсвечники.

— Хлопцы! — только и сказал он...

Все, что случилось потом, происходило в полной тишине. Баба замолкла. Шмулик и не заметил, как она вместе с двумя детьми «испарилась» из дома.

— Лиза, — обратился Анатолий к фельдшерице, — все белье забирай себе. Он сам взял наволочку и сложил в нее подсвечники и бокалы. Шмулик надел брюки и узкий пиджачок из того же сундука. Однако обуви ему не нашлось.

— Нужно поискать в погребе, — посоветовал Алешка.

Засветив лучину, он поднял несколько досок, и партизаны увидели лестницу. Не долго думая, Алешка спустился в погреб. Шмулику приказали стоять у лестницы и светить.

— Ребята, смотрите, тут прямо клад! — послышался возглас Алешки.

В углу погреба партизаны обнаружили тонкие и грубые обработанные кожи и даже скроенные сапоги. С радостными криками они вытащили находку наверх.

— Теперь сожмем тебе сапоги — красота!
— хлопнул Алешка Шмулика по плечу.

ВАСЬКА — БОЕВОЙ ПАРТИЗАН

К весне Васька уже был настоящим партизаном. Он уже забыл тот день, когда впервые взял в руки винтовку. Быстро освоил он оружие, научился попадать в цель. Винтовка у него блестела. В ранце его рядом с «неприкосновенным запасом» — несколькими кусками черного хлеба с салом — всегда лежала мягкая тряпка для чистки винтовки. На ногах у него были новенькие сапоги, хорошо смазанные дегтем, чтобы предохранить кожу от сырости.

На другой день после «бомбейки» Анатолий позвал его и велел идти к Ошеру и Гедалье. Шмулик нашел их готовыми к походу.

— Идем за хлебом для отряда. По дороге заглянем в семейный лагерь, закажем тебе сапоги. Там есть сапожник, — объяснил мальчику Ошер.

Через несколько часов они остановились на

отдых в деревне. В одном из дворов они забрали свежего, только что из печки, хлеба и свернули в лес.

— А почему вас послали за хлебом, а не кого-нибудь из хозвзвода? — удивился Шмулик.

Как правило, бойцы не ходили на хозяйственныe операции, тем более, если они только что вернулись после вылазки. Для этого были особые люди — «хозвзвод»

Друзья улыбнулись:

— Подожди, сам увидишь, почему мы вызвались пойти.

Они забрались в гущу леса. Телега остановилась. Ошер и Шмулик остались на месте, Гедалья исчез среди деревьев. Казалось, тут не было живой души. Деревья покачивали голыми ветвями, из-под колес телеги в лицо летела густая грязь. Ни дороги, ни тропинки...

Минут через пятнадцать Гедалья вернулся в сопровождении женщины и двух мужчин. Шмулика охватило чувство жалости при виде оборванных, растрепанных, неумытых фигур. Люди подошли к телеге. Увидя хлеб, они широко раскрыли глаза. Самый молодой из них не выдержал, протянул дрожащую руку, схватил большой кусок хлеба и торопливо набил им рот. Поколебавшись, двое остальных последовали его примеру. Гедалья и Ошер не вмешивались. Они молча смотрели, как люди утоляют голод. На лбу Гедальи появились глу-

бокие морщины, и даже Ошер, всю дорогу без устали болтавший, теперь молчал.

— Пошли, — нарушил молчание Гедалья, и его обычно мягкий, сдержанный голос прозвучал сердито и резко. Он снял с телеги несколько буханок хлеба и вручил их пришедшем.

Если в отряде об этом узнают, несдобровать им, — подумал Шмулик, и сердце его наполнилось еще большим уважением к двум друзьям.

— Тут еще остались куски, — сказала женщина, подбирая с телеги хлебные крошки.

— Идем, Васька, — повернулся к мальчику Гедалья.

Шмулик зашагал вслед за Гедальей в чащу леса, женщина пошла впереди.

Вскоре показалась землянка, затем другая. Это были не партизанские землянки, — возвышающиеся над землей, с покатой крышей и дерзко торчащим дымоходом, дымящим в небо. Эти скорее походили на пещеры, накрытые ветвями и присыпанные сверху землей.

Гедалья скользнул в землянку, Шмулик за ним. Слабый свет проникал внутрь сквозь входное отверстие, и Шмулик увидел мужчину, сидящего на бревенчатых нарах. Мужчина был бледен, большие глаза его безжизненно смотрели куда-то вдаль.

— Хаим, я привела тебе гостей, — сказа-

ла женщина. Мужчина чуть пошевелился и поднял на них воспаленные глаза.

— Хаим, у нас есть хлеб.

Губы мужчины дрогнули, но голоса не было слышно. Женщина протянула ему кусок хлеба.

— А... хлеб... дай, — произнес Хаим.

Шмулик вздрогнул. Теперь он узнал его: это был сапожник Хаим.

— Хаим, ты меня не узнаешь? — спросил он дрожащим голосом.

— Нет... да... ты, Шмулик... жив, — прорыдал сапожник безразличным голосом.

— Что с тобой случилось, Хаим? — начал было Шмулик, но осекся: страшное равнодушие сапожника заставило мальчика замолчать.

— Зимой во время облавы, он отморозил ноги, не может ходить, — ответила за него женщина.

— Отморозил ноги, да... Нету ног, — глухо повторил тот, кого когда-то называли Хаим-богатырь.

— Хаим, мы принесли кожу. Сможешь спить сапоги для этого парнишки?

— Сапоги? Да, — тупо бормотал Хаим, как будто смысл слов не дошел до его сознания, и добавил: «Ноги у меня болят».

— Хаим, мы приведем фельдшерицу.

Из глаз Хаима выкатились две слезы и повисли на конце бороды.

— Да, фельдшерицу, дорогой, приведи, не-вмоготу ему больше... — покачиваясь в такт словам, сказала женщина и вытерла ему лицо грязным платком.

Дважды побывал Шмулик в землянке вместе с Лизой-фельдшерицой. Она помогла Хаиму. Правда, он лишился больших пальцев на обеих ногах, но зато язвы начали заживать. Отчаяние и пугающее безразличие отступали, и постепенно возвращалась бодрость духа. Через две недели Хаим взял в руки свой молоток и вскоре Шмулик получил от него пару блестящих сапог.

От Ошера Шмулик узнал, что сначала Хаим не хотел вступать в боевой отряд. Командир поставил условие: пусть достанет себе винтовку. Хаим не захотел рисковать и пошел в семейный лагерь.

— Не повезло мне, — жаловался он, — невезучему лучше не родиться.

Шмулик смутился, ему показалось, что Хаим завидует его судьбе. Он вспомнил тот день, когда сапожник оставил его, обессилевшего, в лесу одного. На мгновенье им овладело чувство злорадства, но он тут же устыдился и поспешил расстаться с сапожником, оставив ему несколько буханок хлеба и баранье ребро с мясом — плату за труд.

Дни тянулись медленно. Шмулик с нетерпением ждал возможности поговорить с командиром Иваном Петровичем, но когда он

встречался с ним, смелость оставляла мальчика, и он не решался обратиться к нему.

Иван Петрович был русский офицер, бежавший из немецкого плена и вступивший в партизанский отряд, в котором Анатолий служил командиром взвода. Очень быстро он стал командиром роты. Евреи-партизаны уважали его за храбрость и любили за хорошее отношение к ним.

В отряде Шмулика называли Васькой. Его еще не брали на боевые операции, оставляли охранять лагерь. По ночам Васька стоял на посту с одной из девушек или со старым кююхом Андреем — отцом одного из партизан. Устремив взор в темноту, он настораживался при каждом шорохе. В первые ночи в шелесте листвы слышались ему вражеские шаги. Потом он научился различать звуки ночного леса, и уже не волновался так сильно.

Однажды, возвращаясь с поста, Шмулик наткнулся на Ивана Петровича с группой бойцов, которые только что вернулись с дерзкой и удачной операции: они пустили под откос немецкий поезд, полный оружия и солдат. Много немцев взлетело в воздух.

Командир был в хорошем настроении. После сытного обеда, который приготовила в лагере повариха Галя — поджаренное на сковороде, ароматное, приправленное луком мясо, — партизаны разошлись по своим землянкам и заснули спать. Командир остался сидеть у

костра, погрузившись в раздумье. Вместе с ним остались Анатолий и Васька. Давно уже Шмулик уговаривал Анатолия попросить командира, чтобы его перевели в боевой завод. Сейчас момент показался ему подходящим. Он потянул Анатолия за рукав.

— Иван Петрович, — обратился Анатолий к командиру, — надоело Ваське напечатать сидеть на кухне. Хочет воевать.

Иван Петрович перевел на него задумчивый взгляд, и широкая улыбка расплылась по его лицу:

— Воевать? Ну, ладно! Сколько тебе лет, парень?

— Почти пятнадцать, товарищ командир, — прибавил себе возраст Шмулик.

— Почти пятнадцать, — снова улыбнулся командир. — Значит, четырнадцать с хвостиком. Рановато еще...

— Товарищ командир, во время войны растут быстрее. Я уже больше двух лет сам о себе забочусь, многое испытал.

Лицо командира стало серьезным.

— Да, парень, в страшное время мы живем: ни детства у наших детей, ни юности. Но что ты будешь делать в боевом отряде? Задания — это ведь не игрушка. В любой момент можешь расстаться с жизнью, не хочу я, чтобы ты сложил здесь свою голову после трех лет войны. Не так уж долго осталось до освобождения.

— Товарищ командир, вот вы говорите, что война к концу приближается, а я еще ни одному немцу не отомстил, — продолжал уговаривать Васька.

Иван Петрович снова улыбнулся. Положив руку Ваське на плечо, командир поглядел на него, и на лице его появилось выражение печали и нежности.

— У меня тоже сын твоих лет, парень, — сказал он тихо. — Кто знает, найду ли его еще в живых.

— Товарищ командир! — Анатолий решил прийти Ваське на помощь, — ваш сын русский, а мы евреи. Ведь не...

Лицо лейтенанта помрачнело, глаза сердито блеснули.

— В моей деревне немцы живой души не оставили.

Анатолий хотел что-то сказать, но видя сердитое лицо командира, промолчал:

«Им этого не понять, даже самому лучшему из них».

Минуту все молчали. Иван Петрович поднялся.

— Бери его в свой взвод, — коротко приказал он и пошел прочь.

Шмулик облегченно вздохнул. Он знал, что русские командиры взводов не захотели бы его взять.

СМЕРТЬ ДРУГА

— Анатолия вызвали в землянку командира, — с порога сообщил Алешка. Все насторожились. Васька не утерпел и выскочил наружу. Он знал: взводного не вызывают к командиру так просто. Наверно, готовится крупная операция.

Его догадка подтвердилась. Спустя некоторое время Анатолий вернулся и предупредил, чтобы вечером были готовы: пойдет он с одним отделением. Операция будет опасной. Нужно пересечь главное шоссе, по которому все время движутся немецкие части, и разрушить железнодорожный мост через реку.

— На такое дело посылают евреев, — проворчал Ошер, — не хотят русских подвергать опасности. Гедалья сердито посмотрел на него, и Ошер замолчал.

Вышли с первыми звездами. Шли всю ночь, а днем прятались в роще на берегу реки. С заходом солнца начали пробираться к назначенному месту.

Лето еще только начиналось. Хлеба на полях зеленые, но уже высокие, колыхались и склонялись на ветру.

Группа свернула с дороги и пересекла поле. Подойдя к одному из притоков реки, перешли его вброд и пошли по проселочной дороге.

— Кругом! — передали по цепи шепотом

том. Группа выстроилась цепочкой и двинулась спиной вперед. Шмулик уже не удивлялся, как в первый раз. Теперь он знал, что так обманывают врага, преследующего партизан.

Вскоре добрались до молодого бора. Среди деревьев торчали обрубленные пни. Деревья были низкие, и сквозь реденькие верхушки была видна лента реки в долине. Луна там и сям посеребрила темно-серую поверхность воды. Спокойное течение реки иногда нарушалось всплеском волн, тут же стихавшим.

По цепочке шепотом передали команду пригнуться. И вдруг осветительные ракеты — сначала красная, а за ней зеленая — рассекли небо и рассыпались массой искр над самыми их головами. Неподалеку послышались шаги и голоса немцев.

— Ложись!

Ребята прижались к земле. Ракеты взлетали одна за другой. Возбужденные глаза блестят в темноте, в ушах звенят от напряженного вслушивания.

Тихо. Вот упала шишка с дерева. Крикнула ночная птица. Раздался выстрел, еще один... Сердце гулко бьется, дыхание замирает.

— Ползком назад! — раздается шепот.

Спустя полчаса они вернулись в лес. Здесь можно расправить усталую спину. Еще

полчаса ходьбы и — отдых. Все лежат на обочине дороги, задрав ноги кверху.

Уже известно, что произошло: возле моста — усиленный немецкий патруль. Заметили ли он партизан? А может, кто-то видел их, когда они шли, и донес? Что делать? Вернуться в лагерь, не выполнив задания?

Анатолий, командир группы, мрачнеет. Он представил себе насмешливые глаза Кольки, командира второго взвода в роте Ивана Петровича. Колька не любил евреев и радовался каждой их неудаче. К тому же он завидовал Анатолию: на счету еврея было шесть взорванных поездов, тогда как на его счету только четыре. На сложные операции командир Иван Петрович посыпает взвод Анатолия и сам часто идет с ним. Как же теперь вернуться с пустыми руками?

— Товарищ командир, — прервал его размышления Гедалья, — выйдем к реке, переплыем ее и взорвем мост с другой стороны.

Партизаны насторожились: дело опасное. На том берегу реки можно наткнуться на другого врага. Там действуют банды белополяков, воюющие как с немцами, так и с русскими, а в жестокости по отношению к евреям не уступающие немцам.

Анатолий промолчал.

— Товарищ командир, — продолжал Гедалья, — все отделение не нужно. Я могу и

еще двое. Маленькой группе легче проскользнуть.

Анатолий по-прежнему молчал. Слышали ли он вообще слова Гедальи?

Звезды побледнели. Ночь коротка. Еще немного, и займется заря. Тогда уже нельзя будет двинуться. Где провести день? Нет здесь удобного места. В лесу оставаться нельзя — продовольствие кончилось. Партизаны смотрят на командира, ждут его решения.

— Пойдем втроем, — говорит Алешка, — Гедалья, Ошер и я. Пойдешь с нами? — подтолкнул он локтем в бок Ошера.

— Отстань от меня, морда! — выругал его Ошер. — Иди, иди... Не терпится тебе на тот свет! — Однако все знали: как только Гедалья поднимется. Ошер и Алешка непременно пойдут вслед за ним.

— Говоришь, знаешь эти места хорошо? поднял Анатолий глаза на Гедалью.

— Отец мой тут много разъезжал и меня с собой брал в каникулы.

— Река тут глубокая?

— Я знаю брод неподалеку.

— Пошли, — вскочил на ноги Анатолий.

— Вот-вот рассветет, — заметил кто-то вполголоса.

— Ничего, небо покрыто тучами.

— Дождь пойдет.

— Еще лучше.

Спустя несколько минут, носышились ра-

скаты грома, сначала далеко, потом над самой головой. Партизаны шли быстро. То и дело вспыхивала молния, освещая на мгновение темное небо. Деревья скрипели и стонали, как раненые звери. Ветер все усиливался, идти было трудно. Еще секунда, и хлынул ливень. Не успели парни спрятаться под деревьями, как промокли до нитки, в сапогах было полно воды. Только плечи и спина еще оставались сухими. Сквозь полуушубки вода не проникала.

— Разверзлись хляби небесные, — проворчал Ошер.

Усталые и дрожащие от холода, добрались они до реки. Гедалья поднял над головой свой пулемет и первым вошел в воду. Остальные последовали за ним.

Противоположный берег был высокий, Гедалья шел вдоль насыпи, все молча шагали за ним.

— Тол подмок, — тревожится Васька, — взорвется ли?

Один изгиб реки, другой — и перед ними мост. Рядом размеженным шагом прошли двое с автоматами: это охрана. Пройдет несколько десятков метров — и возвращается назад.

Скоро рассвет. А пока над головой темное небо, ни звездочки.

— Ложись! — шепотом скомандовал Анатолий. Отдав последние указания, он вместе

с Гедальей, Ошером и Алешкой пополз к мосту.

— Товарищ командир, и меня возьмите!
— взмолился Васька.
— Ладно, ползи!

Гедалья и Ошер установили пулемет в конце насыпи, напротив моста. Анатолий и Алешка приступили к делу. Затаив дыхание, следил Шмулик за руками Анатолия. Вот и бруски тола, похожие на куски желтого мыла, детонатор. Алешка привязал к предохранителю шнур и протянул его к насыпи. Все соскользнули вниз, отползли подальше и прижались к мокрой земле.

Секунды напряженного ожидания. В ушах звенит от пронзительной тишины ночи. Кровь стучит в висках...

— Давай! — выдохнул Анатолий.

Тишина. Алешка тянет за шнур еще и еще. Мост стоит на месте и не шевелится. Анатолий вскакивает и бежит к тому месту, где заложена мина. Васька за ним. Детонатор не сработал, мина не взорвалась. Алешка грубо выругался. Но нельзя терять ни минуты. Васька своим зоркими глазами уже заметил тени, движущиеся к ним вдоль полотна. Немецкий патруль возвращается.

Молча катятся партизаны с насыпи, отползают еще несколько метров среди пней деревьев, которые немцы срубили вдоль же-

лезней дороги, боясь партизан, и ложатся за деревьями. На востоке уже начинает светлеть.

Гедалья мрачен. Он не может вернуться в отряд, не выполнив задания.

— Останемся здесь и ночью попытаемся еще раз.

Оставаться весь день в этой маленькой рощице опасно. Кругом враждебные деревни, да и гарнизон немецкий стоит неподалеку. Анатолий молчит. Трудно решить: он отвечает за жизнь тринацати человек. Петька, парень-белорус, которому еще не исполнилось семнадцати лет, второй пулеметчик в группе, молча смотрит на проклятый мост. Потом взглядывает на Ваську и ругается:

— Чертова дюжина вместе с тобой, как раз тринадцать... Чего ты к нам прицепился? Все из-за тебя...

Глаза Васьки наполняются слезами. Анатолий усмехается:

— В этом отделении большинство евреев. У нас, Петька, тринадцать — число счастливое.

— У вас, евреев, все наоборот, — ворчит, усатый Павел.

Павел всю дорогу не скрывал недовольство. Еще в лагере он хотел увильнуть от задания. Анатолий никак не раскусит этого парня. Иногда он проявляет отвагу, граничащую с безумием, а иногда — детскую трусость. Черт его поймет. Выпить он мастер. Не моргнув глазом, может опрокинуть в глотку бу-

тылку водки и идти дальше прямо, как будто глотнул чистой родниковой воды.

— Павел, Петька, останемся здесь или вернемся? — намеренно обращается к ним Анатолий.

— Ты командир, тебе решать, — сердито отвечает Павел.

— Останемся. Вернуться, чтобы смеялись над нами?! — отвечает Петька и рукавом утирает лицо и шею, на которые стекают с мокрых волос капли воды.

— А что есть будем? — спрашивает Ошер. Он человек практичный, всегда думает наперед.

— Птичье молоко да еще суррогат, — ворчит Павел.

Дождь перестал. Облака разошлись. Над верхушками деревьев поднялось розовое умытое солнце. Капли блестят на траве и на листьях ив, растущих вдоль берега реки. Когда группа партизан переправилась через реку и вошла в лес, солнце уже стояло высоко. Распределели обязанности, и первые часовые заняли свои посты. Остальные растянулись на земле и погрузились в глубокий сон. Васька был голоден. Он торопливо проглотил остаток хлеба и сала, которые носил с собой, и заснул.

Проснулся он от сильного стука. В первый момент ему показалось, что стреляют. Потом он отчетливо услышал стук топора.

Все уже стояли наготове, скватившись за оружие.

— Там мужик рубил деревья. Мы хотели задержать его, да он убежал, — сообщил часовой.

— Почему ж не застрелили? — хотел спросить Васька, но тут же сообразил, что выстрелы привлекли бы немецкий патруль.

Анатолий нахмурился. Положение серьезное: мужик может выдать их.

— Может, вернемся? — как бы между прочим спрашивает Ошер.

— Заткнись! — обрывает его Алешка.

Гедалья поднимает глаза к небу. Скоро вечер.

— Товарищ командир, нечего ждать, лучше покончить с делом.

Солнце садится за верхушки деревьев, вода в реке пылает красным огнем. Партизаны ползут в сторону моста. Разведчик сообщает: патруля не видно. Это странно, но раздумывать времени нет. Анатолий устанавливает мину, тянет за насыпь дороги шнур. Васька следит за ним восторженными глазами.

На противоположном берегу появляются две фигуры, две тени четко видны на светлом фоне моста.

— Стой! Кто идет?

— Тррр... — затрещал пулемет.

Человек падает на землю, другой бежит к лесу.

— Дергай! — кричит Анатолий.

Грохот потрясает все вокруг. Васька кажется, что земля раскололась надвое. Каменный осколок попадает ему в бедро. Васька лежит, прижимаясь лицом к холодной земле. Поднимается туча пыли, летят мелкие осколки камня, падают куски бетона. Бедро болит. Кружится голова, болят глаза, жжет ногу. Васька трогает рукой раненое место: лицо и влажно.

Облако пыли рассеивается, грохот стихает.

— Назад, бегом! — слышит Васька оклик Анатолия. — Вы куда? Назад!

Васька в удивлении раскрывает глаза: Гедалья и Павел посреди реки. Здесь глубоко. Вот они уже взбираются на берег. Гедалья и Павел бросаются к убитому, срывают с него оружие.

Моста больше нет. Кругом разбросаны обломки камня, бетона, железные прутья и щепки. Вода в реке мутно-серая, неспокойная. Из нее торчат остатки моста, на них покачиваются обломки досок и железа, как остатки мяса на скелете мертвеца. Васька со страхом видит, что он остался один на месте взрыва. Куда все делись?

Среди ив на берегу мелькает и тут же исчезает ствол винтовки. Васька бросается бежать и догоняет группу. Идут молча, прислушиваясь к своим шагам. Ночная мгла быстро поглощает их. Теперь осталось только

пересечь шоссе. Дальше будет не так опасно, враждебные деревни останутся позади. Люди прерывисто дышат, по лицу катятся капельки пота. Присели на несколько минут, чтобы перевести дух. Через час можно будет отдохнуть, зайти в какую-нибудь деревню поесть. Еще полчаса. Голод еще можно вытерпеть, но жажды истощает силы. Вот уже белеет впереди полоса шоссе. Идут осторожно, один за другим. Ждут.

За поясом у Гедальи торчат пистолет и две гранаты. На плече у Павла — автомат, снятый с убитого немца. Васька с завистью поглядывает на автомат: у него-то самого простая винтовка.

— Переходить по одному, бегом, тихо, — передается по цепи команда. Гедалья и Ошер первыми выходят на дорогу. С двух сторон на них обрушивается град выстрелов. Пуля свистит над Васькиной головой. Он видит перед собой широкую спину Павла. Новенький автомат покачивается у него на плече. И вдруг Павел исчезает. Где он? Васька пробегает несколько шагов, спотыкается обо что-то и падает на землю. Поднимает голову: под ногами тело убитого.

Васька не глядит на него, он вскакивает и бежит дальше. Только не остаться, держаться со всеми... Перед ним опускается на колено Анатолий, возле него Петька... Алешка и еще двое партизан лежат на земле и стреля-

ют. Стрельба слышна со всех сторон, трудно понять, где партизаны, где немцы. Бегут вперед. Выстрелы стихают. Постепенно в лесу восстанавливается тишина.

Васька оглядывается: кто идет рядом с ним? Нет Павла, Гедальи и Ошера. Даже при лунном свете видно, как побледнел Петька. Он стонет на каждом шагу. Ранен. Пуля пробила правую руку, но он прижимает к груди свое драгоценное оружие — пулемет.

Печальные вернулись партизаны в отряд. Дорого обошлась им эта операция. Наутро в лагерь пришли еще двое, затем еще один... Вернулся раненый в плечо Павел, не было только Гедальи и Ошера.

Васька зашел в землянку друзей: пусто. Один Алешка лежит, уткнувшись лицом в подушку. В нос мальчика ударил запах самогона.

— Алешка! — позвал его Васька. — Нету?

Алешка глянул на него и ничего не ответил. Через несколько часов Васька увидел, как он идет по лагерю с автоматом на плече. Мальчик не осмелился расспрашивать его.

Алешка вернулся через два дня. Он привнес на плече труп Ошера. Раненый Гедалья шел, опираясь на Алешку. Алешка рассказал, что нашел Гедалью недалеко от шоссе; тот полз и тащил за собой тело Ошера. Только спустя несколько дней друзьям удалось выр-

вать у Гедальи рассказ о подробностях несчастья.

Он был ранен первым. Хотя Ошер бежал рядом с ним, он не сразу заметил, что друг ранен. Когда он увидел, что все пересекли шоссе, а Гедальи с ним нет, вернулся и под градом пуль побежал его искать. Нашел его на обочине дороги: склонившись над пулеметом, Гедалья поливал врага огнем, прикрывая отход группы. Ошер тут же заметил, что Гедалья ранен в правую руку. Он отодвинул раненого в сторону и занял его место у пулемета. Потом оба начали отходить. Выстрелы почти прекратились. У Гедальи закружилась голова, он чуть не потерял сознание.

— Ошер, пулемет возьми, — прошептал он из последних сил.

— К черту пулемет! — прошелестил сквозь зубы «второй номер», взвалил раненого себе на спину и забрался в кусты. Едва он сделал несколько шагов — опять град выстрелов. Наверно, в Гедалью попала еще одна пуля, он потерял сознание.

Очнулся он на земле, в зарослях папоротника; рядом с ним лежало остывшее тело Ошера.

На маленьком пригорке, между двух молодых елей вырыли могилу. Короткая церемония похорон: залп в воздух, черный земляной холмик... Понурив голову, партизаны вернулись к своим делам. У могилы осталась

группа евреев и с ними Алешка и громко рыдающий Васька. Никто не пытался успокаивать его.

Перебитая рука Гедальи подвязана к шее белым платком. Гедалья молчит, только глаза его прикованы к могильному холмику. Погасли последние лучи солнца, кругом водарилась ночная тишина.

Анатолий выпрямился первым.

— Идем, Гедалья, — протянул он раненому руку, — скоро все мы так, как он.

— Или волки сгрызут наши кости, — добавил Алешка, и лицо его побледнело.

Гедалья не сдвинулся с места. Резким движением он сунул здоровую руку в карман брюк, вытащил оттуда маленькую «кипу» и надел ее на голову. К нему обратились удивленные взгляды.

— «Эль, мале рахамим» — «Боже, полный милости» — в ночной мгле полилась печальная мелодия. Гедалья пел молитву, и щекам его текли слезы. Остальные присоединились к нему... Тихий плач группы одиноких евреев над могилой брата в лесной чаще.

Состояние раненых ухудшалось. Плечо Павла гноилось, боли усилились. Хуже всех было состояние Гедальи: осколки в теле очень мучили его, температура повысилась. Из соседнего отряда был вызван врач, он сказал, что необходима операция. Но для этого нуж-

ны стерильные бинты, вата и лекарства, а их нет. Фельдшерица Лиза была в отчаянии.

Каждую свободную минуту Васька проводит у постели Гедальи. Он знает, что если не достанут лекарства — жизнь Гедальи в опасности.

— Товарищ командир, я пойду в город, может, раздобуду лекарство. Анатолий отрицательно покачал головой. Он знал, что такие лекарства теперь в аптеках не купишь. Васькины глаза наполнились слезами: неужели Гедалья умрет?

Анатолий встал и вышел из землянки. Вернувшись через час, он позвал мальчика.

— Васька, ты знаешь Вильно?

— Нет.

— Плохо дело... Может, все же пойдешь со мной?

— В город? Конечно! — мальчик радостно вскочил.

Анатолий решил разыскать своего доктора Квятковского и раздобыть лекарства.

ШУЛЯ ВЫПОЛНЯЕТ ЗАДАНИЕ

Шуля выслушала Васькин рассказ, и в глазах ее заблестели слезы.

— Шуля, ты сможешь нам помочь? Ты ведь работаешь в больнице. А доктора Квятковского нам не удалось найти.

— Попробую пойти к нему домой. Увидимся завтра в это же время.

Шуля и не заметила, что уже совсем поздно. Так хорошо ей было с друзьями. Она не переставая расспрашивала и рассказывала им о себе. С горечью рассказала о Ривкеле Виленской, которая стала в монастыре Бируте Магдаленой и ненавидит евреев. В глазах Шмулика вспыхнули злые огоньки.

— Я должен повидать ее! Не может быть! Ты не ошиблась?

Он решил пойти завтра вечером к воротам монастыря. Шуля постарается выманить Бируте Магдалену во двор.

Когда Шуля подошла к воротам монастыря, было уже около полуночи. Привратник посмотрел на нее подозрительно и удивленно. У двери спальни Шуля столкнулась с сестрой Фелицией.

— Где ты была так поздно?

— Задержалась в больнице. Один мой больной в тяжелом состоянии. Я сидела возле него.

Сестра Фелиция взглянула ей в лицо, повернулась и ушла, ничего не сказав.

В комнате все уже спали. Шуля глянула на кровать соседки: Бируте Магдалена лежала с закрытыми глазами, но Шуле показалось, что ресницы ее дрогнули. Она притворяется, — мелькнула мысль. Шуля подошла к кровати Бируте и тронула ее за руку.

— Ривкеле, слушай, я сегодня встретила на улице Шмулика.

Девочка вздрогнула, ее глаза широко раскрылись, и Шуля опять увидела в них испуг загнанного зверька.

Девочки смотрели друг на друга. Лицо Бируте Магдалены то краснело, то покрывалось бледностью. Приподнявшись, она со слезами и злостью прошептала:

— Что ты ко мне пристала? Что я тебе сделала? Не знаю я никаких Шмуликов. И вообще не знаю жидов. Если не отстанешь, пожалуюсь матери-игуменье, расскажу ей, что ты по ночам шляешься с жидами. Я...

Но на этот раз Шуля почувствовала, что ее взяла. Бируте Магдалена говорила уже не так уверенно, как прежде. Ее голос дрожал.

— Ривкеле, слушай, война вот-вот кончится... Тебе больше не придется притворяться. Шмулик очень хочет видеть тебя. Выходи завтра в 10 вечера во двор, к воротам...

— Нет, нет! Не хочу я видеть никаких жидов. Я их ненавижу! Отстань от меня! Я добрая католичка и хочу остаться монахиней. Она повернулась к Шуле спиной и натянула одеяло на голову.

Назавтра, возвращаясь с работы, Шуля свернула в боковую улочку, на которой жил доктор Квятковский. Но в квартире уже жили другие люди. Даже табличка с его именем исчезла.

Дурную весть принесет она друзьям. Где же достать нужные лекарства? В больнице, где она работает, они выдаются старшей сестрой по распоряжению хирурга. А в продаже их нет.

Тут Шуля вспомнила, что однажды она видела эти лекарства в изоляторе монастыря, но аптечка закрыта на ключ. Может, ключ от аптечки воспитанниц подойдет к ней? Но ключ у Бируте Магдалены. Где она его держит?

Утром Шуля взяла нож и резанула большой палец. Держа перед собой палец, с которого капала кровь, она подошла к Бируте Магдалене и попросила у нее йод и бинт.

— Как раз сейчас, когда нужно спешить на работу, — буркнула девочка. — Возьми сама. Не хочу я из-за тебя опаздывать...

— А где ключ?

Бируте Магдалена бросила ей ключ и вышла.

Шуля направилась в изолятор. Комната была пуста. В углу стоял шкаф с дорогими лекарствами. Она с опаской сунула ключ в замочную скважину. Легкий нажим — и замок открылся. Вот и желанные лекарства. Шуля поспешила рассорвала их по карманам платья и вышла.

Глаза ее блестели от радости, когда она передавала сокровища Анатолию. С гордостью рассказала она, как ей удалось их раздобыть.

Услышав о ее последнем разговоре с Бирute Магдаленой, Шмулик рассердился.

— Не может быть, чтобы Ривкеле Виленская так говорила, — уверенно заявил он. — Ты, наверно, ошиблась. Я должен повидать ее, но как?

— Подожди нас на улице, когда будем вечером возвращаться с работы, увидишь ее.

— Нельзя, — возразил Анатолий. — Нам нужно скорей в отряд, принести лекарства. Каждый час дорог.

— Возвращайся ты один, а я еще останусь.

Шмулик забыл в эту минуту, что стоит перед своим командиром, и видел в нем только друга-еврея. Прощаясь, Анатолий крепко пожал ребятам руки. На этот раз он не обнял и не расцеловал Шулю, как при встрече. Перед ним была уже не девочка Оните. За это время Шуля выросла, выражение лица ее стало серьезным, взрослым и в то же время сохранило детскую чистоту.

Шуля и Анатолий стояли и смотрели друг на друга. На щеках Шули проступил румянец. Анатолий казался ей таким мужественным и красивым. У него загорелое лицо, а в больших глазах светятся ум и чистосердечие. Еще взгляд, еще рукопожатие, и Анатолий исчез в ночной темноте.

Вечером, когда девочки возвращались из больницы, улицы были полны прохожих. Ра-

бочие шли с работы, у магазинов стояли очереди, на тротуарах и в палисадниках гуляли матери с детьми. Легкий ветерок, разогнавший дневную жару, ласково трепал платья женщин.

Несмотря на шумное движение, улица казалась усталой и безжизненной. Иногда проходила элегантная дама в сопровождении мужчины в военной форме. Бируте Магдалена медленно шла рядом с Шулей, с трудом переступая усталыми ногами. Взгляд Шули лихорадочно перебегал с одного тротуара на другой: придет ли? Сердце колотилось от страха: а вдруг его поймали? Из бокового переулка навстречу им вышел трубочист с покрытым сажей лицом. На спине он нес лестницу, на руке у него болтались ведро, метелка и веревка.

— Встреча с трубочистом — дурная примета, — сказала Бируте Магдалена, бросив мрачный взгляд на Шулю.

Та не ответила, стараясь выглядеть спокойной.

Они уже прошли главную улицу и свернули на боковую, ведущую к монастырю. Дома уже казались накрепко закрытыми, и жизнь пряталась за их стенами. Лавок здесь мало, очередей нет. По обе стороны улицы — палисадники, широколистные каштаны покачиваются ветвями.

Возле маленького магазина игрушек сто-

ял босоногий мальчишка и смотрел на выставленных в витрине деревянных коней и кукол. Когда девочки приблизились, он обернулся к ним.

— Бируте, посмотри на этого мальчишку. Не узнаешь? — потянула Шуля спутницу за руку, глядя на нее в упор.

Лицо Бируте Магдалены чуть дрогнуло, но она тут же надела маску равнодушия и ответила:

— Что в нем особенного? Босяк из какой-то деревни.

Сердце Шули залила горькая обида, но ей было ясно, что Бируте узнала Шмулика, и ей захотелось сломить упрямство девочки.

— Бируте, ведь это Шмулик! Разве ты его не узнаешь?

Девочка покраснела, в глазах появились злые слезы.

— Опять ты ко мне пристаешь? Если не отстанешь, я сегодня всем расскажу, что ты водишься с жидами! Я знаю, ты бегаешь к нему ночами. Ты врешь сестре Фелиции, жидовка!

Всю бурю чувств, охвативших Бируте, девочка изливалась в потоке браны, обрушившемся на Шулю. Шуля видела, что бедная Ривкеле не в силах удержать слезы. Вдруг Бируте, бросив ее, побежала к монастырю.

— Она может и в самом деле донести на меня, — испугалась Шуля.

Да, это Ривкеле Виленская. Шмулик сразу узнал ее.

— Вечером приду к воротам монастыря, — шепнул он Шуле, проходя мимо.

— Есть хочешь? — спросила Шуля.

— Да.

— Принесу.

Шмулик свернулся к развалинам. Его мутил голод. Еда, принесенная из леса, кончилась. С нетерпением ждал он назначенного часа. — Почему я, дурак, не попросил Шулю, чтобы сразу вынесла мне кусок хлеба, — ругал он себя. Чего ради мне шататься по улицам и рисковать? Зачем мне эта Ривкеле, никого не признающая, от всего отрекшаяся? — горько размышлял он. Однако чем больше он размышлял, тем ясней ему становилась, что не ради одной Ривкеле остался он в городе. Ведь он все равно ничего не сможет сделать для нее. Напротив, лучше ей пока оставаться в монастыре.

Перед его глазами снова встала нынешняя Шуля: в сером длинном монастырском платье, с густыми локонами, выбивающимися из-под шапочки и падающими на серые глаза. Картину счастливых лет детства приходили на память вместе с образом Шули. Как хорошо было держать ее за теплую руку, заглядывать в милые глаза. Погруженный в раздумья, Шмулик залез в развалины, где скрывался уже два дня.

Семь часов. Целых три часа еще мучиться, голодному и усталому, в этих развалинах. Если б хоть можно было прилечь, закрыть глаза и поспать! Может, пойти в городской сад и лечь там под деревом?

Он уже собрался отправиться на улицу Погулянка, ведущую к саду, как вдруг его взгляд встретился с пронзительным и наглым взглядом молодого парня. Шмулик остановился у какого-то двора — парень тоже.

«Следит за мной, — Шмулика схватил страх. — Сейчас подойдет и заорет: «Жидас, держи его!»

Шмулик ускорил шаги в сторону развалин, но чувствовал, что парень не отстает. На лбу выступили капли пота, на губах чувствовался соленый привкус. «Если не удастся избавиться — застрелю», — решил Шмулик, нащупав пистолет в кармане.

Вдруг в его мозгу мелькнула мысль. Он остановился, оглянулся по сторонам, как бы ища что-то, и торопливо вошел в полуразрушенный дом. Позади послышался задыхающийся голос парня, кричавшего по-литовски:

— Эй, стой, стой! А то полицию позову!

Не задумываясь, Шмулик расстегнул штаны, как будто по нужде.

— Не удерешь от меня, жид проклятый, — снова услышал он голос литовца, и его голова показалась в дверях.

— Почему в этом проклятом городе нет

уборных? — обратился к нему Шмулик по-белорусски, стараясь придать голосу особую деревенскую интонацию.

Парень озадаченно остановился.

— Ты, что, тоже не здешний? Пришел сюда нужду справить? — продолжал спокойно Шмулик.

— Пошел ты к черту, заср...! — выругался парень, плонул Шмулику под ноги и ушел.

РИВКЕЛЕ ВИЛЕНСКАЯ

Бируте Магдалена долго ворочалась в постели. Она узнала его, Шмулика с улицы Мапу. Из темноты ночи глядели на нее его глаза, в них были жалость, укор и любопытство. Снова вспоминался ей двор на улице Мапу в Каунасе, родительский дом, брат Давид, друживший со Шмуликом. Так весело было собираться во дворе под березой, играть, болтать, драться!

От тех счастливых дней ничего не осталось. Вместе с войной пришли скитания, бегство в деревню под Вильно, в усадьбу того поляка. В ней все еще жил ужас того дня, когда в усадьбе появились полицаи и увезли отца и мать. Теперь она знает, почему их забрали, и только она, Ривкеле, спаслась. Они не согласились молиться Иисусу и Святой Бо-

городице... Хозяйка с утра до вечера уговаривала их креститься, а они упрямые отказывались. Господь Бог наказал их за их упрямство — так объяснила ей Ядвиги, хозяйка усадьбы. А она, Ривкеле, очень боялась. Она не хотела умирать.

Давида убили тут же на месте, во дворе. Он пытался вырваться из рук литовца и ударили его ногой. Давид лежал на спине под вишней, и Ривкеле слышала его стоны. Он еще был жив, только тяжело ранен. Литовец-полицай выстрелил в него еще раз, и Давид замолк. Она громко плакала и кричала: «Давид!» Но пани Ядвиги зажала ей рот и оттащила в погреб. Там надела ей на шею цепочку с медным блестящим крестиком и велела молиться.

Она, Ривкеле, останется в живых. Она верная христианка, исполняет все заветы и каждый день молится Деве Марии. Пани Ядвиги плакала и говорила, что ей очень жалко папу и маму, но она ничем не может помочь.

Сколько слез пролила Ривкеле, оставшись одна! Два дня не прикасалась к еде.

Было воскресенье, и она увидела, как пани Ядвиги надела мамину шелковое платье и мамины туфли. Папу полицай увели босого. Зачем он снял сапоги?

Червь сомнения запшевелился в ее душе. В тот же вечер она увидела, как Янек, старший сын Ядвиги, примерял новые папинны сапоги,

те самые, которые папа носил до того, как его увезли.

Она, Ривкеле, боится. Нельзя, чтобы кто-нибудь узнал, что она еврейка. Она хочет жить. Она будет монахиней. У нее красивое имя — Бируте Магдалена. Но Шмулик... Зачем он пришел сюда? И Шуля эта не отстает от нее. Шуля сказала, что Шмулик ради нее рискует жизнью. Он придет ночью к воротам монастыря, чтобы увидеть ее. Нет, она не выйдет к нему. Ни за что! Она не хочет умирать. Она натягивает одеяло на голову и старается уснуть. Жарко и душно.

Шули нет в кровати. Наверное, пошла к Шмулику. Шмулик ждет ее, Ривкеле, возле ворот. Если его поймают, с ним сделают то же, что с Давидом. Он пришел сюда из леса. В лесу он был в безопасности. Кто просил его? Пусть он оставит ее в покое. Что сказала ей Шуля по дороге? Шуля сказала, что она, Ривкеле, предала своих отца и мать, которых убили «добрые» христиане. Ложь это! Добрые христиане не убивают. Но подозрение червем точит ее сердце: как попали в руки Янка в тот ужасный вечер папины сапоги? Почему папу увезли босиком? И Ядвигу надела мамино платье. Ядвига сама начистила щеткой папины сапоги. Но ведь пани Ядвига очень верующая, молится каждый день.

Бируте Магдалена дрожит под одеялом. Почему ей так холодно? Ведь июль на дворе.

Шуля сказала, что скоро придет избавление. Шуля все знает. Но она, Ривкеле, боится Шулиных разговоров. Вчера Шуля сказала, что русские уже близко. И в больнице сестры о том же говорят. Некоторые готовятся оставить Вильно, бежать на Запад: «Придут большевики, и сделают с нами то же, что мы сделали с жидами».

Минск взят. Русские приближаются к границам Литвы. На улицах она видела машины, нагруженные мебелью и чемоданами.

— Тогда мы будем свободны, и не придется больше прятаться в монастыре, — прошептала Шуля ей на ухо, и глаза ее радостно блеснули. Но она, Бируте Магдалена, совсем не собирается уходить из монастыря. А Шмулика пока что могут убить... Она спустится только на минутку. Только скажет Шмулику, чтобы уходил отсюда, чтобы вернулся в лес. Только на минутку выйдет во двор.

Ривкеле выскользывает из постели, смотрит на кровати — все спят. В коридоре темно. Только под иконой Богоматери горит лампадка. Ривкеле идет босиком, чтобы не слышны были шаги. Проклятая дверь скрипит. Бируте останавливается, ждет. Никто не услышал. Девочка бежит к воротам.

— Ой! — она наступила на острый камень.

Боль обжигает. Длинная тень падает на камни мщеного двора.

— Кто здесь?

Высокая и худая фигура сестры Фелиции вырастает перед ней. Монашка стоит, сложив руки на груди, как статуя богини возмездия.

— Куда это ты?

Бируте Магдалена молчит. Она очень боится сестры Фелиции.

— Куда ты так поздно? — повышает Фелиция голос.

Девочка дрожит. Фелиция хватает ее за руку. Ривкеле чувствует жесткие пальцы монашки.

— Я только до ворот, я...

Монахиня смотрит водянистыми глазами на заикающуюся девочку.

— Что тебе делать у ворот? Свидание с парнем? Ночью, в монастыре?!

Слова застряли у Ривкеле в горле, только губы дрожат.

— Идем, покажи, кто он.

Фелиция идет вперед и тащит за собой дрожащую девочку.

Ворота закрыты. Сторож дремлет на скамейке. Кругом тихо, нет ни души. Девочка с облегчением вздохнула. Монашка удивленно посмотрела на нее.

— Зачем ты шла к воротам?

— Не могла заснуть.

— Ты лжешь! Иди в мою комнату и жди меня там.

Сестра Фелиция поднялась в спальню девочек. Неужели она ошиблась? Оните спокойно спит в своей кровати.

Она обратила внимание, что уже несколько вечеров Оните пропадает где-то и возвращается в монастырь поздно ночью. Сегодня она зашла за девочкой в больницу, а там ей сказали, что Оните кончила работу в обычное время и ушла. Странно, всего полчаса назад она была здесь, и кровать Оните была пуста...

Бледные щеки монахини покраснели от злости. Эта наглая еврейка водит за нос ее, сестру Фелицию, и весь монастырь. Ну, уж она ее проучит!

В назначенный час Шмулик был у монастыря: может, Ривкеле спустится, и он сможет поговорить с ней? Шуля уже ждала его.

— Шмулик, вот тебе хлеб.

Шмулик влез на стену и уже хотел спрыгнуть во двор, как до их слуха донесся сердитый голос сестры Фелиции и всхлипывание Ривкеле.

— Шмулик, назад, уходи, — крикнула Шуля. Шмулик спрыгнул и исчез в ночи. Шуля поспешила сбросила туфли, бегом пробежала по коридору и вошла в спальню. Не раздеваясь, легла в постель и плотно укутась. Из-под краешка одеяла она видела, как

в комнату вошла Фелиция, а за ней Бируте Магдалена.

Когда вечером девочки вернулись с работы, им было велено немедленно явиться в комнату матери Беаты. Сердце Шули сжалось в предчувствии беды. Первая мысль — бежать. Но куда? Продержаться бы еще неделю, может, всего несколько дней! Она видела своими глазами, что литовцы потеряли головы. Они бегут из города. Вильно превратился в военный лагерь. Шмулик сказал, что он должен вернуться в лес к своим. Что хочет от нее Фелиция? Что она знает?

Мать Беата смотрит на нее холодно и враждебно. Лицо Фелиции вытянулось, она даже не взглянула на девочку.

Бируте Магдалена плачет. Какая она противная, эта девчонка! Не стоило и заводиться с ней. Зачем Шмулик рисковал жизнью ради нее? Это она, Шуля, виновата: заморочила ему голову с этой Ривкеле...

— Где ты пропадаешь по вечерам? —
слышит она голос матери Беаты.

— В больнице.

— Ты лжешь! Сестра Фелиция заходила туда.

Шуля побледнела.

— Несколько дней назад из нашей аптеки исчезли дорогие лекарства. Где пентотал и корамин?

У Шули подкосились ноги.

— Не знаю, — еле слышно ответила она.

— Нет, ты знаешь! Если не скажешь, кто взял их, сегодня же позову гестапо.

Шуля молчит. Бируте громко рыдает.

— Бируте Магдалена, ты отвечаешь за лекарства. Твой ключ подходит к аптечке. Ты давала Оните ключ?

Бируте опускает голову и молчит.

— Под замок ее, пока решим, что с ней делать.

Минутку помолчала в задумчивости.

— Бируте Магдалена, ты же еврейка?

Мать Беата не знает ничего о Ривкеле. Ее перевели сюда из закрывшегося монастыря вместе с группой воспитанниц.

Вопрос застал девочку врасплох.

— Нет, нет, — промямлила она.

— Оните, ты знала Бируте Магдалену раньше? Скажи правду. Она тоже жидовка, как ты?

Шуля выпрямилась.

— Нет. Бируте Магдалена нееврейка, она христианка. Мать Беата, она ни в чем не виновна. Я сама взяла ключ.

— Так. И лекарства тоже?

— Да.

— Зачем? Продала их? Ты сделала с ними гешефт?

— Нет. Отдала раненому.

— Еврею; да?

— Да.

Старая монахиня поднялась с места тяжело дыша, глаза ее яростно блестели. Шуле показалось, что она вот-вот бросится душить ее. Но мать Беата овладела собой: не крикнула, не ударила, только прощедила сквозь зубы, показав пальцем на Шулю:

— Эту — под замок. Не давать ей ничего.

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Целую неделю в городе гремела пальба. Над железнодорожным управлением, самым высоким зданием в городе, стояли облака пыли. Потом стрельба стихла. В город вошли советские танки и автомашины. Шагают солдаты, до смерти усталые и опьяневшие победой. Одиночные выстрелы со свистом рассекали воздух.

Группами шагают партизаны по освобожденным улицам. На перекрестках патрули. Только еврейские партизаны не радуются. Их глаза не светятся счастьем победы. Они бродят по огромному кладбищу — между развалин домов в темных проулках, которые еще недавно назывались «Виленским гетто». Кое-где еще висит на петлях покосившаяся дверь. Из кучи пепла торчат обгоревшие стулья, столы. Ветер гуляет по улицам мертвого гетто, перелистывая страницы книг, обрывки пергамента свитков Торы на грязной мостовой. Лю-

ди молча роются в кучах пепла и развалин.
Может, найдут что-нибудь из их дома.

Ничего. Пепел и пыль, камни и мусор.
Удушливый запах выгоняет партизан на те
улицы, где еще живут люди. Но и эти ули-
цы кажутся им кладбищем: здесь тоже ког-
да-то жили евреи..

...Их нет теперь... Время от времени по улице
с произительным воем проносятся санитарные
машины.

Розовощекие яблоки и темно-фиолетовые
сливы покачиваются на ветвях деревьев.
Сквозь окна больницы в сад смотрят глаза.
Иногда они останавливаются на сочных пло-
дах и тут же закрываются. Многие из них
уже никогда не откроются... Более счастли-
вые вернутся домой, к семьям, к папе с мамой,
к верной жене. Только раненые евреи ничего
не ждут. Прошло первое опьянение победой, и
в сердце остались пустота и одиночество: «За-
чем я остался жив? Кому я нужен?»

На одной из кроватей в маленькой боко-
вой палате лежит Шмулик. В него попала пу-
ля, когда он гнался за группой литовских по-
лицаев, забаррикадировавшихся в монастыре.

Шмулик смотрит в окно. Свет мешает ему.
Полголовы и один глаз забинтованы. Шуля
сказала, что ему повезло: рана не смертель-
ная. Шмулик перебирает в памяти события по-
следних дней. Шуля — настоящая сестра. Она
ухаживает за ним. И Анатолий часто прихо-

дит к нему, садится у кровати. Они говорят о прошлом, строят планы на будущее.

Анатолий подобрал его на улице. Хороший он парень, наш Толик! И Шуля... Он вернулся из города в лес, затаив обиду на командира: какое право он имеет так улыбаться Шуле, жать ей руку? Теперь обида прошла, осталась только тоска.

Шмулик еще молод, ему нет и пятнадцати. Когда ночью он открывает глаза, он видит Анатолия и Шулю, склонившихся над его кроватью. Маленькая Шулина рука прячется в крупной мужской ладони Анатолия.

Шмулик думал, что он умирает. Когда сознание вернулось к нему, он прошептал:

— Анатолий, у меня есть сестренка... Ханеле... Когда умру, будь ей братом. Увези ее... в Эрец Израэль.

Заходящее августовское солнце улыбается сквозь окно. Скоро придет Ривкеле Виленская. Она всегда приходит в это время. Ривкеле все еще носит на шее крестик, но уже прячет его под платье. Она еще живет в монастыре. Если найдется кто-нибудь из ее семьи, она пойдет с ним. Она очень одинока и боится остаться одна.

Шмулик очень хочет, чтобы она перестала быть Бируте Магдаленой. Ведь она хорошая девочка, ведь она еврейка.

Он опять вспоминает Шулин рассказ.

Когда ее залерли в подвале, она думала,

что пришел конец. Конечно же, ее выдадут немцам. Но прошло несколько дней, и никто не пришел за ней. Раз в день монашка приносила ей хлеб и воду. В подвале все время царила полутьма. Единственное маленько оконко только наполовину выступало над землей. В оконко виден был забор и часть стены дома. В комнате стояла узкая железная кровать с соломенным матрацем, на стене — распятие, перед ним — лампадка.

— Молись Иисусу, чтобы он спас твою грешную душу, — говорила ей монахиня, приносившая хлеб и воду.

Так прошло пять дней. На шестой день даже монашка не пришла. Неужели о ней забыли? Со двора доносятся мужские голоса. Торопливые шаги по лестнице. Что за суматоха в монастыре? Откуда столько машин?

Ночь. Маленькое оконко кажется черной заплатой на серой стене подвала. Пламя лампадки дрожит. Длинные тени ходят по полу. День был жаркий и душный, а сейчас от окна тянет прохладный ветерок. Шулю мучает голод и жажда. Хочется плакать. Если б она могла вылезть в окно! Но оно стянуто двумя железными прутьями. Шуля безуспешно пытается просунуть голову между прутьев. Неужели ей суждено умереть здесь голодной смертью? Не может быть! Если бы монахини желали ее смерти, они бы выдали ее.

Шуля пытается раздвинуть прутья, но не

хватает сил. Глаза наливаются слезами. Она не хочет плакать, но слезы катятся сами. Кто-то идет по двору. Слышны осторожные шаги. Может, это кошка проходит мимо окна?

— Шуля, Шуля, — слышит девочка тихий голос, — Шуленька.

Сердце Шули дрогнуло...

— Это я здесь. Я...

При свете лампадки Шуля видит прижавшееся к железным прутьям лицо Ривкеле.

— Это я, Ривкеле, не бойся.

Шуля рыдает.

— Я принесла тебе поесть. Спрятала свою порцию. Не плачь. Шуля, тише, могут услышать.

— Что они хотят со мной сделать?

— Не знаю. В монастыре паника. Укладывают вещи. Сегодня ушли три груженные машины. Наверное, эвакуируют монастырь. Лечевкам велено готовиться в дорогу.

— Все монахини уезжают отсюда?

— Нет... Мать Беата и еще несколько монахинь остаются.

— А ты? Ты тоже поедешь?

— Я?

Молчание. Как видно, вопрос озадачил Ривкеле.

— Я еще не знаю.

— Не уезжай, Ривкеле... Не уезжай к немцам. Останься здесь. Ты еврейка.

— Да, Шуля. Но я боюсь. Не смогла я быть такой, как ты.

— Не бойся. Спрячься... Скоро мы будем свободны.

Спустя два дня Шуллю освободил из подвала Анатолий со своим взводом. Привела их Ривкеле Виленская.

ЭПИЛОГ

Конец лета 1945 года. Каждое дуновение ветра поднимает в воздух паутину, сверкающую на солнце серебряными нитями, как будто сотканную сказочными гномами. Паутина затянула развалины на Немецкой и Рудницкой улицах, в Субоче и Ерейском переулке. Жалкие остатки еврейского Вильно, бывшего когда-то большим еврейским центром.

У здания Ерейского комитета, созданного после освобождения города, сидит на камнях группа евреев-партизан. Не все еще сняли с себя партизанскую одежду.

На их лицах следы тяжелого труда и борьбы.

— Что теперь? Куда теперь? Не всем это ясно. Среди группы выделяется высокая фигура Толика Рубинштейна, бывшего Анатолия Хакима. Рядом с ним Шулля Вайс. Ей еще нет семнадцати, но выглядит она старше. Она высокая и стройная, лицо у нее нежное и сме-

лое, упрямое и мягкое. Две глубокие складки, пролегшие между глаз, говорят о годах мучений и страданий. Оба они, Шуля и Анатолий, одеты по-дорожному, в руках рюзаки.

Куда? В далекий путь... Цель ясна: страна Израиля. Шуля и Анатолий перейдут границу, они направляются с группой партизан в Польшу, а оттуда — через страны и моря дальше.

Шмулик провожает их на вокзал. Он уже здоров, но не может уехать: ему нужно отыскать свою сестру Ханеле. Шмулик уже был в усадьбе Гирюсов, но не нашел в доме ни Стаси, ни своей сестры. Гирюсы скрывают правду. Сказали, что отдали Ханеле в другую семью и не знают, где она. Шмулик понимает: Стася не хочет расставаться с Ханеле. Но он найдет ее. Недаром он был настоящий партизан и даже получил медаль.

Гудит паровоз. Еще одно рукопожатие, последние объятия. Вот подходит Ривкеле с матерью... Госпожа Виленская вернулась из концлагеря. Она выжила и приехала искать свою семью. Ривкеле счастлива: у нее есть мать. Она уже не одинока. Она сбросила с себя монастырское платье. Но на груди, под платьем, все еще висит медный крестик.

Последние объятия, рукопожатия. Поезд трогается. Шуля и Анатолий смотрят в оконечко. Шуля машет рукой, в глазах ее слезы. Рука Анатолия обнимает ее узкие плечи.

Шмулик знает: они будут счастливой парой. Придет день, и они построят свой дом на новой Родине. Он тоже приедет к ним, вместе с Ханеле. И тогда они забудут все пережитое.

Забудут ли?



10125/5
523

ОГЛАВЛЕНИЕ

* * *	5
Под березой	9
Началась война	12
Испорченный праздник	19
Забрали отца	29
Среди людей	33
Вне закона	42
Желтая заплата	46
В гетто	50
К лесным тропам	56
Цветы гороха	60
Смерть Этеле	64
Ханеле выходит из гетто	71
За забор, в гетто	72
Обратно к друзьям	81
В погребе	93
Среди чужих людей	101
Крещение	104
Приемная дочь	111
Испытание	118
На берегу моря	121
Дожинки	131
Доктор Климас	146
Дни растерянности	154
Снова в городе	162
Анатолий	167
Решающий прыжок	182
Шмулик стал «Васькой пастухом»	190
Васька знакомится с партизанами	222
Рука врага	233
Шмулик в Дроздах	243
В монастыре	263
Бируте Магдалена	279
Встреча	287
В партизанских лесах	293
«Бомбека»	301
Васька — боевой партизан	313
Смерть друга	321
Шуля выполняет задание	335
Ривкеле Виленская	344
Освобождение/Эпилог	352

КНИГИ изд-ва „БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ”

1. Леон Юрис. ЭКСОДУС. Книга 1
2. Леон Юрис. ЭКСОДУС. Книга 2
3. Д-р А. И. Кауфман. ЛАГЕРНЫЙ ВРАЧ
4. Сарра Нешамит. ДЕТИ С УЛИЦЫ МАПУ
5. Арье (Лева) Элиав. НАПЕРЕГОНКИ СО ВРЕМЕНЕМ
6. Д-р Е. Хисин. ДНЕВНИК БИЛУЙЦА
7. Макс Брод. РЕУВЕНИ, КНЯЗЬ ИУДЕЙСКИЙ
8. 6 000 000 ОБВИНИЯЮТ (Процесс Эйхмана)
9. А. И. Гешель. ЗЕМЛЯ ГОСПОДНЯ
10. НА ОДНОЙ ВОЛНЕ. Еврейские мотивы в русской поэзии
11. Натан Альтерман. СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДО
12. Шаул Черниховский. СТИХИ И ИДИЛЛИИ
13. Теодор Герцль. ИЗБРАННОЕ
14. Ахад-Гаам. ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ
15. Ахарон Мегед. ХЕДВА И Я
16. Яков Цур. И ВОССТАЛ НАРОД
17. Р. и У. Черчилль. ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА
18. ПРИДЕТ ВЕСНА МОЯ. Стихи советского еврея
19. Говард Фаст. МОИ ПРОСЛАВЛЕННЫЕ БРАТЬЯ
20. И. Домальский. РУССКИЕ ЕВРЕИ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ
21. Игал Аллон. ОТЧИЙ ДОМ
22. Юлия Шмуклер. УХОДИМ ИЗ РОССИИ
23. Хана Сенеш. ДНЕВНИК
24. ЕВРЕИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1917 - 1967)
25. Ш. Й. Агнон. ИДО И ЭЙНАМ. Рассказы, повести, главы из романов.
26. Элиэзер Смоли. ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ
27. Тувия Божиковский. СРЕДИ ПАДАЮЩИХ СТЕН
28. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА. Книга 1
29. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА. Книга 2
30. А. Итай и М. Нейштат. ЧЕРЕЗ ТРИ ПОДПОЛЬЯ
31. Эли Люксембург. ТРЕТИЙ ХРАМ

32. С. Г. Фруг. СТИХИ И ПРОЗА
33. Р. Губер. КНИГА БРАТЬЕВ
34. ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ. Географический очерк
35. Дж. и Д. Кимхи. ПО ОБЕ СТОРОНЫ ХОЛМА
36. И. Башевис-Зингер. РАБ
37. Р. Бонди. ЭНЦО СЕРЕНИ
38. Иегуда Галеви. СЕРДЦЕ МОЕ НА ВОСТОКЕ
39. Шломо Цемах. ГОД ПЕРВЫЙ
40. Шаул Авшур. С ПОКОЛЕНИЕМ ХАГАНЫ
41. Ханох Бартов. ВОЗМУЖАНИЕ
42. Ружка Корчак. ПЛАМЯ ПОД ПЕПЛОМ
43. Бернард Маламуд. ПОМОЩНИК
44. ДРУЗЬЯ РАССКАЗЫВАЮТ О ДЖИММИ
45. МОЙ ПУТЬ В ИЗРАИЛЬ. Сборник очерков
46. Моше Натан. БИТВА ЗА ИЕРУСАЛИМ
47. Ицхак Маор. СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ
48. Ицхак Шенхар. СЫНЫ ЗДЕШНИХ МЕСТ
49. Генри Рот. НАВЕРНО ЭТО СОН
50. СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА
51. Моше Шамир. ОН ШЕЛ ПО ПОЛЯМ
52. Ахарон Мегед. ЗА СЧЕТ ПОКОЙНОГО
53. Давид Маркиш. ПРИСКАЗКА
54. МАКОВЫЙ ХОЛМ. Рассказы о жизни в киббуцах
55. Джон Орбах. РИКША
56. Иосеф Гедалия Клаузнер. КОГДА НАЦИЯ БОРЕТСЯ ЗА СВОЮ СВОБОДУ
57. Исаак Бабель. ДЕТСТВО И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ
58. Проф. И. Слуцкий. ИСТОРИЯ ХАГАНЫ. Книга 1
59. Проф. И. Слуцкий. ИСТОРИЯ ХАГАНЫ. Книга 2
60. Андре Шварц-Барт. ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ПРАВЕДНИКОВ
61. Эммануэль Литвинов. ПУТЕШЕСТВИЕ ПО МАЛОЙ ПЛАНЕТЕ
62. Владимир (Зеев) Жаботинский. ИЗБРАННОЕ
63. Мартин Бубер. ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
64. Макс И. Даймонт. ЕВРЕИ, БОГ И ИСТОРИЯ
65. Сол Беллоу. ПЛАНЕТА м-ра СЭММЛЕРА
66. ЕВРЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ. Сборник:
И. Кауфман. Библейская эпоха
Л. Финкелстайн. Еврейская вера и претворение ее в жизнь
Ш. Эттингер. Корни современного антисемитизма
67. А. Сущевер. ЗЕЛЕНЫЙ АКВАРИУМ

68. АНТИСЕМИТИЗМ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ. Сборник
69. СКОПУС. Антология поэзии и прозы писателей-репатриантов из СССР
70. Ури Дан. ОПЕРАЦИЯ ЭНТЕББЕ
71. Моше Шамир. СВОИМИ РУКАМИ
72. Л. Коллинз и Д. Лапьер. О, ИЕРУСАЛИМ!
73. М. Новомейский. ОТ БАЙКАЛА ДО МЕРТВОГО МОРЯ
74. М. Гесс. РИМ И ИЕРУСАЛИМ
75. Ф. Кандель. ВРАТА ИСХОДА НАШЕГО
76. Ф. Баазова. ПРОКАЖЕННЫЕ
77. А. Шлионский. ГОРЫ ГИЛЬБОА
78. Иехуда Бурла. ПОХОЖДЕНИЯ АКАВЬИ
79. Х. Н. Бялик и И. Х. Равницкий. АГАДА
80. ИСКУССТВО В ЕВРЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ
81. ДВЕ КОНЦЕПЦИИ ЕВРЕЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ:
- Б. Динур. Исторические основы возрождения Израиля
- С. Дубнов. Письма о старом и новом еврействе
82. ЕВРЕЙСКАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПОЭЗИЯ В ИСПАНИИ
83. Ханох Бартов. ВЫДУМЩИК
84. Гилель Бутман. ЛЕНИНГРАД — ИЕРУСАЛИМ С ДОЛГОЙ ПЕРЕСАДКОЙ
85. Жак Дерожи. ТАЙНА СУДНА „ЭКСОДУС-1947”
86. Цивья Любеткин. В ДНИ ГИБЕЛИ И ВОССТАНИЯ
87. М. Стейнберг. ОСНОВЫ ИУДАИЗМА
88. А. Кестлер. ВОРЫ В НОЧИ
89. Я СЕБЯ ДО КОНЦА РАССКАЗАЛА. Сборник стихов
90. Ада Серени. КОРАБЛИ БЕЗ ФЛАГОВ
91. Иехуда Атлас. ХОТЬ НА ВИСЕЛИЦУ
92. М. Стейнберг. КАК СОРВАННЫЙ ЛИСТ
93. Н. Полетика. ВИДЕННОЕ И ПЕРЕЖИТОЕ
94. Эли Визель. ЛЕГЕНДЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ
95. Альбер Мемми. ОСВОБОЖДЕНИЕ ЕВРЕЯ
96. Шломо Авинери. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ЕВРЕЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
97. МЫ НАЧИНАЛИ ЕЩЕ В РОССИИ. Воспоминания
98. Хаим Градэ. АГУНА (БЕЗМУЖНЯЯ ЖЕНА)
99. Лун Финкелстайн. РАББИ АКИВА
100. Хаим Вейцман. В ПОИСКАХ ПУТИ. Книга 1
101. Хаим Вейцман. В ПОИСКАХ ПУТИ. Книга 2
102. Муня М. Мардор. СЕКРЕТНАЯ МИССИЯ

103. **Феликс Розинер.** СЕРЕБРЯНАЯ ЦЕПОЧКА
104. **Владимир Лазарис.** МОЯ ПЕРВАЯ ВОЙНА
105. **Михаэль Бар-Зохар.** БЕН-ГУРИОН. Биография. Книга 1
106. **Михаэль Бар-Зохар.** БЕН-ГУРИОН. Биография. Книга 2
107. **ИВРИТ — ЯЗЫК ВОЗРОЖДЕННЫЙ.** Сборник статей
108. **Ахарон Аппельфельд.** ПОРА ЧУДЕС
109. **Гилель Бутман.** ВРЕМЯ МОЛЧАТЬ И ВРЕМЯ ГОВОРИТЬ
110. **Голда Меир.** МОЯ ЖИЗНЬ. Книга 1
111. **Голда Меир.** МОЯ ЖИЗНЬ. Книга 2
112. **Василий Гроссман.** НА ЕВРЕЙСКИЕ ТЕМЫ. Книга 1
112. **Василий Гроссман.** НА ЕВРЕЙСКИЕ ТЕМЫ. Книга 2
113. **В ОТКАЗЕ.** Сборник
114. **Гершом Шолем.** ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ В ЕВРЕЙСКОЙ МИСТИКЕ. Книга 1
115. **Гершом Шолем.** ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ В ЕВРЕЙСКОЙ МИСТИКЕ. Книга 2
116. **Эфраим Урбах.** МУДРЕЦЫ ТАЛМУДА
117. **В ПОИСКАХ ЛИЧНОСТИ.** Сборник рассказов современных израильских писателей
118. **Владимир (Зеев) Жаботинский.** ПОВЕСТЬ МОИХ ДНЕЙ. Воспоминания
119. **Оскар Минц.** ПРИЗМЫ
120. **Игал Аллон.** ЩИТ ДАВИДА
121. **Моше Даян.** ЖИТЬ С БИБЛИЕЙ
122. **Иерухам Кохен.** ВСЕГДА В СТРОЮ. Записки израильского офицера
123. **Исаэль Таир.** СИНАГОГА — РАЗГРОМЛЕННАЯ, НО НЕПОКОРЕННАЯ
124. **Виталий Рубин.** ДНЕВНИКИ. ПИСЬМА. Книга 1
125. **Виталий Рубин.** ДНЕВНИКИ. ПИСЬМА. Книга 2
126. **Анита Шапира.** БЕРЛ. Книга 1
127. **Анита Шапира.** БЕРЛ. Книга 2
128. **Хаим Гвати.** КИББУЦ: ТАК МЫ ЖИВЕМ
129. **Виктория Левитина.** РУССКИЙ ТЕАТР И ЕВРЕИ. Книга 1
130. **Виктория Левитина.** РУССКИЙ ТЕАТР И ЕВРЕИ. Книга 2
131. **Януш Корчак.** ИЗБРАННОЕ
132. **Ашер Барац.** ИСТОРИЧЕСКИЕ НОВЕЛЛЫ
133. **Ицхак Орен (Надель).** МОЯ КАМЕНОЛОМНЯ
134. **Андре Неер.** КЛЮЧИ К ИУДАИЗМУ
135. **Ицхак Зив-Ав.** ГОВОРЯТ, ЕСТЬ СТРАНА...

136. Эрбер Ле Поррье. ВРАЧ ИЗ КОРДОВЫ
137. ГОСУДАРСТВО ИЗРАИЛЬ. Становление и развитие.
 Книга 1
138. ГОСУДАРСТВО ИЗРАИЛЬ. Становление и развитие.
 Книга 2
139. ИЗРАИЛЬ. Географический справочник
140. Шломо Гилель. С ВЕТРОМ ВОСТОКА
141. М. Бейзер. ЕВРЕИ В ПЕТЕРБУРГЕ
142. Абба Ковнер. КНИГА СВИДЕТЕЛЬСТВ
143. Авигдор Шинан. МИР АГГАДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
144. Давид Роскис. ВОПРЕКИ АПОКАЛИПСИСУ
145. Томас Мани. О НЕМЦАХ И ЕВРЕЯХ
146. Рамбам (Маймонид). ИЗБРАННОЕ. Книга 1
147. Рамбам (Маймонид). ИЗБРАННОЕ. Книга 2
148. И. Ахарони, Б. Рутенберг. ПО СЛЕДАМ ЦАРЕЙ
 И БУНТАРЕЙ
149. И. Гутман, Х. Шацкер. КАТАСТРОФА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ
150. Амос Эттингер. СЛЕПОЙ ПРЫЖОК
151. Феликс Кандель. СЛОВО ЗА СЛОВО
152. Ицик Мангер. ЖИЗНЬ В РАЮ
153. Леон Юрис. МИЛАЯ, 18. Книга 1
154. Леон Юрис. МИЛАЯ, 18. Книга 2
155. Коннор О'Брайен. ОСАДА
156. И. Башевис-Зингер. Сборник рассказов
157. Давид Шахар. ЛЕТО НА УЛИЦЕ ПРОРОКОВ
158. Владимир (Зеев) Жаботинский. САМСОН НАЗОРЕЙ

МОЛОДЕЖНАЯ СЕРИЯ

1. Рут Сэмюэлс. ПО ТРОПАМ ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРИИ
2. Дорит Оргад. МАЛЬЧИК ИЗ СЕВИЛЬИ
3. Ури Орлев. ОСТРОВ НА ПТИЧЬЕЙ УЛИЦЕ
4. Амос Оз. СУМХИ
5. Шмуэль Хуперт. ЛЬВЫ В ИЕРУСАЛИМЕ
6. Й. Сегал. ТАК ПОСТУПАЛИ НАШИ МУДРЕЦЫ
7. Яэль Розман. МОЙ РОМАН С БЕН-ГУРИОНОМ
 И ПНИНОЙ
8. Двора Омер. ПЕРВЕНЕЦ ДОМА БЕН-ИЕХУДЫ
9. Сами Михаэль. ПАЛЬМЫ В БУРЮ
10. Шмуэль Авидор-Хакохен. И СОТВОРИЛ БОГ...

11. Двора Омер. ЛЮБИТЬ ДО КОНЦА
12. Юрий Суль. ПАРТИЗАНЫ ДЯДИ МИШИ
13. Ицхак Ной. РОН И ДЖУДИ
14. И. Башевис-Зингер. ГАСНУЩИЕ ОГНИ. Сборник рассказов и сказок для детей
15. Эстер Файн. ХАДАС
16. Н. Гутман и Э. Бен-Эзер. МЕЖДУ ПЕСКАМИ И НЕБЕСНОЙ СИНЬЮ
17. АНТОЛОГИЯ ДЕТСКОЙ ИВРИТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Книга 1
18. АНТОЛОГИЯ ДЕТСКОЙ ИВРИТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Книга 2

70.125/5

ТРЕБУЙТЕ КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА
„БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ”
ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ
РУССКОЙ КНИГИ

Наши книги можно заказать
также по адресу:
P.O.B. 4140
91041 Jerusalem
Israel

БИБЛИОТЕКА "АЛИЯ"

1—2. Леон Юрис: ЭКСОДУС

3. Др. А. И. Кауфман: ЛАГЕРНЫЙ ВРАЧ